

ШЕРАГА,

или БЛАГОДАРНЫЕ ПОТОМКИ СИНЕГО ВОЛКА

(Роман-эссе)

ОТ АВТОРА: КАК ЗАРОЖДАЛАСЬ ЭТА КНИГА

«Мой Абай», «Мой Жамбыл», «Мой Ауэзов», «Мой Абиш»... А я представляю читателям «Моего Шерага». В этом, на мой взгляд, ничего противозаконного нет. Я, как и многие почитатели таланта Шерага, зачитывался его произведениями. Но наше с ним тесное общение началось в 1989 году. В ноябре того года Шерхан Муртаза был назначен главным редактором главной республиканской газеты «Социалистік Қазақстан» («Егемен Қазақстан»). И стал шестым моим начальником за время работы в данном издании. Вот с тех пор мы сдружились, как старший и младший братья. Мы стали вместе выезжать в командировки, на важные торжества, поэтому мне посчастливилось слушать его рассказы и песни, быть свидетелем его храбрых и щедрых поступков. Все свои впечатления я записывал в дневник. Оказалось, успел собрать большой материал.

Время от времени я работал над своими записями, дорабатывал, шлифовал. Узнав об этом, некоторые коллеги и друзья посоветовали сделать литературный сборник. Однако Шерага был против такой идеи. Не знаю, как бы все повернулось, если бы мне не припомнился один случай.

Накануне празднования семидесятилетия газеты «Егемен Қазақстан» только что назначенный главный редактор неожиданно спросил меня:

– Ты ведь из одного аула с Кареке?

Я понял, что он имел в виду Каратая Турысова, с которым он учился и жил в одном интернате (о нем Шерага написал в автобиографическом романе «Ай мен Айша» – «Луна и Айша», рассказывал много интересных случаев).

– Да, из Жасоркена, – ответил я.

– Значит, и ты знаешь кыргызский язык, – сказал Шерага, погладив усы (этот жест говорил о том, что он задумал какую-нибудь хитрость). – Наверное, по молодости не раз навещался к соседям, чтобы за их девочками приударить...

– Ой, Шерага, молодость ведь не знает границ, – в тон ему пошутил я. – Вместо «с» говорите «ш», вместо «ш» – «ч», и все будет понятно.

– Коль так, то к нам на юбилейные торжества прибудет делегация республиканской газеты «Кыргыз туусу», у нее статус, как у нашего «Егемена», во главе с главным редактором Курманбеком Раматовым, – сказал Шерага. – Вот ты их встретишь и проводишь. Смотри, я поручаю тебе очень важную работу, головой отвечаешь...

Из кабинета начальника я вышел с двумя вопросами: первый – почему он поручает мне столь ответственное задание, когда у него есть два заместителя? Или он думает, что если я родом из приграничного села, люди которого имеют с кыргызами родственные связи и освоили их язык, то быстро найду общий язык с коллегами из Бишкека? Второй вопрос: или Шерага дает поручения независимо от должности человека, а исходя из его способностей? Значит, он мне доверяет. А коль так, то я сделаю все посильное, чтобы оправдать его доверие.

Если говорить о моем знании кыргызского языка, то расскажу об интересном случае, произошедшем лет десять назад. Вспомнив о нем, я непроизвольно засмеялся.

У нас часто говорят, что «у казахов и кыргызов одни корни». Может быть, так и есть. Я нисколько в этом не сомневаюсь. И религия одна, и на вид мы одинаковые, традиции и обычаи сходятся, будто Бог создавал народы-близнецы. Мы похожи даже в таких мелочах, как есть и пить водку!..

Было это давно. Наша газета «Егемен Қазақстан» («Социалистік Қазақстан») и кыргызская «Кыргыз туусу» («Советтик Кыргызстан») взялись обмениваться специальными полосами о «нерушимом» единстве братских народов СССР. Изготовление очередной полосы выпало на мою долю, и мне довелось целую неделю пробыть в столице соседней республики городе Фрунзе, сейчас – Бишкек. Одно только название «командировка», а так материалы готовили местные журналисты. Моя задача состояла в том, чтобы согласовывать с ними темы и объекты. Утром заходил в редакцию, и мы с заместителем главного редактора Бирой (фамилию забыл), которого за мной закрепил шеф Турсунов, шли осматривать город. Вот тогда я воочию убедился, что мы одинаковы в кулинарных пристрастиях. И не только.

Время пролетело так быстро, что я не заметил, как закончилась командировка. Положив в портфель макет полосы, начерченный кыргызскими коллегами, а также материалы, вернулся в Алматы. Было это в пятницу после обеда, поэтому решил не идти в редакцию, а поехал домой. То ли неделя свободной жизни сказалась, то ли оттого, что дома никого не было, мне стало скучно. И я, взяв телефонный справочник редакции, начал звонить коллегам по работе. Поначалу никто не поднимал трубку. Наконец в трубке раздалось:

– Алло, кто это?

Я сразу узнал голос одного из старших коллег, писателя, который пришел в редакцию давно, но ни с кем из коллег не дружил, был замкнутым человеком. Поговаривают, что раньше крепко выпивал, но бросил. Когда я уезжал в Бишкек, он тоже находился в командировке. То ли поэтому, или под впечатлением от поездки в Кыргызстан я неожиданно даже для себя приветствовал его на кыргызском языке:

– Чолом алейкуум!

– Аликсалам, кто это? – вновь спросил коллега.

– Я из «Советтик Кыргызстана», – продолжал разыгрывать я на кыргызском языке, обрадовавшись, что он не узнал меня. – Я приехал в командировку в вашу газету. Сейчас нахожусь в гостинице. Ваше имя широко известно среди читателей.

ской общественности, мы, кыргызы, тоже знаем вас. С удовольствием читаем ваши произведения. Поэтому первым делом звоню вам.

Что значит похвалить человека! Он после таких дифирамбов готов взлететь, потому что ему становится тесно на земле. Только что вяло спрашивавший «кто это?» коллега неузнаваемо оживился:

– Апыр-ай, а, неужели и кыргызские братья знают меня?! – засуетился он. – Я только что вошел в кабинет, был в командировке, встречался с читателями. Что бы сделать, а?..

– Ничего не нужно, приезжайте в гостиницу, – продолжил я, вложив весь запас знаний кыргызского языка. – Отведаем коньяк «Ала-Тоо», всем хватит.

– Апыр-ай, – вновь заволновался коллега. – Как быть, а? Я только что с дороги, устал, к тому же немного желудок побаливает...

Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов. И я решил играть роль кыргызского журналиста до конца:

– Тогда сделаем так: если вы не можете приехать, пришлите такого же человека, как вы сами, с кем можно за дастарханом побеседовать. Есть у вас такой писатель-журналист?

– Есть, есть! – сразу согласился коллега. – Сейчас вам его телефон дам, – сказал он и зашуршал бумагой.

Я удивился, что он не знает наизусть номера телефонов друзей, с которыми пил-ел. Но тут в трубке вновь раздался голос коллеги:

– Алло, запишите, это хороший журналист, и в литературе разбирается, и человек компанейский, – сказал коллега и назвал номер моего телефона.

Я растерянно присел...

В понедельник мы с коллегой встретились на работе. Думая, что он что-то скажет, я наблюдал за ним. Но нет, и виду не подает. «И в самом деле он не узнал меня по голосу? Или прикидывается? Почему он не ищет кыргызского журналиста? И почему он назвал мое имя и дал номер моего телефона?» Я до сих пор не знаю ответов на эти вопросы.

...Много позже, когда мы проводили встречи с читателями, я как-то рассказал об этом случае Шерага. Обычно в таких случаях он весело смеялся, а тут молча посмотрел на меня и сказал:

– Это же готовый сюжет, напиши давай!

Я не мог заставить Шерага дважды повторять одно и то же...

Изложив на бумаге эту историю о себе, я тоже задумался: идею написать под-сказал Шерага, так почему мне не написать про него? Если завтра стану рассказывать, как мы с ним вместе ездили по городам и весям, как дружили, делились мыслями, кто-то поверит, а кто-то не поверит, будут сомневающиеся. Поэтому я начал публиковать короткие рассказы о нем в разных изданиях. Шерага не высказал своего мнения, но и противиться не стал. «Молчание – знак согласия», – решил я и продолжил работу над материалом. Ведь каждый миг содержательной и насыщенной жизни Шерага есть сюжет для произведения.

ГРУЗ ДОВЕРИЯ

Когда Шерхана Муртазу в 1989 году назначили главным редактором центральной республиканской газеты «Социалистик Қазакстан» (сейчас «Егемен Қазақстан»), коллективу редакции его представил тогдашний секретарь Центрального комитета Компартии Казахстана Озбекали Жанибеков.

– Вы все люди творчества, – сказал он после того, как подробно рассказал о жизненном пути Муртазы, – поэтому, думаю, наставления «делайте так, пишите так» будут излишни, нет необходимости в многословии. Единственное, о чем хочу попросить, так это чтобы вы приложили силы для повышения авторитета газеты. А для этого следует побольше давать материалов о проблемах и интересах народа, показывать славную историю и светлое будущее нации. Будет правильным, если таким образом сделать газету общенациональным изданием. Считаю, что для достижения этой цели у вашего нового руководителя хватит и сил, и опыта.

Шерага был краток.

– Что мне добавить? – с этими словами он вопросительно посмотрел на Озбекали. – Вы все сказали, после Вас все чисто, будто комбайн прошелся. Мне остается только обещать, что оправдаю оказанное доверие. – Шерага повернулся к присутствующим: – Одно дерево – не лес. Сколько бы ни хвалил меня секретарь, один я ничего не смогу сделать. Буду надеяться на вас. Будем работать сообща. Если пальцы сжаты в кулак, их никто не сможет разогнуть, не то что сломать. Давайте вместе сделаем газету любимым изданием народа!..

Шерага как в воду глядел, когда говорил эти слова. Прошло немного времени, и газета «Социалистик Қазақстан» избавилась от черствости и однобокости, резко выросло число читателей, естественно, увеличился тираж.

Дальновидность руководителя заключается в том, что он умеет распознавать думающих специалистов, способных внести в работу свежую струю, оказывает им доверие. А вот способность и желание оправдать такое доверие – это честь и ответственность для каждого человека.

ЗНАКОМСТВО – НАЧАЛО ЕДИНЕНИЯ

На первом собрании творческого состава редакции Шерага сказал, что выражение «одно дерево – не лес» принадлежит не ему. «Поскольку перед нами стоит задача улучшить качество газеты, придется напрячься всем. Вы понимаете, что это напрямую зависит от качества написанных вами материалов. А это, в свою очередь, требует, чтобы каждый член коллектива проникся чувством ответственности за судьбу газеты. Перед журналистом стоят две равнозначных задачи – организовывать необходимые статьи и самому писать интересные, проблемные материалы. Оказывается, я знаю только одного-двух из вас. Думаю, и знакомство, и дружба – дело ближайшего будущего...» – говорил тогда Шерага.

Едва закрылась дверь кабинета главного редактора, как журналисты в коридоре загудели.

– Что он сказал?

– Он, что, говорит, знает только нескольких из нас?

– Я один из тех нескольких, которых Шаке знает!

Обернувшись на эти слова, увидел Совета Шиманбаева.

– Да, – повторил Саке, поправив очки, – когда он был корреспондентом по Целинному краю, я работал в Актогае, в комсомоле. А потом, когда я перевелся в «Лениншіл жас», работали в одном коллективе. Мы втроем с Кареке Ахметовым были неразлучны. Вот теперь и в «СҚ» вновь встретились.

– А я познакомлюсь с ним, пригласив домой! – сказал Тажибай-агай. – Что в этом такого?! – Он шутливо передернул плечами. – Оказывается, мы ровесники с Шаке. Я его приглашу не как начальника, а как ровесника. И пусть попробует не прийти!..

Кстати, о приглашении. Когда Балгабек Кыдырбекулы был нашим руководителем, говорил: «Я приму участие в общих торжествах коллектива, но ни к кому из вас домой в гости не пойду. Однако запомните: бьюсь об заклад, что если вы, находясь в любой точке Алматинской области, скажете «я сотрудник Кыдырбекулы», вам там окажут ханские почести».

Каждое слово имеет определенный смысл. На все есть своя причина. Я подумал, что Шерага, говоря «я знаю только одного-двух из вас», имел в виду творчество. Наверняка он подразумевал журналистов, имена которых уже были на слуху благодаря их запоминающимся материалам в газетах и журналах.

А по поводу приглашения домой с целью поближе познакомиться, скажу следующее. Мы и раньше слышали, что Шерага из числа тех людей, которые ведут себя в соответствии с тем, как к нему относятся окружающие. Если кто задирает нос, Шерага задирает еще выше, если кто относится с уважением, Шерага ответит тем же. Он никогда не изменял своим принципам. А то, что его личность овеяна легендами, так это придумывали сами журналисты и писатели. Например, Оралхан пригласил Шерага в гости, а сам наутро опоздал на работу, за что якобы получил выговор, или якобы Шерага вернул Копену пепельницу, которую он привез в подарок из-за границы. Кто был свидетелем этого, кто подтвердит, что так было? Ведь невозможно поверить в то, что Шерага не знал корреспондентов ежедневной газеты «Социалистік Қазақстан», тогда как знал «частного батыра» Алдана Айымбетова (выпускал двухполосную газету «Казахская правда»), о котором Шерага писал позже Камалу (Смаилову). Да, журналистская стезя трудная. В какие бы перипетии ни попал, журналист не должен хмуриться.

Журналисты мало-помалу пишут правду. Но им не хватает исследовательской работы, знаний, поэтому они не до конца разбираются в сути проблем. Не достает острого пера, гражданской позиции. К сожалению, не так часто встретишь публицистов, которые способны ответить на вопросы: в каком обществе мы живем? На чем основаны наши взаимоотношения? Каковы его основные принципы?

ЧЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕННЕЕ, ТЕМ СКРОМНЕЕ

Буквально на следующей неделе Шерага вызвал меня в кабинет по вопросу о подписке на газету.

– Вижу, ты закреплен за Жамбылской областью. И как там обстоит с подпиской на нашу газету? – спросил он.

– Неплохо, – замялся я, потому что подписка шла не очень.

– А почему не хорошо? – ага стал рассматривать лежащую перед ним сводку. – Жамбылская область одна из тех, где преобладает казахское население. Но несмотря на это находится на одном уровне с другими. Почему не агитируете, чтобы подписывались?..

– Так мы говорим с руководителями, – ответил я, опустив глаза. – Они обещают, что организуют подписку.

– О чем ты говоришь? – повысил голос Шерага. – Руководители и без нас подпишутся. Не с руководителями, а с населением нужно говорить. А для этого надо ездить по селам, беседовать с людьми. Ведь наши основные читатели они.

– Вы правы, Шерага, – немного осмелел я, – мы каждый год выезжаем в аулы, проводим читательские конференции, все обещают подписаться на газету, но после нашего отъезда все остается на прежнем уровне.

– Вот в таких случаях нужно обращаться к руководству области. Сказать, что в том или другом районе обещают такую-то подписку, и попросить помочь районам.

– Они могут прислушаться к словам только таких авторитетных людей, как Вы, – я даже не заметил, как с уст сорвалось такое, и прикусил язык.

Шерага поднял на меня удивленные глаза, будто видит меня в первый раз.

– А твой авторитет чем хуже?! – Шерага вскинул руки вверх. – Ты писатель, журналист, заведующий отделом республиканской газеты! Что еще нужно?

– И тем не менее Вы – это Вы, – не унимался я.

– Хорошо, в таком случае поедем в аул, о котором ты говоришь, – Шерага принял неожиданное решение. – Посмотрим, какова твоя правда.

– Ой, Шерага, надо же предупредить руководителей области...

– О чем?

– Так и так, едем в вашу область

– Нет необходимости, – махнул рукой Шерага. – Мы едем встречаться с читателями, а не с руководителями. Начнем с Кордая, он ближе всех. Дальше проедемся вдоль Шу и посетим Мойынкун. Выезжаем завтра рано утром на машине.

Вот так мы объездили все районы Жамбылской области, встретились лицом к лицу с читателями, откровенно поговорили о наболевшем, поделились хорошими новостями. И где бы мы ни встречались с людьми, Шерага беседу начинал с вопроса «Для чего нужно подписываться на газету?» и сам же отвечал на него. Я запомнил некоторые его слова, которые, как было заметно, задели сельчан за живое: «Мы получили свободу, о которой веками мечтали наши предки. Государство у нас молодое. Один ствол независимости – это язык. А экономика и духовность – это два крыла нашего государства».

Шерага еще говорил, что голод можно утолить, перекусив чего-нибудь, но надо уберечься от духовного голода. И продолжал: «Сейчас книги не печатаются. Журналы закрываются. Радио молчит. Если дадут электричество, можете посмотреть телепрограммы. Хотя и телевидение находится в упадке. Показывает всякую чушь. Ни совести, ни духовности. Остается газета, которая восполняет духовную пищу, освещает сердца людей. Если казахи не станут выписывать казахскую газету, что станет со всеми нами? Это же испытание нас на гражданственность!»

В том году число подписчиков в Жамбылской области на газету «Егемен Қазақстан» выросло в четыре-пять раз, а общий тираж приблизился к двумстам тысячам! Этот показатель потом никто не повторил.

НАСТОЯЩИЙ ТУРАП

Мы с Шерага принимали участие в последнем съезде КПСС от начала до конца. Он тогда работал главным редактором газеты «Социалистік Қазақстан», был председателем республиканского Союза журналистов и на съезд поехал в качестве делегата, а я – заведующий отделом газеты – как ее специальный корреспондент. Шерага поселился в гостинице «Россия», а я в доме посольства Казахстана на Чистопрудном бульваре. Хоть и жили в разных местах, весь день проводили вместе – во Дворце съездов Кремля.

Работа съезда начиналась в десять часов. А до этого ежедневно то на дежурной машине, то пешком я добирался до гостиницы, где с Шерага мы пили хорошо заваренный чай. Ага взял с собой из аула пару кругов казы, а также изюм и сушеный абрикос. Он не спеша доставал все это из холодильника, отрезал от казы жирный кусок и предлагал мне.

– Это в тысячу раз полезнее бесплатной зелени и сухих смесей в кремлевской столовой, не так ли? – говорил он, кладя в рот кусок казы. – Наши славные предки знали, что в утренний поход нельзя выходить на голодный желудок, поэтому за-

втрак был обязателен. Наверное, это и есть бодрость духа. Мы тоже участвуем в своего рода походе. Поешь, до вечера будешь сытым ходить.

Хотя к тому времени силы партии поиссякли, порядок поддерживался, как и прежде. Пока добирались до Спасских ворот, нас неоднократно останавливали и проверяли документы. Шерага с интересом разглядывал толстые, в несколько обхватов, каменные стены и приговаривал: «Неужели они боятся, что мы вот это взорвем?» Затем, внезапно остановившись, будто что-то вспомнилось, говорил: «В одном из этих красных домов жил и работал Турар. Э-эх, найти бы комнаты, по которым ступала его нога, и поклониться его духу!»

После таких проникновенных слов я чуть замешкался и приотстал от спутника. «Да это же сам Турар!» – подумалось мне про Шерага, когда я бросился догонять его, а он шел впереди, ничего не подозревая и слегка сгорбив плечи.

ПОКУПКА БОТИНОК

Перед отъездом на этот двадцать восьмой съезд КПСС Дарига купила мне новые туфли. Я обулся в них в день отъезда. Поначалу все было хорошо, но все беды начались, едва мы вошли в Кремль. Там мы весь день находились на ногах, и уже через несколько дней ноги были стерты в кровь. От боли я стал прихрамывать.

– Эй, что с тобой случилось? – спросил Шерага во время вечернего чаепития в его гостиничном номере. – Ковыляешь, как кляча.

Делать нечего, пришлось признаться.

– Вон оно в чем дело, – протянул он с усмешкой и, вспомнив притчу о том, как один главный визирь принес личному парикмахеру золотой станок, чтобы он побрил царя, сказал: – Значит, ты забыл правило, что, выходя в дальний путь, нельзя надевать новую обувь, – с этими словами он вытащил из-под кровати черный чемодан, достал целый сверток лекарств и мазей в целлофановом мешке и велел: – Сделай обработку, не то совсем без ног останешься.

Я вокруг раны протер спиртом, на саму рану положил ватный тампон с мазью, затем перебинтовал стопу. Через пару минут наступило облегчение. Но теперь нога не вмещалась в туфли. Шерага покачал головой.

– Вот незадача, теперь не сможешь надеть туфли, – сказал он. – Пока не заживет рана, нужно найти что-нибудь на несколько размеров больше. У тебя есть кроссовки?

– Да, но они остались в комнате. Однако в них неудобно идти на съезд.

– Дался тебе этот съезд! – воскликнул Шерага. – Ты вначале подлечи ногу. Съезд будет работать и без тебя. Впрочем, если найти ботинки, то и на съезд можно сходить. Но опять же нужны размером побольше, чтобы не растирали рану.

Пока мы так препирались, в комнату заглянул Олег, наш коллега из русскоязычной газеты. Он был смелым человеком, вел себя раскованно, при случае не отказывался и от ста граммов.

– Слушай, Олег, ты завтра сможешь сходить с Адилом в ГУМ ботинки купить? – на чистом русском языке обратился к нему Шерага, показав, что не зря пять лет учился в Москве.

– Он сам не может купить, маленький, что ли?

– Потом покупку обмоем! – предложил Шерага, зная слабое место Олега.

Так на следующий день я в сопровождении коллеги оказался в ГУМе. Но и здесь мы столкнулись с проблемой. Оказалось, что москвичи производственные товары продают только по талонам, которые выдаются лишь тем, кто зарегистри-

стрирован в столице. Я зашел к директору магазина, рассказав, что приехал в Москву на съезд. Однако он и близко к себе не подпустил, заявив – не вы ли, коммунисты, придумали эти талоны? Шерага угадал, послав со мной Олега. Он зашел к директору после меня и вышел с двумя талонами на руках. Не знаю, как он уломал этого треклятого директора, но вопрос, на мое счастье, был решен. Один талон мне, другой – Олегу. Таким образом, один из нас приобрел ботинки, другой – туфли.

По возвращении в гостиницу я все подробно описал Шерага и сказал:

– Я схожу в буфет.

– Зачем? – спросил Шерага.

– А если Олег зайдет...

– Ты не беспокойся, он больше не зайдет, – рассмеялся Шерага.

Я удивился:

– Почему?

– А потому, что он же приобрел обувь, а значит, тоже должен обмыть обновку.

Однако он ни в жизнь на такое не пойдет.

Шерага, как всегда, оказался прав: Олег в тот вечер не показал и носа. А я ходил на съезд в больших ботинках с высоким голенищем.

– Нецево, – посмеивался Шерага, – незаметно, брючины скрывают. Теплота взамен красоты.

ВЛИЯНИЕ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА

Еще одна история, случившаяся на последнем съезде КПСС. То ли скучные заседания надоели, то ли было решено дать возможность делегатам отдохнуть, но руководство определило одни сутки на обмен опытом. Однако утром в гостинице посольства меня разбудил настойчивый телефонный звонок. Звонил Шерага.

– Ты почему до сих пор лежишь? – спросил он.

– Отдыхаю. Обмен опытом нас не касается ведь.

– Если не тот опыт, так есть другой опыт, – сказал Шерага. – Давай быстро собирайся и езжай к нам. Жду в комнате.

От дома посольства до гостиницы «Россия» совсем недалеко, на метро всего две станции. Я тотчас помчался туда. Зашел в комнату и поразился – Шерага накрыл щедрый стол: здесь и казы-карта, кумыс и кымыран, все есть.

– Садись, – сказал он, придвигая к столу стул. – Сейчас я познакомлю тебя с одним большим человеком. Он разбирается в литературе, в руках у него есть власть.

Едва он сказал эти слова, как зазвенел телефон. Шерага поднял трубку.

Молча выслушав собеседника, он сказал:

– Очень жаль, что не получилось. Тогда Вашу долю я отдам Адилу, – ага подмигнул мне.

Я понял, что он разговаривает с человеком, которого мы ждали. Неожиданно его пригласили москвичи, которые по рангу оказались выше его. Он не смог отказать им. Позвонил, чтобы предупредить Шерага.

Я не спросил, как зовут этого «большого человека». И Шерага не стал говорить. Но о нем я вспомнил спустя некоторое время после возвращения в Алматы, когда мне в центре города выделили большую четырехкомнатную квартиру. Шерага намекнул, что не обошлось без содействия того «большого человека». Я и в этот раз не спросил: «А кто он?» – так как мне кажется, что большего, чем Шерага, человека нет.

ПРОБКА ДЛЯ ГЛОТКИ

Моя первая совместная с Шерага поездка по регионам началась с аулиеатинской земли. Мы посетили Кордайский, Шуский, Мойынкумский, Таласский и Сарысуский районы Жамбылской области и добрались до границы Созакского района Южно-Казахстанской области.

– Ну, теперь держись, – сказал Шерага загадочно. – Смотри, эта сторона – земля святых, земля аруахов. Они недолюбливают тех, кто попивает горькую.

Я понял его намек: он не говорит прямо «не пей», просто предупреждает «смотри». В поездке по Жамбылской области я немного расслабился, так как был рад встрече с родными краями. Елен приехал из Тараза. Затем встретился Несипбай из Айдарлы. Мы втроем дружим с юных лет. С Еленом вместе учились в университете, а с Несипбаем познакомились и сдружились во время моих командировок в Мойынкумы. Елен – журналист, Несипбай – экономист. Вот втроем после официальных встреч, уложив Шерага отдыхать, продолжали свою встречу в теплой компании. Начинали с обсуждения итогов работы за день, спрашивали друг у друга, понравились ли встречи Шерага. А завершали возлияниями за «все хорошее». Это было похоже на то, как в растопленную печь подкинуть пару лопат угля. Но после слов Шерага мне стало неловко. И тем не менее я осмелился сказать:

– Шерага, говорят, что в этой стороне находится мавзолей святого Баба Тукти Шашты Азиза. Может, заедем.

– Да, есть, – ответил ага, – он находится по пути в Кызылколь. Но чтобы посетить мавзолей, человек должен загодя подготовиться, очиститься. А мы уже несколько дней в пути, потные, грязные, как в таком виде поедем туда?

Опять он проучил. Потный и грязный – это я. В течение двух суток после официальных встреч на неофициальных встречах выпивал без меры. Честно говоря, я сам к себе чувствовал отвращение. А Шерага бодрый. Мы вместе сидели за щедрым дастарханом, далеко за полночь беседуя и распевая песни. Но по нему не скажешь, что и он пил дурную воду. Свеж. Я понял, что допустил большую оплошность. Где бы ни находился Шерага, а в особенности на родной жамбылской земле, его всюду встречают с почетом. Он заслужил это своим трудом и авторитетом. А я вел себя, будто все эти почести адресованы мне.

Шерага, видать, понял мое состояние и перевел разговор на другую тему, чтобы поднять мне настроение.

– Ты ведь знаешь Мамытбека, – начал он хриловатым голосом. – Так вот, он провел некоторое время с нашим Бауке. Когда батыра приглашали в гости, он брал его с собой. При этом наставлял ему: «Эй, Мамытбек, ты следи за мной. В гостях я буду вынужден поднять пару рюмок за хозяев дома, за их здоровье. Больше нельзя. Но они будут настаивать, а мне нельзя. В такие моменты ты подай мне знак». Мамытбек пару раз так и поступил. Но ты же знаешь наших людей, особенно когда в гости пожалует такой легендарный человек, как Бауке. Они настаивают, чтобы он побольше выпил. И в такие моменты Бауке отмахивался от напоминаний Мамытбека: «Да перестань ты, у меня пробка вылетела». Так что и у горла есть пробка. Надо быть внимательным. Нет, я не говорю, что нужно пробкой закупорить горло, надо время от времени вот так отпускать вожжи, – Шерага шуткой закончил свой рассказ.

Позже я часто выезжал с ним в командировки, принимал участие в торжествах, сидел за одним дастарханом. Но ни разу не проявлял слабость, не раскупоривал горло.

Наверное, это и есть «от хорошего человека – достойный пример».

БЕЗ СУВЕРЕНИТЕТА НЕТ НЕЗАВИСИМОГО НАРОДА

Осенью 1989 года, возглавив газету «Социалистік Қазақстан», Шерага с первых же дней решил изменить не только содержание издания, но и его название.

– Мы дожились до того, что народ вздрагивает, слыша слова «социализм», «социалистический», – сказал он на одной из планерок. – Нужно поменять название газеты. Не только отдельная газета, а сама жизнь меняется. Внутреннее содержание издания должно быть отражено в новом названии. Подумайте...

Подумали. Конечно, каждый по-своему. Некоторые предложили убрать «Социалистік», оставив только «Қазақстан». На первый взгляд, выглядело правильно. Но в то время многие учреждения уже застолбили за собой это название. Даже такие издания появились. Завтра они могут возразить. Нашлись и такие, которые предложили вернуться к старому названию «Еңбекші казак». Другие говорили, что подходит «Ақ жол».

Как это бывает и в других коллективах, у нас нашлись всезнайки, которые утверждали, будто бы Шерага предложил наверху назвать газету «Азат Қазақстан», но там его не поддержали. Кто-то сказал, что подойдет название «Республика», однако получил отпор от кого-то из коллег. Еще один выразил мнение, что будет правильным из слова «Қазақстан» убрать приставку «стан».

Кстати, когда появились разговоры о том, что человека, чье предложение будет принято, ждет щедрое вознаграждение, в редакцию стали звонить и писать читатели. Но, похоже, в Центральном комитете больше нашего озаботились поиском нового названия для газеты. Однажды Шерага вернулся оттуда мрачней черной тучи. Собрал членов редакционной коллегии и доложил обстановку:

– Пока мы тут чесались... – буркнул он, а затем продолжил: – Теперь думайте, не думайте, вы опоздали, господа. Там за нас придумали новое название остроумы из Политбюро...

– Как? Какое название? – зашумели мы разом.

– Об этом узнаете до конца рабочего времени, обещали сообщить.

Эту историю Шерага позже так вспоминал в одном издании:

«Был поставлен вопрос о переименовании газеты. Данный вопрос обсуждался даже в Политбюро Центрального комитета Компартии Казахстана.

– Как назовем газету? – спросили там.

– «Азат Қазақстан», – ответил я.

Некоторые члены Политбюро испуганно передернулись.

После бурных дебатов решили убрать слово «азат». Тогда я настоял на том, чтобы заменить его на слово «егемен». Члены Политбюро согласились и приняли соответствующее решение. Я вернулся в редакцию, чтобы оповестить коллектив, но тут грозно зазвонил «правительственный» телефон.

– Алло, – сказал секретарь Центрального комитета, – газета будет называться не «Егемен Қазақстан», а «Егеменді Қазақстан».

Не успел я возразить, как секретарь оборвал меня:

– Хватит, вопрос решенный, – и бросил трубку».

КОЛЛЕКТИВНОЕ РЕШЕНИЕ

Шерага отдыхал в санатории «Алатау». Аян предложил: «Давай навестим!»

– Хорошо, съездим, – ответил я. – Но как он воспримет это?

– Кумыса возьмем с собой, – сказал Аян, не поняв мой вопрос. – Я знаю, где купить хороший кумыс. Чур, деньги пополам.

– Хорошо, – сказал я вяло.

Субботним утром зазвонил телефон. Обычно в выходные мы вставали поздно, эту привычку знали все друзья и родственники. Поэтому они поутру не звонили нам. Но в этот раз телефон был настойчив. Я поленился встать, думал, коль скоро трубку никто не поднимает, звонивший оставит нас в покое. Но не тут-то было. Звонки становились все требовательнее. Даже дети в соседней комнате стали недовольно переворачиваться в постели. Делать нечего, пришлось вставать.

– Эй, ты до сих пор спишь? – раздался голос Аяна на том конце провода.

– Не рано ли звонишь? – вопросом на вопрос ответил я, вспомнив про вчерашний уговор.

– Как это – «не рано ли»?! – воскликнул Аян, чертыхнувшись. – Пока мы доедем, отдыхающие отзавтракают. Мы должны успеть до завтрака. Давай быстро приезжай на Зеленый базар, здесь сядем на автобус. Я тут у Кырмызы кумыс оптом купил.

Вскоре мы в приподнятом настроении сидели в люксовой номере Шерага.

– Спасибо, что навестили, – сказал он, провожая нас. – Ребятам привет передавайте. Скажите, что я здесь работаю, пусть не приезжают. Дня через три-четыре сам загляну в редакцию.

Действительно, через пару дней Шерага приехал в редакцию. Заместителя главного редактора Сабыржана Шукирова внезапно назначили руководителем новой газеты «Сұхбат». В этот же день шеф собрал членов редколлегии и заведующих отделами.

– Не хочу отнимать ваше время долгими разговорами, – начал Шерага громко. – Сабыржан растет по карьерной лестнице и уходит от нас редактором газеты «Сұхбат». Пожелаем ему успехов в новой должности. Теперь нужно на его место назначить другого заместителя главного редактора. Из своих. У вас есть достойные кандидатуры? Вот что я хочу услышать от вас.

– Конечно, есть!

– Их у нас много!

– А что скажут наверху?! – зашумели собравшиеся.

– Наверху я сам отвечу, – сказал Шерага. – Вот поэтому приехал так срочно. Как говорится, «свято место пусто не бывает». Как только появилась молва о том, что Сабыржан уйдет на повышение, моему телефону нет покоя. Ну же, говорите, кто достоин быть заместителем главного редактора.

– Илесов! – раздался голос.

Вслед все зашумели:

– Правильно, Илесов! Он достоин быть на этом месте!

– Вы что, сговорились?! – улыбнулся Шерага. – Да, господин Мынбай – опытный специалист. И знаний, и деловитости хватает, чтобы быть заместителем главного редактора. В принципе, я тоже о нем думал. Коль наши мнения сходятся, давайте проголосуем.

Журналисты как один подняли руки и проголосовали. На моей памяти, сколько здесь работаю, это был первый случай, когда коллектив сам выбрал себе одного из руководителей.

АУКЦИОН В АУЛЕ

Мы ездили по хозяйствам Жамбылской области с целью организовать подписку на газету. На читательскую конференцию в селе Толе Би – административном центре Шуского района – собралось много людей. После краткого выступления Шерага по заведенному порядку очередь дошла до вопросов и ответов.

Читатели задают вопросы, мы отвечаем. Вопросы были на самые разные темы, начиная с планов редакции и кончая личным творчеством Шерага.

Вдруг поднялся один человек и, заведя разговор о последнем романе писателя «Ай мен Айша», спросил, где можно купить эту книгу. Ведущий встречу аким района Курмангали Уалиев оказался острым на язык человеком. Он поднял над головой книгу, на которую только что получил автограф автора, и воскликнул:

– Для желающих купить – книга найдется, я ее выставляю на аукцион!

– Купим! Купим! Сколько бы ни стоила – купим! – зашумели в зале.

И тогда Куреке начал считать:

– Тысяча тенге – раз! Тысяча тенге – два!

Он не успел досчитать до трех, как в зале кто-то вскочил и выкрикнул:

– Две тысячи тенге!

Куреке не растерялся и продолжил:

– Две тысячи тенге – раз! Две тысячи тенге – два!..

Из зала вновь перебили:

– Три тысячи тенге!

Куреке откликнулся:

– Три тысячи тенге – раз! Три тысячи тенге – два!..

– Четыре тысячи тенге!

– Четыре тысячи тенге – раз!..

Но тут с места поднялся Шерага и перебил его:

– Курмангали, прекрати этот спектакль! Я сюда приехал не продавать свою книгу!

Однако Курмангали и не думал сдаваться.

– Ой, Шерага, зря Вы помешали довести аукцион до конца. Я же не глупец, чтобы продать единственную книгу, подаренную мне. Просто, пользуясь Вашим авторитетом, хотел узнать, у кого сколько денег.

Так Курмангали вынудил Шерага оставить связку книг, которые он собирался повезти в родной аул.

Но самое интересное нас ожидало в Мойынкуме. Читательская конференция, проходившая в районном доме культуры, шла к завершению. И тут слово попросил один аксакал.

– Дорогой Шерхан, – начал он, подчеркивая, что старше нас, – ночью приехал сын и рассказал, что ты жителям Шуского района раздал свою книгу «Ай мен Айша». А нам что-нибудь осталось? Хотел приобрести один экземпляр для единственного внука. В подарок за книгу даю лошадь!..

Мы с Шерага переглянулись. Я пожал плечами – вчера все раздали. Но Шерага поднялся с места и, глядя на меня, сказал:

– Адил, у тебя же остался один экземпляр, отдай аксакалу. Пусть он обрадует внука! Для детей ничего не жалко.

Так я лишился единственного экземпляра книги «Ай мен Айша», который вез в подарок единственному брату в аул.

ВРЕМЯ ВСЕСИЛЬНО

Как всегда, Шерага беседу начал издали:

– Есть поверье, что в давние времена у близкого друга и ровесника Кунанбая Жанкутты-шешена (есть сведения, что он умер во время паломничества в Мекку) маленький Абай спросил: «Ата, скажите, что дешево, что дорого, что неоспоримо?» Жанкутты на это сказал: «Милый, дешевой может быть ложь, правда – дорога, – а

затем после недолгого раздумья продолжил: – Неоспорима, наверное, старость». С ответами на первые два вопроса я абсолютно согласен, но когда касается ответа на третий вопрос, вхожу в ступор, у меня будто перехватывает дыхание. Наверное, есть определенный смысл в том, что и сам Жанкутты-шешен дал ответ после некоторой заминки.

Шерага испытующе посмотрел на каждого в отдельности, будто хотел понять, как повлияли его слова на нас. Среди нас были и молодые люди, и среднего возраста. Но никто не откликнулся. Возникла пауза. В воздухе повис немой вопрос: коль Вы сами начали, так поясните, что хотите сказать? Ответ не заставил долго ждать.

– Неоспоримость – это широкое понятие, которое нельзя ограничивать только старостью, – сказал Шерага. – Не само ли наше время является неоспоримостью? Ход времени отмеряется рассветами и закатами, весну сменяет лето, на смену осени идет зима... Наступает время, и бутоны превращаются в цветы, девушки – в невесток, невестки – в старушек, не так ли? – шуткой закончил свой рассказ Шерага.

Действительно неоспоримой истиной является память о каждом периоде жизни. Однако время всеильно, оно может опровергнуть самые, казалось бы, неоспоримые истины. С какими верными, казалось бы, лозунгами «Эффективно используем время!», «Свободное время – общественное богатство!» мы жили в советское время! Однако пришло время независимости, и советская власть оказалась на задворках истории.

ПОТ В КАРМАНЕ

Шерага говорит:

– В то время я работал главным редактором газеты «Егемен Қазақстан». Некоторые популярные издания располагались на верхних этажах нашего здания. Здесь же находился и Союз журналистов. К концу рабочего дня по негласному правилу звонил Калеке (Калтай Мухамеджанов, он тогда руководил журналом «Ара»): «Что, так и будем сидеть без дела? Давай, спускайся!..» – «Куда?» – «Вниз!»

«Вниз» Калеке – это кафе-бар, прозванный нами «Камал-кафе», на нижнем этаже. Мы нередко спускались туда втроем с Камалом Смаиловым выпить по чашечке кофе, а иногда чего покрепче.

Кстати, немало сил потребовалось, чтобы открыть этот буфет (вначале он так и назывался). Когда я пришел в редакцию, здесь работала только столовая, и только в обеденное время. Поэтому в свободное время негде было посидеть, побеседовать. Мы связались с соответствующими органами и почти решили вопрос с открытием буфета, но тут в дело вмешались чиновники из Центрального комитета. Они возражали: «Если вы откроете буфет, в нем будут напитки, естественно, будут и крепкие напитки. Это не пристало таким учреждениям». В ответ я возражаю: «По-вашему, выходит, что журналисты не должны пить воду?» Они, в свою очередь, заявляют: «Пусть пьют, но только в кабинетах». «Это как получается – в каждый кабинет по буфету нужно поставить?» – развожу руками. Вот такая история у нашего буфета.

«Но ведь он ушел», – говорю я Калеке, вспомнив о недавнем телефонном звонке Камала. «Кто?» – всполошился он, наверное, подумал, что ушла буфетчица. «Камал! Я про Камала говорю, недавно его срочно вызвали в ЦК». «М-м-м», – недовольно проворчал Калеке и бросил трубку.

Через несколько минут вновь зазвенел телефон. На том конце опять раздался голос Калеке. «Эй, – сказал он как ни в чем ни бывало, – ну и что, что Камал ушел, он ведь не забрал с собой наши рты, спускайся давай вниз!..»

Калеке нельзя выводить из себя. Тогда никому не поздоровится, он не пожалеет ни себя, ни других. «Ни себя» – это значит, что он замкнется в себе и ни с кем не станет общаться, пока его сердце не оттает. «Ни других» – это значит, что мы потеряем несколько дней общения с замечательным человеком, не услышим его искрометного юмора, почувствуем холодок сиротства.

Так мы вдвоем спустились вниз и немного выпили, – сказал Шерага, и усмешка тронула кончики его усов: – Да что мы, в тот раз сильно проиграл Камал, который нас по очереди раскручивал на кафе, – громко рассмеялся он.

АУЛЬНЫЕ ОСТРОСЛОВЫ

Есть ли на свете народ, который, как казахи, знает цену слову? Было и такое, что люди отдавали последнего коня ради справедливого слова. Издревле ораторское искусство у казахов считалось национальным богатством. Но почему бы сейчас не возродить те ораторские традиции? Или мы уже исчерпали мудрость предков? Или стесняемся кого?

Шерага, когда руководил газетой «Егемен Қазақстан», на одной из планерок завел разговор на эту тему. А затем предложил открыть рубрику «Ауыл айтқыштары» («Аульные рассказчики»).

Обычно в таких случаях первыми высказывались старшие по возрасту, но они почему-то смутились. И тогда с задних рядов подал голос коллега помоложе:

– Мы же официальное издание, что скажут наверху?

– Что? – громко спросил Шерага и, не дождавшись ответа, продолжил: – Что, ссылаясь на официальный статус газеты, мы должны продолжать гнить? Мы едва избавились от монотонности «СК» («Социалистік Қазақстан»), и народ стал поворачиваться к нам лицом. В этой ситуации будет неправильным потерять читателей. Чтобы удержать их, мы должны идти на всевозможные эксперименты. Например, до сих пор не потеряли своего значения юморески «Как говорил Жамбаев». Почему бы их не использовать?

Мы как привыкли жить: если руководитель проявит инициативу, то подчиненные поддержат. Вот и в этот раз один из старших коллег вспомнил несколько примеров из серии «Как говорил Сагалбай».

– Вот и замечательно, завтра же принесите все это в письменном виде, – тотчас отреагировал Шерага.

Коллега замялся, но согласился.

Так в официальной газете появилась неофициальная рубрика, которая имеет место быть и по сию пору.

«ЖАЛУЕТЕСЬ, ЧТО НЕ НАПИСАЛ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ?»

Сейчас работа журналистов заметно полегчала. Куда ни придешь, везде встретишь коллегу. Не говоря о министерствах и ведомствах, на каждом предприятии и учреждении появились пресс-секретари. Они подыщут тебе всю необходимую информацию, даже наберут на компьютере. Замечательно, бери и публикуй в своей газете! Или прочти на радио, сделай сюжет на телевидении. Твое право.

Конечно, это намного облегчает жизнь журналистам. Но, как и во всем хорошем, здесь есть другая сторона медали. Посмотрите, сейчас в средствах массовой информации исчезли такие разнообразные жанры, как репортаж, очерк, фельетон, зарисовка и другие. А Шерага требовал, чтобы в каждом газетном номере присутствовали разные жанры. И не просто требовал, но и учил. На еженедельных

планерках и часах свободного обмена мнениями делались обзоры опубликованных материалов, планировались публикации будущих номеров. При этом обращалось внимание на злободневность темы, на жанровое разнообразие материалов. Указывалось на допущенные огрехи, а авторы лучших материалов поощрялись. Так возросли поддержка и доверие журналистов друг к другу.

На одном из таких обсуждений с места поднялся коллега А. и попросил слова:
– Можно, я скажу.

Председательствовавший Шерага кивнул головой в знак согласия.

– Не пойму, то ли я невезучий, или у него такой стиль работы, – начал А. и оглянулся на коллег, – я про министра говорю. Неделю назад я отнес вопросы министру здравоохранения Шарманову в письменном виде. Вчера он через свою пресс-службу передал, что даст интервью журналисту вживую. Делать нечего, целый час на диктофон записывал беседу с ним. Я еще не успел расшифровать текст, а вы требуете, чтобы я сдал материал в следующий номер.

– Да, подвел он тебя, – раздался один голос.

– А куда смотрит его пресс-служба? – возмутился другой.

Пользуясь свободой слова, журналисты стали высказывать свое мнение:

– В практике ведь такого не было.

– Если вопросы были переданы заранее, почему он решил разговаривать с журналистом напрямую?

– Странно, как он может за один час рассказать о работе целого министерства за год?

– Конечно, он должен был подробно изложить на бумаге.

Когда возмущение журналистов поулеглось, Шерага спросил:

– Вы задали ему подготовленные заранее вопросы?

– Конечно, я задал вопросы, которые неделей раньше отправил ему, – пояснил коллега.

– На все вопросы ответил?

– Да, на все...

– И что вы предлагаете? Обижаетесь, что он не написал вместо вас?

– Нет же, просто...

Только что сотрясавшие воздух шумными высказываниями журналисты пристыженно умолкли.

ФИЗИКА И ЛИРИКА

Шла встреча со студентами Таразского государственного университета имени Мухаммеда Хайдара Дулати. Едва Шерага сошел с трибуны, как первый проректор заладил то на казахском, то на русском языке «у кого есть вопросы?».

Его настойчивость была вознаграждена. В середине зала кто-то поднял руку. Мы все повернули головы в ту сторону.

Молодой человек несмело выдал:

– Агай, а Вы не прочтете одно из своих стихотворений?

Шерага вскинул голову. И без того острые глаза сквозь линзы очков буквально пробуравили бедного студента. Мы опустили головы. В зале повисла напряженная тишина. «Ну, началось, – про себя подумал я и съежился. – Сейчас он «прочтет» стихотворение!»

Но Шерага спокойно спросил студента:

– На каком факультете учишься?

– Физмат, – еле выдавил из себя молодой человек.

– А, физик, значит, – сказал Шерага и посмотрел на первого проректора и нас, сидящих возле него. – Мы знаем, что физики близки к лирикам. Но я не пишу стихи, дорогой, – он вновь повернулся к студенту, – поэтому не могу исполнить твою просьбу.

Спокойствие, которое продемонстрировал Шерага, готовый было взорваться от неграмотности молодого человека, напомнило об одной истории, произошедшей десятки лет назад.

...Давно, когда мы еще учились на филфаке КазГУ, Нуреке – знаменитый Нургиса Тлендиев – учил студентов исполнению кюев. Я не совсем хорошо играл на домбре, но вместе с друзьями участвовал в оркестре студентов консерватории. Однако среди нас были такие таланты как Толен (Абдиков), Дулат (Исабеков). Оба значительно лучше меня играют на домбре. Особенно мастеровит Толен. Он знал кюи, о которых мы даже не слышали. В то время популярным становился исполнитель по имени Уали. Так наш Толен мог часами заниматься музыкой вместе с ним. А моя игра по сравнению с ними была баловством. Однажды на этом я и погорел. Обладавший исключительным музыкальным слухом Нуреке подошел ко мне, потому что я раз за разом допускал одну и ту же ошибку.

– Где ты учишься? – грозно спросил он.

Мне со страху показалось, что он готов ударить меня. Однако он, узнав, что я филолог, тотчас оттаял.

Как похожи друг на друга великие люди!

«ИСКУПАЛСЯ В ОБЫЧНОЙ РУССКОЙ БАНЕ»

Шерага хоть и не поэт, но мастерски слагает четверостишия. Среди народа распространились четверостишия, посвященные его ровеснику Акиму Тарази. Про Кареке (Турьсов) тоже немало сложено поэтических строк. Не остались без внимания Елен и Макулбек, Шойбек и Мархабат, Сиез и Совет, Копен и Шукирали... Вообще Шерага слагал шуточные четверостишия и байки про тех, с кем выезжал в командировки.

...Нам выпала дорога в Жетысай в Южном Казахстане. Аким района поручил сопровождать нас заведующему районным отделом образования Жусипу, который оказался добродушным и гостеприимным человеком. Он изо всех сил старался угодить нам. Всюду нас ждал щедрый дастархан. Мы не думали о том, где бы перекусить, где бы водички попить. Всем обеспечены. «Если мы не сможем достойно встретить такого дорогого гостя, как Шерага, то кто мы?» – шутил Жусип.

Вечером после проведения читательских конференций Шерага спросил у него:

– Эй, Жусип, в ауле баня есть?

– Есть, конечно, есть, – засуетился Жусип. – Не бывает аула без бани, слава богу, у нас не просто аул, а город...

– Хорошо, что есть, надо бы помыться.

Шерага вопросительно посмотрел на меня.

– Ой, агай, это же мелочи, Вы только скажите, тотчас организуем, – откликнулся Жусип и вышел на улицу.

Вышел и пропал с концами. Полчаса прошло. Его нет. Час прошел. Его нет. Наконец, появился. Зашел и с ходу выговорил:

– Ага, пойдемте, мы тут подумали и решили, что жетысайская баня не для Вас. Поедем в Ташкент, там есть огромная сауна, как ханский дворец. С массажем.

Мы не стали отказываться от предложения. Тем более что Ташкент рядом. Но не тут-то было: то ли все в этот день решили искупаться в сауне, то ли еще какая напасть помешала, но в Ташкенте не нашли ни одной свободной сауны. И пришлось пойти в обыкновенную русскую баню.

Возвращаемся. Настроение уже не такое радужное, как до бани. Все погрузились в свои думы. Только Жусип вел себя как ни в чем не бывало, останавливал машину у придорожных магазинов, брал где бутылку спиртного, где воду и закуску.

Подойдя к машине и протягивая Шерага стакан с водой, он стал оправдываться:

– Шерага, мы действительно хотели исполнить Ваше желание, но, как назло, не получилось...

Не успел он закрыть рот, как Шерага продекламировал:

– Иду с Жусипом (мы в одной компании),

После вина и водки испытал кураж.

Я вышел из обычной русской бани,

Хотя мне обещали в сауне массаж.

– Ойбай, Шерага, заклинаю, никому больше не рассказывайте об этом, – взмолился Жусип. – Вы убили меня одним словом, убили!..

– Почему это не должен рассказывать? – пробурчал Шерага. – И не просто расскажу кому-то, на весь Алматы распространю. Потому что у вас нет бани. Я это понял, когда ты пропал без вести на несколько часов. И не стыдно вам, на целый аул нет ни одной бани, а еще хорохоришься – у нас город!..

Жусип пристыженно уставился в землю...

ГОД, КОГДА ЗАГОРЕЛАСЬ НАША ЗВЕЗДА

В тот год, когда Шерага пришел в «СК» главным редактором, в Семее состоялось большое совещание, на котором обсуждались вопросы устранения последствий ядерных испытаний. Отовсюду съехалось много гостей, в том числе и журналистов разных изданий. Наши с Сайымжаном Еркебаевым – писателем, представителем газеты «Қазақ әдебиеті» – комнаты оказались рядом, и мы много времени провели вместе. Покойный Сайымжан был общительным человеком, быстро сходилась с людьми. Также он был прекрасным рассказчиком. Когда он начинал рассказывать о чем-то, мы заслушивались, открыв рты.

Сайымжан, пусть его душа покоится в раю, говорил: «Вам повезло, что наш Шерага стал вашим руководителем». (Когда он говорил «наш Шерага», имел в виду, что Муртаза до нас руководил «Қазақ әдебиеті».) Дальше он продолжал: «Ты запомни, я раскрою тебе его некоторые «секреты».

– Наша газета выходит в свет раз в неделю, поэтому недостатка в материалах нет, – рассказывал он. – Шерага лично редактировал каждый материал. Материалы, вычитанные и подписанные им, обязательно печатались в газете. Мы знали об этом и старались все материалы отдела отдавать на вычитку лично ему. В таких случаях я всегда оказывался впереди. Потому что раньше всех приходил на работу и ждал его у дверей кабинета. Если Шерага, здороваясь, покрепче пожмет руку, считай, тебе повезло, значит, у него хорошее настроение. А если, напротив, просто сунет руку ради приличия, лучше не заводить разговор о делах: у него плохое настроение. В такой день лучше не показываться ему на глаза. В тот день, когда он с силой пожимал руку, я быстренько нес все материалы отдела к нему на подпись и ждал за дверью. Если кто хотел зайти к нему, я преграждал ему дорогу: «Шеф просил, чтобы в течение получаса его никто не беспокоил, похоже, у него возникли

срочные дела». Дело в том, что Шерага, сколько бы ни было материалов, успевал редактировать их за полчаса...

Я не совсем поверил «секретам», которые поведал Саке, но, думаю, никто не станет оспаривать тот факт, что звездного пика газета «СК» достигла именно в те годы, когда ею руководил Шерага.

НАСТОЯЩИЙ КАЗАХ

Шерага вдохновлялся, когда вспоминал ровесников или коллег старше себя, и его рассказы переливались всеми красками радуги. Поводом для воспоминаний служили разные причины. А рассказы всегда носили поучительный характер.

Однажды мы долго ездили по городам и весям, всюду нас встречали гостеприимные люди, каждый день щедро угощали. Мы уже не могли смотреть на мясо, не то что есть его. И тут Шерага вспомнил Сабена – Сабита Муканова.

– Наверное, он тоже, как и мы, долго был в командировке. Естественно, его приглашали в гости, накрывали щедрый дастархан, – начал Шерага рассказ. – Сабен не как мы с тобой, водку не пьет, но мясо ест с удовольствием. Настоящий казах! А разве настоящий казах откажется от мяса?! Нет, конечно! Но сопровождавшие его люди пресытились бесбармаком, и один из них в очередном ауле попросил хозяев приготовить манты. Те и рады стараться, закололи овцу и все мясо перемололи в фарш. А как же, уполномоченный сказал – это закон. Словом, собрали всех женщин аула, чтобы они налепили манты. Гости налегли на угощение, и через несколько минут дно большого подноса стало оголяться. И тогда все поумерили аппетит и подвинули поднос к Сабену как к главному гостю. Заметив это, Сабен тоже убрал руку от подноса и сказал: «Хватит, нужно оставить место для бесбармака», – и блаженно откинулся назад. Уполномоченный, как ужаленный, выскочил на улицу. Говорят, что он распорядился заколоть еще одну овцу и приготовить бесбармак.

Вот какими крепкими были наши старшие братья! – воскликнул Шерага и начал другой рассказ...

ТОРЖЕСТВО В КЫЗЫЛКУМАХ

В Кызылкумах нас встречал тогдашний руководитель района Мухамбеткасым Шакенов в сопровождении группы людей.

– Шерага, пословица гласит: «К приезду желанного гостя даже овцы приносят двойни», – сказал он после взаимных приветствий. – В районе большое событие. Знатному овцеводу Оналбеку Бегалиеву сегодня вручили Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Если вы не против, заедем к нему домой и поздравим.

Шерага кивнул головой, тем самым давая возможность хозяевам решать, как поступить дальше. А я, в свою очередь, восторженно обрадовавшись неожиданной встрече со своим героем. С человеком, о котором шла речь, я познакомился совсем недавно в столичном Дворце республики. Случилось это совершенно неожиданно и несколько комично.

Онеке сразу узнал меня. Мы по очереди подошли к нему с крепкими рукопожатиями и поздравлениями. Он, крепко обняв меня, спросил: «Когда приехал, дорогой?» Никто не обратил внимания на его слова, приняв их за жест гостеприимства. Лишь Шерага вопросительно вскинул на меня глаза.

...Случилось наше знакомство на собрании в Алматы. Председательствующий на совещании вначале сообщил приятную весть о том, что группе казахстанцев за успешную работу по производству качественной продукции животноводства, за

достижение высоких показателей в деле продажи мяса государству с применением интенсивных технологий (в свое время было такое начинание), освоение передовых методов организации труда присвоено звание Героя Социалистического Труда. А также сказал о том, что на совещании присутствует один из этих людей, удостоенных такого высокого звания, – Бегалиев. Мы заранее знали об этой новости и накануне встретились с ним в гостинице и взяли интервью.

Впрочем, дело не в этом. Дело в том, что с Золотой звездой Онеке произошел почти анекдотичный случай. Перед началом совещания я встретился с ним и вручил номер газеты с интервью. По завершении официальной части объявили перерыв, после которого должен был начаться концерт. И тут я вновь встретил Онеке в фойе. «Дорогой, а как это нацепить?» – спросил он меня и сунул мне в руки коробочку. Я открыл её, а в ней Золотая звезда. Да, та самая Золотая звезда Героя Социалистического Труда, с серпом и молотом. Я оторопел. Указ вышел лишь два дня назад. Награду еще не вручали. Тогда откуда эта звезда? От волнения у меня задрожали руки, и я не смог прикрепить медаль к груди Онеке. Раздался третий звонок, возвещающий о скором начале концерта, и он, сунув медаль в карман, вошел в зал.

Подробности этой истории я узнал вечером, когда провожали шымкентцев на поезд «Отырар». Дело было так. В Алматы жил давний друг Онеке. В одно время он жил в Южно-Казахстанской области. За выдающиеся заслуги стал Героем Социалистического Труда. Узнав, что Онеке присвоено высокое звание, он тотчас позвонил в Шаульдер, чтобы поздравить друга. И узнал, что Онеке в Алматы на совещании, нашел гостиницу, где он остановился и поздравил по телефону. И тут же стал настаивать на том, чтобы завтра, в последний день совещания, Онеке пошел во Дворец с его Золотой звездой на груди. И чтобы не обидеть друга, Онеке согласился.

– Утром, когда собирался на совещание, кто-то постучал в дверь номера, – рассказал Онеке. – Открываю дверь, а на пороге друг. Обнял меня, поздравил и сунул мне в руки медаль. «Ведь правда, что ты стал Героем труда. Но не успели еще вручить награду. Точно такую звезду и вручат. Не все ли равно, какую медаль нацепишь на грудь. Пусть люди видят. Так что не противься». Пришлось принять его предложение. «Хорошо, там и прикреплю к груди», – сказал я ему и положил звезду в карман. На совещании нас посадили на первые ряды. Телевизионщики то и дело поворачивают камеры в нашу сторону и снимают. Вот я и подумал, действительно, а почему бы не нацепить медаль? Хорошо, что ты не смог проколоть костюм. Иначе попал бы я в неловкую ситуацию.

Пришлось теперь всем поведать эту историю.

– Уа, получается, что Вы «дважды герой», – пошутил Шерага.

– Ничего неудобного в этой истории нет, – по-партийному прямолинейно отрубил Мухамбеткасым. – Нам должно быть стыдно, что вовремя не награждали Вас. Кто как не Вы достоин быть героем труда?! На протяжении четверти века занимаетесь овцеводством, от каждых ста голов овцематок ежегодно получаете по 140–150 ягнят. Сегодня вот настал долгожданный день вручения награды. А участие в этом радостном событии группы журналистов во главе с Шерага придает ему еще большую торжественность.

– Одно время у нас было около сорока миллионов овец, – сказал Шерага. – Сейчас не знаю, сколько осталось от того поголовья. Однажды к нам пришла беда, которая называется бартер. Огромное количество скота пало его жертвой. В правительстве, похоже, сложилось мнение, что выгоднее покупать овец за рубежом, чем растить их у себя. Это привело к тому, что многие чабаны остались лишь с посохом

в руках. Оставшись без работы, они потянулись в города. Выходец из ваших краев поэт Ергобек однажды говорил: «Впереди Ташкент, хлебный город; позади мой аул и лютый голод». Но, скажите, кто их ждет в городе? Люди оказываются на улице. Скотоводство – традиционная отрасль казахов. Нельзя прерывать сложившиеся традиции. Такие люди, как Вы, своим трудом доказывают ошибку правительства. Сегодняшняя встреча видится мне доказательством такой истины. Пусть Ваш труд окупится сторицей! Успехов Вам!..

250 РУБЛЕЙ ИЛИ 250 СТРОК?

Совет Шиманбай долгие годы работал в секретариате «Егемена» и отсюда вышел на пенсию. Раньше, когда Шерага был корреспондентом газеты «Лениншіл жас» (нынешний «Жас алаш»), Саке работал в комсомоле, и они тесно общались. А когда Шерага стал главным редактором газеты «Социалистік Қазақстан», он изредка позволял себе некоторые вольности в их отношениях. Мы неоднократно становились свидетелями неожиданных и смешных историй, которые случались с этим добродушным и незлобивым человеком.

Прежде, во время редакторства Шерага, у нас практиковалось недельное планирование работы. Такой метод организации работы был эффективным, потому что экономил время журналистов, избавив их от ежедневных летучек. Вот на этих недельных планерках Саке, работавший заместителем ответственного секретаря, докладывал, какие материалы намечено опубликовать, перечислял их по темам и названиям, указывая количество строк. Затем наступал черед заведующих отделами, которые вносили свои поправки в озвученный план, обращали внимание на актуальные материалы, которые должны быть опубликованы в первую очередь, и так далее. Словом, это был настоящий творческий процесс, который в итоге положительно сказывался на содержании газеты в целом. Каждый завотделом старался настоять на публикации материалов своего подразделения. Это был своего рода «звездный час» Саке, потому что от него во многом зависело, войдет ли тот или иной материал в план недели. А вошедший в его план материал обязательно публиковался.

На одной из таких планерок Саке вдруг заявил, что можно вместить еще один материал.

– Сколько строк? – Шерага вопросительно поднял голову.

– 250 рублей! – Саке блеснул в ответ очками.

– Что за рубли?! – глаза Шерага загорелись недобрым огнем. – Что, теперь и материалы покупаешь?

Коллеги громко засмеялись

– То есть 250 строк! – исправился Саке, поправляя очки.

Слово – что птица, вылетело – не вернешь. Никто из коллег не знал причину того, почему Саке перепутал строки с рублями. А я догадывался, потому что перед самым началом планерки, проходя мимо секретариата, краем уха услышал, как Саке со своим непосредственным начальником Мынбаем Илесом говорили о деньгах: то ли кто-то задолжал Саке, то ли он сам кому-то должен, но говорили они о злополучных рублях...

Сейчас их обоих уже нет в живых, пусть их души обретут покой на небесах. Мне довелось дружить с ними обоими, особенно близки мы были с Саке.

Запомнились слова одного из талантливых последователей Шерага, Бекболата Адетова, про Саке. Если кто из коллег сталкивался с какой-нибудь проблемой, он говорил: «Обратись к Саке, он любую проблему решит. Если не он, так Баке решит». Баке – это Балгабек Кыдырбекулы.

И в самом деле Саке активно принимался за решение любых проблем коллег. Он никогда не говорил, что не в силах помочь. Всегда был готов прийти на помощь. И Баке был прекрасный человек. Оставившему после себя бессмертное наследие Баке все было по силам. Он не вмешивался в мелочи, но если брался за решение какого-нибудь вопроса, дело доводил до конца.

Не посчитайте, что я преувеличил. Конечно, только Создателю присущи высший авторитет, беспредельная власть и могущество. Ведь все в руках Аллаха?! Я три года отслужил в армии и тут вдруг вновь получил повестку о призыве. На работу пришел, понунив голову. Коллеги, узнав причину моего уныния, посоветовали обратиться к Баке, ибо только он сможет избавить от призыва. Я послушался их совета. «Не беспокойся, работай», – успокоил он меня. На следующий день позвал меня к себе в кабинет. «Э-э, ты, оказывается, тот», – сказал он загадочно. «Как это “тот”?» – не понял я. «Ты приписан к отделу, который напрямую подчиняется Союзу. Я сказал министру. А он ответил, что если Москва так решила, мы ничего не сможем сделать. Только “руки по швам!”»

Я поблагодарил Баке и вышел из кабинета. И поехал на три месяца в войска вновь прыгать с парашютом и стучать азбуку Морзе.

О, времена!...

УРОК ТАСОТКЕЛЯ

Мы позавтракали в доме отдыха на берегу Тасоткельского водохранилища и выехали в Мойынкумский район. В машине нас трое – Шерага, я и собственный корреспондент по Жамбылской области Елен Алимжанов.

– Вам понравилось гостеприимство шусцев? – спросил сидящий на заднем сидении Шерага.

– Еще как понравилось! – ответил я первым. – Хорошо подготовились.

– Жители Шуского района умеют встречать гостей, не один раз были свидетелями, – сказал Елен, тонко намекая на то, что в этот раз не обошлось без его участия.

– А их умение вести беседы?

Действительно, вчера во время ужина с участием руководителей района и двух-трех директоров совхозов мы живо обменялись мнениями на самые разные темы. Но мы не знали, к чему клонит Шерага.

– В целом шусцы все как один знатоки истории, – сказал Елен. – Какую тему ни затронете, у них всегда найдется что сказать. Более того, могут поспорить и с учеными.

– При чем тут история?! – Шерага прервал слова Елена. – Я имею в виду сегодняшнее положение. Например, что говорят люди о Тасоткельском водохранилище? Есть ли польза от него? Да, в нем водится рыба, но кому от нее выгода? Да, воды много, но насколько она нужна?

Да, вчера обо всем этом говорилось во время ужина. Мнения руководителей и хозяйственников разделились. Одни утверждали, что со строительством водохранилища дела пошли в гору. Другие возражали, мотивируя тем, что много расходов, не стоило так тратиться и строить такой объект. А руководитель хозяйства, расположенного у водохранилища, пожаловался на засоление почвы, из-за чего из оборота списывается пашня. На землях, где раньше выращивались хорошие урожаи сахарной свеклы и кукурузы, сейчас ничего не растет. Рукотворное озеро также оказывает существенное негативное влияние на погоду.

Видимо, Шерага имел в виду эту тему. На самом деле мы не очень-то и задумывались над проблемами шусцев. Оказалось, что от Тасоткеля и пользы (если

она есть), и вреда поровну. Едва я успел высказать такое мнение, как Шерага живо подхватил беседу.

– Вот эту проблему и нужно поднять на страницах нашей газеты, – сказал он. – Пусть народ знает и сам взвесит, что полезно, а что вредно. Иначе сейчас настроим таких объектов, от которых позднее не будет ни копейки пользы.

– Можно написать серию материалов «Уроки Тасоткеля», – сказал я и посмотрел на Елена.

От собственного корреспондента ни звука. А главный редактор продолжал:

– Подумайте! «Уроки Тасоткеля» говоришь? А может, «Невзгоды Тасоткеля»? Решайте сами. Мне важно, чтобы эта проблема была поднята.

Когда мы приехали к месту назначения, я спросил у Елена: «Ты возьмешься написать о том, что говорил Шерага?» «В соавторы хочешь подрядиться?» – вопросом на вопрос неопределенно ответил он.

– Решение приму в зависимости от качества материала, – поддел я его.

В итоге через месяц в нашей газете была опубликована наша с Еленом серия материалов о проблемах Тасоткельского водохранилища.

«ВЕДЬ САМИ СКАЗАЛИ...»

Нынешний первый заместитель главного редактора «Егемена» Еркин Кыдыр в то время работал собственным корреспондентом нашей газеты по Южно-Казахстанской области. То время – это конец восьмидесятых, начало девяностых годов. Главный редактор – Шерага (Шерхан Муртаза), а мы – рядовые солдаты. Шла напряженная работа по поднятию авторитета газеты. Автором идей, автором тем выступал Шерага.

Утром по традиции мы собрались на очередную планерку. Шерага внимательно посмотрел на каждого из нас, затем поднял над головой лежавшую перед ним газету.

– Вы смотрели сегодняшний номер? – спросил он.

Мы замялись, думая, что в газете проскочила ошибка.

– На второй полосе вышла статья господина Ержумана, – продолжил говорить Шерага. – Мы убрали из его фамилии «ов» и написали по-казахски «Смайыл». «Ов» – это колониальное ярмо, которое на шею казахского народа надело царское правительство. Мы все должны избавиться от сей напасти. Доведите это до корреспондентов...

В номере следующего дня фамилии всех членов редколлегии, начиная с самого Шерага, были написаны без «ов»: Адил Дуйсенбек, Жанат Елшибек, Мамадияр Жакып, Нурторе Жусип (заместитель главного редактора), Аян Нысаналы, Рысбек Сарсенбайұлы, Ержуман Смайыл (первый заместитель главного редактора), Мынбай Илес (заместитель главного редактора). Все были взволнованы и поздравляли друг друга. И тут Аян сказал: «Среди всех этих фамилий я не вижу ни одной, которая сравнилась бы с моей по благозвучию».

Не знаю, как насчет благозвучия, но поначалу с непривычки читатели часто путали имя журналиста с его фамилией. Но все же чувствовалась внутренняя приподнятость от того, что возвращаемся к истокам. Позже с подсказки читателей к имени отца стали приписывать «уль».

Словом, в фамилиях всех журналистов убрали «ов». Естественно, это коснулось и собственного корреспондента по Южно-Казахстанской области Еркина. Буквально через пару дней для него появилось срочное задание. Два дня не мог его выловить по телефону. И лишь на третий день он откликнулся на звонок.

– Дорогой, ты где ходишь? – спросил я после привычных приветствий. – Тут для тебя срочное задание, а я тебя уже третий день ищу...

– Ну Вы скажете, где я могу быть, – в своей шутливой манере ответил Еркин. – Сами же настояли убрать из фамилии «ов» и сказали Еркин Кыдыр (слово *еркин* в переводе с казахского языка означает свободный, свободно, а *кыдыр* – гуляй, броди). Вот и выполняю Ваше поручение – свободно гуляю...

Я не нашел, что сказать.

– Хорошо, говорите, что нужно сделать, я готов записать, – прервал паузу Еркин.

Услышав его голос, я невольно рассмеялся.

...Однажды я рассказал об этом случае Шерага.

– Смотри-ка, и в самом деле забавно вышло: Еркин Кыдыров – еркин кыдыр, свободно гуляй, – сказал Шерага и от души посмеялся.

СРОЧНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Был знойный июль девяносто четвертого года. Люди задыхались от душного воздуха Алматы, перемешавшегося с выхлопными бензиновыми газами и запахом асфальта. В помещении немного легче, чем на улице. Едва вошел в кабинет и не успел перевести дух, зазвенел телефон, будто ждал моего прихода. Звонил Шерага (в это время он был председателем республиканского Комитета по телевидению и радиовещанию).

– Ты видел новую купюру в пятьсот тенге? – спросил он.

– Нет, нам еще не попадались такие купюры.

– Но вы же в сегодняшнем номере своей газеты дали фотографию и описание. Ты обратил внимание на то, что там текст дан только на русском языке? Вы по-русски выдали «Пятьсот»...

– Да, видел, – сказал я, торопливо перелистывая лежавший на столе очередной номер «Егемен Қазақстан».

– Так надо же говорить об этом. Или вы хотите промолчать?

– Попробую сказать руководству...

– А что там говорить, ты положи им на стол готовую статью, – приказал Шерага по старой редакторской привычке. – Я тут уже предупредил журналистов на телевидении и радио.

«Положи готовую статью», говорит. «По-русски выдали», говорит. Значит, ему не понравилось, что текст на национальной валюте написан на русском языке. А ведь в самом деле неправильно это. На прежних купюрах, подписанных главным банкиром страны Галымом Байназаровым, нет русских слов. Вначале избавились от копеек. А как иначе, если они не применялись в быту, а затем и слово исчезло из словарного запаса. Затем стали придираться к бумажным банкнотам, на которых печатали портреты национальных деятелей. А теперь вот еще одно «новшество». Что вообще творится с нацвалютой?

Я отложил все дела и тотчас приступил к выполнению поручения. Поставил рубрику «Реплика». Завершил работу на одном дыхании. «В оборот поступает 500-тенговая купюра. Хотя никто из нас еще не держал ее в руках, однако знакомство с ее снимками в газете породило некоторые сомнения. Вначале слово “пятьсот” мы приняли за опечатку, но затем прочитали на русском языке: “Подделка банкнот преследуется по закону” и впали в уныние.

В этой связи стали вспоминаться разные события. Хоть и грубовато будет выглядеть, но не могу удержаться от соблазна привести один жизненный пример

В стародавние времена глава одного семейства в поисках средств поехал в дальние края. Вернулся домой спустя несколько лет, а навстречу высыпала ватага малышей. Растерявшись от неожиданности, он спросил у жены: “А это кто такие?” “Твои дети, – спокойно отвечала она и стала по очереди знакомить детей с ним. – Вон тем, старшим, я была беременна, когда ты уехал. Вторым я забеременела кормя молоком первого. Однажды я сильно соскучилась по тебе, надела твоё бельё и забеременела третьим”. “Хорошо, будем считать, что я поверил насчет этих троих. Но этот кто?” – кивнул муж на младенца в пеленках. Исчерпавшая все уловки женщина ответила: “И мама, и я удивлены, так как не знаем, откуда он взялся”.

Вот и мы не поняли и крайне удивлены тем, что надписи на новых банкнотах сделаны на двух языках, в то время как прежде на всех купюрах, начиная с одной, двух, трех тенге и кончая двухсоткой, номинал обозначался на одном – государственном языке. Разве в таких случаях не соблюдается последовательность? Интересно, в какой еще цивилизованной стране есть национальная валюта с пояснениями на двух языках? Или наша 500-тенговая банкнота будет иметь хождение и в России? Или председатель Национального банка господин Д. Сембаев, впервые подписывающий новую купюру, думает, что таким способом поднимет авторитет обесценивающегося тенге?»

Отложив готовый текст, сразу принялся звонить по телефону. Хотелось сообщить Шерага, что выполнил его поручение.

– У тебя все в порядке? – спросил он, удивленный моим скорым звонком.

– Я написал о том, что Вы сказали. Прочитать?

– Так быстро?! – голос Шерага изменился. – А зачем мне читать? У тебя же есть начальник. Покажи ему.

– И все же послушайте, текст небольшой, – не дожидаясь согласия Шерага, я стал читать материал.

Шерага помолчал несколько мгновений и сказал:

– Верно написано. Настоящая реплика! А в заголовок можно вынести «И мама удивлена...».

– Спасибо, Шерага!

– Будь здоров!

Новый главный редактор Нурлан Оразалин молча прочитал написанное и тепло улыбнулся. Улыбнулся и подписал.

– В сегодняшний номер! – сказал он. – На первую полосу!

Материал, идею которого подсказал Шерага, был опубликован в номере газеты «Егемен Қазақстан» от 29 июля 1994 года.

ЛЮБОВЬ И ПОНИМАНИЕ СТАРШИХ

«Тот так сказал», «этот эдак сказал». Люди часто с такими ссылками рассказывают интересные истории. Шерага раскрыл секрет такого подхода.

...По приглашению главного редактора Жамбылской областной газеты «Ақ жол» писателя Альдихана Калдыбаева мы вдвоем с Шерага ехали в город Тараз на 70-летний юбилей названного издания. Знакомая дорога, потому что мы по ней часто ездили. Стоило преодолеть Кордайский перевал, как настроение Шерага значительно улучшилось.

– Недаром говорят, что казахи и кыргызы – родственные народы, – сказал Шерага, когда мы приблизились к границе соседней республики. – Наши судьбы тесно переплетены. Даже в языках нет большой разницы. Приграничные казахи и кыргызы давно стали сватами, выдавая друг за друга дочерей. Раньше из Жамбыла

в Таласский район Кыргызстана ездил маршрутный автобус. Не знаю, сейчас есть он или нет. У нас ведь тоже есть Таласский район, в сторону Каратау. На автобусной станции всегда многолюдно, толчея, люди спешат занять места в салоне автобусов. Если на лобовом стекле автобуса есть вывеска «Талас», не раздумывая, садятся. Случалось, что желающие ехать в наш Талас, ничего не подозревая, садились в автобус, едущий в кыргызскую сторону. Понятно, что такое зачастую случалось с теми, кто выпивал. Такая смешная история случилась с таким же, как ты, корреспондентом газеты, на юбилей которой мы с тобой едем.

Шерага краем глаза посмотрел на меня, будто хотел увидеть мою реакцию. Я сделал вид, что не заметил его движения.

– Все, что случилось дальше, Альдихан сам расскажет тебе, – резко прервал свой рассказ Шерага.

Мы вновь въехали на территорию Казахстана. Родная земля! Как она притягательна!

– Ты знаешь Жаксылыка? – спросил Шерага, когда машина вышла на прямую трассу в сторону Шу.

– Сатибекова?

– Да.

– Еще как знаю. Он раньше в нашей газете корреспондентом работал.

– Если знаком с ним, то должен знать, что он не только журналист, но и поэт, одухотворенный поэт, – сказал Шерага, приоткрывая новую тему беседы. – В молодости он был озорным, неумным человеком. В принципе ему к лицу был такой имидж. Однажды он в подпитии зашел в кабинет к Габиту Мусрепову. В то время, если мне память не изменяет, Габен был председателем Союза писателей Казахстана. Но дело не в этом. Ведь Габен, где бы ни был, есть Габен.

Словом, они мило побеседовали на разные темы. И вдруг Габен спросил: «Кстати, Жаксылык, ты ведь из Южного Казахстана?» «Да, ага, из Жамбыла, это тоже юг», – ответил полушутя Жаксылык. «Вон оно как», – сказал Габен. «Именно так, ага, мы будем из среднего жуза Южного Казахстана», – продолжал охамевший Жаксылык. «Что ты говоришь?! – радостно воскликнул Габен. – Впервые слышу. А то тут некоторые поговаривают...» Жаксылык нетерпеливо прервал его: «Ой, Габе, чего только не говорят люди. Мой отец из старшего жуза, мать – из младшего жуза. Рожденный от них, я ведь буду из среднего жуза, не так ли?»

Говорят, Габен вскочил с кресла и обнял Жаксылыка, – сказал Шерага и хлопнул меня по спине. Потом, будто что-то вспомнив, продолжил: – Эх, жаль, что сейчас с нами нет таких старших братьев, которые понимают и ценят шутку.

Шерага тяжело вздохнул.

ОПРАВДАНИЕ АСКАРОВА

– Жамбылец Жаксылык Сатибеков написал статью про Асанбая Аскарлова, который сидит в тюрьме, – сообщил на очередной планерке Шерага и внимательно посмотрел на журналистов, будто ждал от нас необычной реакции. – В оправдательном ключе написал, – добавил он и, растягивая слова, сказал: – Вы как смотрите?..

Егеменцы оживились, начали переглядываться. Раздались голоса: «Правильно сделал».

– Если правильно, то почему мы молчим? – верхняя губа господина Муртазы едва заметно вздрогнула. – Газета ведь называется национальной! Да, она является рупором правительства, но это не значит, что мы должны сидеть, сложа руки, когда граждане жертвуют собой ради интересов народа. Мы просто обязаны

встать на их защиту. Жамбылцы вступились за Асеке не потому, что он их земляк. Они поднялись на защиту чести казахов в целом, на защиту безвинного человека, которого режим сделал виноватым. Главный редактор той газеты Аргынбай Бекбосынов – грамотный человек, умеющий заглядывать далеко вперед. Он не стал ссылаться на то, что возглавляет партийную газету, не стал искать отговорки, а проявил гражданское мужество. Если разобраться, это дело не только Аргынбая, оно касается каждого из нас. Будет правильным, если мы будем считать так. Кто-нибудь прочитал материалы в «Ақ жоле»?

– Да, читали, – раздался одинокий голос.

Мы все повернули головы – оказалось, что это Нури Муфтах. Прежнее имя Нуриден Муфтахов. Он перевелся к нам из Атырау, вначале работал заведующим хозяйством, затем стал заведующим сектором фельетона.

– Если читали, то сможете написать такие же материалы?

– Конечно, – опять тот же голос.

О, боже! В тот раз было точь-в-точь так же. Тогда республикой руководил Колбин. Наш главный редактор Корик Дуйсеев однажды сходил в Центральный комитет партии, затем собрал нас всех. «Сегодня Советский райком партии рассмотрел личное дело Асанбая Аскарова и исключил его из партии. Нас в ЦК пригласили по этому поводу. Вот документы с заседания райкома партии. Нужно в следующем номере опубликовать материал. Кто напишет?» – спросил Дуйсеев. Мы все молча опустили головы. Корик Кундызбайулы повторил свой вопрос. В ответ молчание. Я исподлобья обвел взглядом коллег. И увидел, что только Муфтах прямо смотрит на главного редактора. Больше никто не поднимает голову. За темными очками не видно глаз. А поскольку не видно глаз, не знаешь, о чем думает человек. Наверное, поэтому Корик Кундызбайулы сунул документы в руки Нури Муфтаха, который не отводил от него глаза. Таким образом, в следующем номере нашей газеты была опубликована статья «Падение могущества»... (В свое время я об этом случае написал материал «Что скрывалось за черными очками?»)

– Коль так, завтра выезжай в Бишкек! – резюмировал собрание Шерага. – Чтобы на следующей неделе материал лежал на моем столе. Нужно оправдать себя перед читателями!

Гений наш Шерага. Он направил на Муфтаха его же оружие. Думаем, читатели сами разберутся, что скрывается за словами «оправдать себя».

ХАМЕЛЕОН

В девяностых годах Шерага руководил газетой «Егемен Қазақстан» и был избран депутатом Верховного Совета республики. О, это было переходное время! Решалась судьба народа, судьба казахской земли. Принимались государственные символы. Шерага вместе с коллегами Балгабеком Кыдырбекулы, Каратаем Турысовым, Салыком Зимановым делали все, чтобы наши национальные интересы нашли должное отражение в законах. Порой дело доходило до жарких словесных баталий. В таких случаях Шерага активно вступал в полемику, отстаивая свои идеи. Он говорил коротко и доходчиво, будто вбивал гвозди. Нам, парламентским корреспондентам, было легко работать, потому что его выступления, записанные на диктофон, практически без изменений становились газетным текстом. Поэтому мы старались быть в зале, когда выступал Шерага, и записывали его слова до последней точки.

Однажды один знакомый коллега обратился ко мне:

– Я обещал дать в номер материал, оказывается, выступал Шерага, Вы успели записать его речь?

– Да, – ответил я.

– Ой, как хорошо! – обрадовался коллега. – Дайте переписать. Я собираю все выступления Шерага.

У меня потеплело внутри. Я вынул из диктофона кассету и передал ему.

...В тот ли раз, или в Парламенте следующего созыва, но депутаты стали терять авторитет. Если мне не изменяет память, но в ту пору Шерага ушел с поста председателя Казтелерадиокомитета. Было сложное время, создавались различные фонды, в ход пошли купоны. Перед всякого рода мошенниками отрывались широкие возможности.

Мы стали свидетелями, как на очередном заседании Парламента Шерага выступил по одной проблеме. По заведенному правилу я записал его речь на диктофон. Это было время, когда критика из уст Шерага по наболевшим вопросам не нравилась руководству наверху. Но это не останавливало его: он, как и прежде, отличался твердым характером, не боялся говорить правду в лицо, жестко вскрывал недостатки в работе правительства. Он выступил с критикой в адрес чиновников и других «деятелей», которые разбазаривали общественное имущество, и предложил принять закон, перекрывающий им путь к наживе за счет государства, а также позволяющий наказывать их за совершение неблагоприятных поступков.

Его слова пришлись по душе многим. Выходившие из зала оживленно обсуждали выступление и предложение Шерага. И тут я увидел того коллегу. Его не было видно уже некоторое время. Сильно изменился. Походка высокомерная. Одет в модный пиджак красного цвета. Я догнал его и потянул за рукав.

– А-а, это ты? – равнодушно спросил он. – Как твои дела?

– Нормально, – сказал я, удивленный изменениями в характере коллеги, который прежде обращался ко мне на «вы». – Вы слышали выступление Шерага, записали?

– Нет, я только что вошел.

– Тогда перепишите, у меня есть...

– Ой, я уже забыл об этом хобби, – знакомый натянуто рассмеялся. – Прости, меня шеф заждался, – с этими словами он быстро удалился.

Позже я узнал, что этот коллега является руководителем пресс-службы крупного предприятия, переданного под управление зарубежной компании. Говорят, разбогател. Стал держаться подальше от старших товарищей, которые пекутся о сохранении суверенитета нашей страны. При встрече с ними делает вид, что не заметил, а когда сталкивается лицом к лицу, изображает улыбку радости, говорит ничего не значащие слова и торопится быстрее удалиться... К сожалению, у нас немало журналистов, готовых стать курицей у того хозяина, у которого просо созревает раньше.

ПРАВКА ШЕРАГА

Уже много лет пишу о Шерага и изредка публикую этюды в различных газетах и журналах. Мой герой делал вид, что не замечает их. Честно говоря, я внутренне радовался этому...

Однажды в «Қазақ әдебиеті» был опубликован этюд «Тамақтың тығыны», за что мне пришлось краснеть перед Шерага.

– Ты хорошо привел слова Бауке, сказанные Мамытбеку, о которых я тебе рассказывал, – сказал Шерага, указывая пальцем на подчеркнутое место в этюде. – Но не точно. Я тебе сказал не «тамақ», а «көт». Бауке все называл своими именами. И нам не дано исказить это.

– Шерага, но ведь это очень грубое слово, – возразил я вежливо.

– Что? – Шерага поднялся с места. – Что грубого нашел ты? Ведь это казахское слово. По-твоему, мы должны Көтібар-батыра, Майкөтева называть Тамакбар-батыром, Майтамақовым?!

– Но это другой случай, это уважаемые люди...

– Вот в этом все дело – уважаемые, – сказал Шерага. – В данном вопросе нам надо брать пример с русских. Кстати, о русских, ты читал такие произведения русских классиков? Например, вот такое...

Шерага замолчал, вспоминая что-то. А затем начал декламировать стихи одного русского поэта не только про жопу, но и про все другие органы, расположенные по соседству. Я слушал, разинув рот.

– Эй, Архари (иногда он меня так называл), почему не спросишь, кто написал эти строки? – Шерага, переведя дух, посмотрел на меня.

– Да, и кто же автор?

– Есенин! Великий русский поэт Сергей Есенин, – сказал Шерага, ткнув вверх указательным пальцем. – В сборниках его стихотворений нет этих произведений, в свое время их вычеркнули такие же «зоркие» советские цензоры, как ты...

Я узнал Шерага с еще одной грани.

НЕОКОНЧЕННАЯ КОМАНДИРОВКА

Шерага, после того как ушел с руководящей должности и был распущен Верховный совет двенадцатого созыва, некоторое время сидел без работы. Затем вернулся в «Егемен» и под началом двух-трех редакторов работал простым корреспондентом. Редакторам спасибо, оказывали уважение. Для всего коллектива было честью работать бок о бок с мэтром казахской журналистики, который пользовался непререкаемым авторитетом.

Говоря об авторитете, нужно сказать, что во время подписной кампании мы с Шерага объезжали часть областей Казахстана. Куда бы мы ни приехали, всюду ему оказывали ханский прием, а число читателей «Егемена» росло.

Однажды мы ездили по вопросам подписки по Южному Казахстану. Прошло уже дней десять, как мы выехали из дому, но усталости как ни бывало. По ранее введенному правилу вначале объездили Жамбылскую область, а затем через Саудакент попали в Созакский район Южно-Казахстанской области.

Когда прибыли в Шолаккорган, поступило сообщение, чтобы мы срочно приехали в Шымкент. Оказывается, звонил наш собственный корреспондент.

– Но ведь у нас своя программа, – выразил недовольство Шерага. – Мы же заранее предупредили районы, стыдно перед людьми...

Но приказ поступил из Алматы. То ли из пресс-службы правительства, то ли из Министерства информации сообщалось, что едет какой-то большой начальник. И все дальнейшие встречи должны пройти под его руководством. Делать нечего, пришлось выехать в Шымкент, невзирая на все протесты Володи (водитель редакции), который ссылаясь на то, что немного выпил.

Вам когда-нибудь доводилось ехать с теневой стороны на юг? Особенно в весенние и осенние месяцы? Одно удовольствие! Будто здесь собраны все природные пояса Казахстана. Красотища! Трудно всю эту красоту словами описать. Мы с Шерага по этой дороге ездили уже не однажды. И каждый раз он занимательно рассказывал о холмах и перевалах, о ручейках и травах. Но в этот раз он ехал молча. Даже когда проезжали мимо аула Аяна, он не вымолвил ни слова. Такое с ним случается редко. Вот так, не проронив ни слова, мы приехали в Шымкент.

– Где остановимся? – спросил Шерага при въезде в город.

– Может, поедем к корреспонденту, – предложил я, обрадовавшись тому, что наконец Шерага заговорил. – Наверное, и уполномоченный там.

– Едем в гостиницу, – холодно бросил Шерага. – Если нужно, сами найдут.

Он как в воду глядел. Только мы устроились, как приехали уполномоченный начальник в сопровождении нашего корреспондента. Следом вошли еще несколько человек с напитками и едой.

– Завтра после утреннего чая сразу выедем в Сарыагаш, – сказал уполномоченный за дастарханом. – Я специально приехал, чтобы организовать отдых для Шерага. Затем объездим Шардару и Арысь. Я уже предупредил тамошних акимов. Они соберут людей. Так уладим основные дела, из-за чего и приехали.

Не знаю почему, но Шерага ни слова не проронил. Мне посчастливилось часто ездить с ним в командировки. И когда я говорил, куда и во сколько едем, он всегда прерывал и напоминал, что нельзя заранее все так тщательно планировать, время покажет, как сложится поездка. Но в этот раз он выглядел расстроенным, по его виду было заметно, что он еще не отошел после вчерашнего.

Случилось, как обычно предупреждал Шерага. Действительно, время покажет, как сложатся дела в пути. Едва мы приехали в Сарыагаш, как заболел наш уполномоченный, и вся наша делегация была вынуждена вернуться в Шымкент. Но и здесь ему не полегчало. Делать нечего, надо возвращаться в Алматы. Но у нас всего одна машина. Что делать? Володя нервничает. Понятно, что ему трудно ехать ночью.

Улучив момент, я тихо спросил у Шерага: «Что будем делать?» «Как что будем делать, ты возвращайся с уполномоченным, а я останусь здесь, – сердито сказал Шерага. – Надеюсь, ребята довезут до Жуалов, там пару дней побуду с внуками, отдохну».

– Тогда остаюсь с Вами, – решил я. – Вместе выехали из Алматы, вместе и вернемся.

– Смотри, не нарвись на гнев уполномоченного.

– Самое большее, что он может сделать, так это уволить меня с работы. Остаюсь, – стал настаивать я на своем.

Шерага внимательно осмотрел меня с головы до ног, будто видит впервые, и почесал затылок. По этому движению я понял, что он внутренне согласился со мной. Осмелев, я сказал:

– Машину вызовем из Жамбыла.

Услышав слово «машина», Шерага встрепенулся.

– Ты что, думаешь, я не найду машину? – голос Шерага стал теплее. – Оставь ребячество, иди, не перечь уполномоченному. К тому же в багажнике машины лежат мои вещи, книги, ты будешь в ответе за них. Отвезешь их Батылжану и Алме. Давай, счастливого пути!

Что там говорить, в тот раз я впервые оставил Шерага одного на полпути.

ВНОВЬ ПРИНЯТ НА РАБОТУ

В Казахстане, наверное, мало людей, которые не знают фотографа Сайлау Пернебаева. Начав трудовую деятельность в молодежном издании, он много лет проработал в «Егемене», а в последние годы трудился в газете «Қазақ әдебиеті». Это было в те годы, когда казахскую литературную газету возглавлял Шерага.

Они были знакомы давно. И Шерага, выезжая в командировки, часто брал с собой талантливого и шустрого фотокорреспондента. И каждый раз, возвращаясь из поездки, Шерага предупреждал его: «Много разговариваешь, переступаешь грань

дозволенного, если так будет продолжаться, не буду больше брать тебя с собой». В ответ Саке всегда клялся: «Все, ага, поверьте, это было в последний раз. Больше такое не повторится». Но привычка брала верх, и он продолжал свои чудачества.

У всякого терпения есть предел. Однажды среди журналистов пронесся слух, что Шерага уволил Сайлау с работы. Одни жалели: «Кап, что же теперь будет с ним, ведь у него много детей». Другие довольно потирали руки: «Так ему и надо. Сам напросился».

Спустя некоторое время журналисты уже обсуждали другую новость: «Шерага принял на работу Сайлау». Одни сказали: «Наверное, пожалел его малых детей, вот и взял его обратно». Другие высказывали предположение: «Наверное, Сайлау попросил кого-то замолвить слово за себя». А истину я узнал позже от самого Саке.

– У меня много привычек, неугодных богу, – начал Саке, когда бутылка «Таласа» подходила к концу. – Стоит чуть выпить, так сразу умный становлюсь, мысли начинают лезть через край, и язык чешется. И понесло! Никому и слова сказать не дам. Шерага неоднократно предупреждал меня, чтобы я попрिдержал свой язык. Но... в тот раз я хватил лишку.

– В смысле много выпил? – поддел я его.

– Не без этого, – незлобиво ответил он. – Но все мои беды от моего языка.

– Значит, вы кого-то задели плохими словами?

– Да нет же...

Саке оживился, когда была выставлена вторая бутылка «Таласа».

Он не мог вспомнить, по какому поводу и в честь кого кыргызские братья организовали большое торжество. Из его рассказа понял, что кыргызы пригласили на это торжество группу казахских поэтов и писателей, людей искусства. Торжества начались в Бишкеке, затем плавно перетекли в Таласскую область, а оттуда – в Казахстан.

В этой длительной поездке «талант» Сайлау раскрылся пышным букетом. Перебрав спиртного, он повел себя неадекватно, начал задираться то к казахам, то к кыргызам. В конце концов, терпение Шерага лопнуло, и он там же уволил его с работы и отправил в Алматы.

– Две-три недели молча отлеживался дома, – вспоминал Сайлау, двумя руками поочередно вытирая пот со лба. – Вижу, никто и не думает меня искать. Оказывается, и газета может выходить без меня. И я решил, что негоже так лежать, нужно что-то предпринять, работу искать.

– А вы ходили к Шерага просить прощения? – перебил я его, не выдержав долгой прелюдии.

– Ойбай-ау, я этот лимит давным-давно исчерпал, – рассмеялся Саке.

– Значит, вы попросили кого-то, к чьим словам прислушивается Шерага?

– А где я найду такого человека?! Ты же знаешь характер Шерага, он еще больше возмутился бы.

– Ау, ну говорите же быстрее, не томите!

– Я сам поговорил с Шерага.

– Как? Каким образом? Ведь только что вы сказали, что исчерпали весь лимит.

– Да, лимит слов был исчерпан, – сказал Саке, взяв в руки лежавший перед ним фотоаппарат. – Вот он мне помог. Я заклеил рот лейкопластырем, сделал фотографию, увеличил ее, вложил в конверт и, уловив момент, когда шефа не было на работе, отдал секретарше. Попросил ее передать конверт лично Шерага. Сделать-то сделал, а потом сомнения одолели. Всю ночь глаз не сомкнул. Лишь под утро сон

сморил, как раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку, а на том конце провода ответственный секретарь. «Срочно приезжай, шеф ищет», – сказал он. Ой... это уже тема отдельного рассказа, – сказал Саке. – Слава богу, с тех пор опять работаю на прежнем месте. И это благодаря великодушию Шерага.

Перед смертью, будто чувствуя скорую кончину, Саке приезжал в Астану. Приехав в столицу, как он мог пройти мимо дверей «Егемена»? Со всеми поздоровался, зашел к руководству, а затем подал мне знак выйти на улицу.

– Что привело Вас в эти края? – спросил я, едва переступили порог.

– Собираю историю жанысов, – сказал Саке. – А приехал сюда по другому вопросу. Ты же знаешь моего сына Нурика, он ведь женился на немке. Из Караганды. По его делам езжу.

– Поздравляю! Ведь хорошо, когда молодые женятся.

– Хорошо, конечно, – заулыбался Саке. – Он, наверное, решил исполнить мечту предков. Сноха нарожала пять-шесть детей. Вот теперь я занимаюсь вопросами их устройства на учебу, решением других проблем. Похоже, без моего вмешательства там ничего путного не выйдет. Для нас они все еще дети...

«В отца пошел», – хотел сказать я, но сдержал себя.

ШУТКИ КАРЕКЕ КАК ПОДДЕРЖКА

Накануне Международного женского дня девяносто шестого года в двери Шерага постучалась беда: скончалась его супруга Мариям-женгей. «Цену богатству когда дадут узнаешь, цену человеку когда умрет узнаешь» – говорится в народе. Мы знали Мариям-женгей как прекрасного человека, поэтому ее смерть стала и для нас невосполнимой утратой. Естественно, большее всех было Шерага. Но он не подавал виду. Похоже, он все слезы выплакал еще в детстве.

Вначале мы растерялись. Когда приехали в квартиру Шерага возле кинотеатра «Алатау», здесь никого не было кроме Батылжана и Алмы. Родственники еще не успели собраться. По ним видно, что они не спали несколько дней, глаза опухли от слез. Бледные. Особенно переживала дочь. Но изо всех сил стараются держать себя в руках. Только всхлипывают, видать, сил на то, чтобы плакать в голос, уже не осталось. Смерть матери для любого человека большой удар. Поначалу и не верится, что из жизни ушел самый дорогой человек. Но как не поверишь, что беда зашла в твой дом, если родственники один за другим с плачем обнимают тебя. Но на все Божья воля, которой человек поневоле вынужден подчиниться.

Организация похорон требует большой выдержки. Одному тут не справиться. И мы все по мере сил помогали Шерага. Подыскали место для захоронения в Кенсае. Каратай Турысов и еще два-три человека повезли Шерага туда, чтобы показать, где будет похоронена Мариям-женгей.

– Эй, что с тобой, – сказал Каратай-агай, подбадривая своего ровесника, – идешь, словно ошипанная курица. Или только у тебя жена скончалась? Хватит! Держи себя в руках!

– И что ты предлагаешь? – отозвался Шерага в машине. – Что мне теперь делать, петь, что ли?..

– И что в том плохого, если запоешь? Исполни жоктау! – ответил Кареке и затем, прокашлявшись, стал тихонько напевать татарские мелодии.

Я знал, что у Кареке нет такого певческого таланта, как у Шерага, но он старался изо всех сил отвлечь ровесника от горестных дум. Их дружба зародилась еще в детские годы, когда они полуголодные делились последним куском хлеба в интернате. Эта дружба крепла с годами, вместе они преодолевали многие трудности.

вместе радовались жизни. Вот и сейчас Кареке изо всех сил старается разделить горе друга, даже не к месту затянул татарские мелодии.

Кареке и на погосте продолжал пошучивать. Управляющий Кенсая привел нас к подножью могилы Бауке (Бауыржана Момышулы) и показал место. Оказалось, тут оставили место для двоих.

Пока мы решали, с какой стороны копать могилу, Кареке подозвал к себе работников погоста и сказал:

– Копайте здесь! Женщина должна лежать чуть ниже мужчины, – затем, повернувшись к Шерага, прошептал: – Когда она выведет из себя, удобно дать тумака.

Да, как прекрасны отношения ровесников, которые даже в самом трагичном моменте найдут повод пошутить...

ЗАГАДКА ШЕРАГА

В последние годы выхода «Егемена» в Алматы наши с Шерага кабинеты находились рядом: мой 404-й, а его 405-й. Хотя он уже сдал редакторские полномочия, к нему было много ходок. Одни просили у него помощи от всякого рода притеснений, другие поднимали проблемы литературы и искусства.

Шерага уделял время каждому посетителю, терпеливо выслушивал, находил время побеседовать. Бывало, некоторые проблемы решал тут же. В основном к нему шли пожилые люди. И у всех одна привычка – если войдут в кабинет, то уж надолго. Мне было жалко Шерага. Он не может выгнать посетителя. Даже не знает, как мелким обманом выпроводить его из кабинета. Бесхитростный человек.

Раньше, когда он был первым руководителем, перед его кабинетом имела приемная. Там сидела девушка-секретарь. Она регулировала порядок и время посещения. Людей с жалобами, праздничношатающихся посетителей она направляла в отделы. К шефу запускала только тех, у кого действительно были серьезные проблемы. Теперь вход к нему стал доступным, и все старались попасть именно к Шерага.

Но такое напряжение бывает не каждый день. Иногда поток людей иссякает, и выпадает спокойное время. И когда Шерага уставал от работы или уставал от одиночества, он выходил в коридор и прогуливался. В таких случаях, естественно, первым на глаза попадает сосед.

Он не мог спокойно пройти мимо моего кабинета. «Эй, тебе «СК» должна поставить памятник, – шутил Шерага. – Сколько лет ты так натужно трудишься?..» «Вижу, в последнее время вы с Аяном перестали играть в шахматы, – улыбался Шерага, имея в виду Нысаналина. – Он тут хвастается, что разгромил тебя, это правда?..» «Может, заглянем к Жумагуль, – предлагал, указывая вверх, где этажом выше сидела Солтиева, – чаю попьем...»

Однажды Шерага зашел в кабинет и с порога начал:

– Загадаю загадку, отгадка – 100 тенге.

– Говорите, запишу.

– Вначале покажи деньги, – сказал Шерага. – Платить будешь сразу.

– Ну, что Вы, говорите же, может, я отгадаю, – не сдавался я. – Тогда посмотрим, кто будет платить.

– Хорошо, записывай, – согласился Шерага и, вытащив из кармана клочок бумаги, стал читать:

– Ниже пупка,

Выше колен...

И далее шли такие характеристики, что я непроизвольно рассмеялся.

– Эй, ты не смейся, скорее говори отгадку, – сказал Шерага. – Считаю до десяти.

– Понятно же, что это такое, – вновь засмеялся я.

– Что понятно? Это не то, о чем ты подумал, – сказал Шерага и быстро-быстро сосчитал до десяти. – Значит, не знаешь. Вот ответ – карман брюк.

Оказывается, и великие люди порой становятся детьми...

ТЕМА, РОДИВШАЯСЯ НА ХОДУ

Мы по заведенной привычке ездили по областям с целью организовать подписку на газету. В Тараз прибыли около полуночи. Когда подъезжали к гостинице, Шерага сказал, что нужно купить воды. Поэтому остановились перед небольшим базарчиком.

Таразцы, оказалось, тоже научились торговать. Если прежде было трудно найти редкие магазины, то теперь вдоль улиц выстроились маленькие киоски и мини-маркеты. Рядом с ними стоят «дикие» торговцы с самодельными товарами. Чего только нет! Глаза разбегаются от обилия и разнообразия товаров и молочных продуктов домашнего производства!

То там, то тут торгуют свежеприготовленными лапшой и пловом. Готовят на газовых печах. Обволакивающие запахи выжимают слюни. Увидев достаток и благополучие людей, мы порадовались за них.

Купив две бутылки воды, мы уже садились в машину, как кто-то громко окликнул нас. Обернувшись, увидели, что к нам торопится женщина, у которой мы только что купили воду.

– Погодите, дорогие! – сказала она. – Кажется, я недодала вам сдачи...

– Обычно продавцы жалуются, что обсчитались, а вы, напротив, переживаете, что обсчитали, – пошутили мы.

– Я правду говорю, – не унималась женщина и, подняв над головой 500-тенговую купюру, спросила: – Эту банкноту ведь вы дали?

– Да, – закивали мы головами.

– Вы купили две бутылки воды по 75 тенге, итого 150 тенге, – сказала торговка. Значит, я должна дать вам 350 тенге, а я вернула лишь 250.

Мы вынули из кармана деньги. И в самом деле всего 250 тенге. Поблагодарив женщину, взяли оставшуюся сдачу.

Можно было и не брать... Но тогда мы поступили бы вразрез своим принципам, ведь сколько материалов написано нами о честной торговле. По правде говоря, мы были уставшими, в день проводили по три-четыре встречи с читателями. А еще дорога утомила. Но поступок торговки взбодрил нас.

Едва мы повернулись к машине, как нас остановил Шерага.

– Стой! – прогудел он. – Вы хоть спросили, как зовут эту женщину?

– Нет, – ответили мы, переглянувшись.

– Тогда кого вы благодарили? Сухими словами кого облагодетельствовали?

– Мы же выразили ей признательность. Понятно, что она взяла бы деньги...

– Ее через газету надо поблагодарить, – сказал Шерага, – чтобы другим был урок, и сфотографируйте ее. Честность – человеческое качество. Думаете, она от хорошей жизни торгует здесь среди ночи? И несмотря на это не растеряла человеческие чувства. Какая еще тема нужна газете?..

Я не заставил Шерага дважды повторять сказанное.

Боже праведный: на очередной планерке моя пятидесятистрочная заметка была признана лучшим материалом недели.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗВЕЗДНОГО МОСТА

В советское время имена живых людей не присваивались населенным пунктам и школам, за исключением партийных вождей. Но мы знали, что одним из первых такой чести удостоился наш Шерага. В поездке по южному региону нам посчастливилось заглянуть в среднюю школу имени Шерага в селе Кумисбастау. Шерага волновался, потому что сам впервые ехал туда.

Маленький, с ладошку, аул расположен у самого основания Аксу-Жабаглинского заповедника. Мы приехали поздно, однако люди ждали нас. Как говорится, и стар, и млад.

По казахской традиции вначале угостили кумысом.

– Добро пожаловать, мы вас уже заждались, – приветствовала директор школы Г. Ешенкулова.

– Мы гордимся Вами! – сказал аким района Ж. Мауленкулов.

– Запоем читаем Ваши произведения! – вторил ему председатель местного производственного кооператива Т. Суранкулов.

– Ага, наверное, большего счастья нет, чем видеть такой почет от народа, – сказал младший коллега, писатель Уалихан Калижан, который был с нами в той поездке.

Шерага принимал участие в больших форумах, выступал с самых высоких трибун, но я впервые видел, чтобы он так сильно волновался.

– Дорогие друзья, братья, – начал свое выступление Шерага. – Я многое пережил на своем веку. Поэтому мало что может меня сильно обрадовать или напротив огорчить. Но сейчас я очень взволнован. Сколько наших достойнейших сородичей при жизни не увидели таких почестей?! Поэтому я в первую очередь хочу поклониться родной земле – священным Жуалы и Тюлькубасу, Тенгри – Аксу-Жабаглы. Склоняю голову перед памятью наших славных предшественников Турара Рыскулова и Бауыржана Момышулы, которые на века прославили мой народ, кланяюсь вам за то, что вы оказываете мне такие почести!..

Затем Шерага остановился на роли школы и родителей, государства и общества в воспитании подрастающего поколения. В этом деле многие задачи определены в Послании Главы государства народу Казахстана.

– В 2030 году вы будете руководить страной, – сказал Шерага, обращаясь к учащимся школы. – Вы должны обеспечить светлое будущее государства, которое в своем развитии должно стать подобно мощному, стремительному барсу. Все в ваших руках. Среди вас сейчас сидят будущие президенты и космонавты, писатели и земледельцы. В цивилизованных странах с уважением относятся к школе. Мы тоже должны достичь такой степени развития. Школа – наша воспитательница, школа – мать. Поэтому мы должны научиться уважать ее как мать. Скажите мне на милость, кто одевает родную мать в рванье и старье? Но мы видим, что рыночные отношения не самым лучшим образом сказались на положении школ. Сейчас говорят, что школы необходимо комплектовать компьютерами. Но ведь есть люди, которым не до компьютера, быть бы сытым и одетым. Вот поэтому правительство должно повернуться лицом к школе, подать ей руку помощи. Естественно, мы тоже не останемся в стороне... Однако я кроме как писать ничего не умею. Обещаю присылать школе, носящей мое имя, книги и другие труды. Хочется, чтобы зажиточные односельчане и молодые бизнесмены тоже протянули руку помощи школе...

Тот день прошел по-особенному интересно и насыщенно. Песни и кюи звучали непрерывно, исполнялись эпосы. Прекрасные мелодии и чарующие голоса трогали потаенные струны души...

УВИДЕВ ГЛАЗАМИ, ПРОЧУВСТВОВАТЬ СЕРДЦЕМ

В бывшее село Бурное, а теперь аул Бауыржана Момышулы мы с Шерага приезжали часто. Село находится между Таразом и Шымкентом. И каждый раз, когда мы подъезжали к перевалу Куюк или к горным возвышенностям со стороны Тюлькубаса, Шерага резко умолкал либо начинал мурлыкать в усы какую-нибудь мелодию. И мы продолжали путь, глядя кто в левое окно, кто – в правое окно, и каждый думая о своем.

Священная земля Мынбулака, послужившая темой для многих произведений Шерага! Аул батыра Бауыржана! Земля, на которой родился Шерага! Вот два человека, которые прославили этот край на весь мир.

Вот уже позади тесный проезд под железнодорожным мостом. Мост, который нам знаком по автобиографическому роману Шерага «Ай мен Айша». Где из-за того, что лошади понесли, у дяди Шерага Байжумана содрало кожу на спине. Едва машина стала карабкаться вверх, я начал озираться по сторонам. Шерага, заметив мое ерзанье, усмехнулся:

– Можешь не искать, он теперь не сидит здесь, ведь табачные изделия продаются всюду, – сказал он.

И тут меня осенило: я ищу «финагента Жалаксары» из книги Шерага...

Прежде казахи говорили: то, что слышат уши, глаза увидят. А я вот прочитанное принял за действительность. Наверное, именно в этом заключается сила творчества!

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ ГЕРОЯ

Едва мы приблизились к Талапты, как к щекам Шерага прилила кровь, и он стал озираться по сторонам. Я понимаю его волнение: мы едем по той дороге, по которой маленький Барысхан (он так назвал себя в романе «Ай мен Айша») вместе с Муртазой поехал на празднование в соседнее село, где мальчуган потерялся и с перепугу громким криком переполошил все живое вокруг, а потом догнал-таки отца. Кто только не ходил и не ездил по этой дороге?! И гении, и простые крестьяне!

Я тоже стал смотреть по сторонам. Но черная дорога затаила в себе все секреты.

Мы въехали в небольшое село, через две-три улицы повернули налево и, наконец, остановились перед воротами невысокого дома. Это дом Батырхан-ага, которому доверен шанырак семьи Муртазы. Навстречу вышли Батеке, дети, внуки, снохи. Шерага поздоровался с взрослыми, а когда очередь дошла до внуков – растаял в теплой улыбке.

Одному дал конфетку, другому – жвачку, каждого поцеловал. Мы и раньше знали, что он любит детей. Но не думали, что настолько. До самого отъезда домой он так и не оставлял своим вниманием внуков.

С дороги выпили по две – три пиалы чаю и вышли на улицу. Шерага направился в сторону огорода. Большой приусадебный участок засеян клевером, который зеленым ковром стелется по земле. Так и хочется лечь и наслаждаться прохладной свежестью травы. Будто почувствовав такой порыв, Шерага велел внукам принести кошму. Дети не заставили дважды повторять приказ, тотчас один приволок кошму, другой принес корпеше, еще один – подушки.

– Батырхан, угощение несите сюда, – сказал Шерага, обращаясь к младшему брату. – Вижу, тут мух и других насекомых нет. На свежем воздухе еда вкуснее и полезнее.

– Как скажете, ага, – ответил брат и дал поручения домочадцам.

Мы с Батеке быстро нашли общий язык, будто давно знаем друг друга. Он чуть пониже ростом и худощав, а так один в один похож на старшего брата. Это и есть тот самый слабенький Батырхан, у которого в детстве черви завелись на пальце ноги, а пальцы рук стали белыми и тонкими от того, что он непрестанно сосал их. И еще Шерага все время носил его на спине.

– Шерага с детства был склонен к писательству? – спросил я, улучив момент.

– Не замечал, – откровенно ответил Батеке. – Но помню, что он много читал. Не выпускал из рук книги. Надо полагать, что чтение книг и сама жизнь сделали его писателем. В романе «Ай мен Айша» он в тонкостях передал нашу горькую жизнь в детстве. Вы поверите, если скажу, что я наизусть знаю каждое слово на каждой странице этой книги, как знаю суры Корана?

После этих слов герой нашего главного героя быстро вышел из комнаты, чтобы не показать нам навернувшиеся на глаза слезы.

АГРОНОМИЯ ШЕРАГА

Едва наступила оттепель после холодов зимы девяносто шестого года, как Шерага зачастил в Жамбылскую область. Одни стали поговаривать, что он строит в Таразе прекрасный особняк, другие намекали на то, что он якобы собрался жениться. Поскольку наши кабинеты находились по соседству, мы знали о каждом шаге друг друга. Однажды часов в десять скрипнула его дверь. Я радостно вскочил со стула.

Его не было на работе неделю, так как он уехал в аул. Поначалу мне захотелось побежать к нему, но я остановил себя: пусть разденется, приведет себя в порядок, подумал я.

Затем дверь Шерага вновь скрипнула, и послышались его приближающиеся шаги.

– Ты же много лет возглавлял сельскохозяйственный отдел, скажи-ка, сколько килограммов семян уходит на один гектар? – спросил Шерага после приветствий.

– Вы что, решили агрономией заняться? – пошутил я в ответ.

– Не переводите разговор в шутку, – сказал Шерага, насупив брови. – Я серьезно спрашиваю.

Я слегка растерялся. Неужели я своей неуместной шуткой обидел Шерага? Если он не знает эту отрасль, то откуда взял данные для письма Камалу, недавно опубликованного в нашей газете? «В хрущевские времена, как ты сам говорил, была поднята целина на 25 миллионах (в других источниках – 30 миллионов) гектаров, – написал Шерага. – Ты предлагаешь освободить из них 10 миллионов от пашни и перевести в пастбищные угодья. Так как считаешь, что таким образом можно увеличить поголовье скота. Bravo твоему намерению! Bravo твоему сердцу! У тебя чистое сердце. Иначе ты бы знал, что понадобится как минимум сто лет на то, чтобы эти 10 миллионов гектаров пашни вновь превратились в пастбище. Плодородный гумусный слой целины давно превратился в пыль. Одному богу известно, хватит ли XXI века, о котором ты говоришь, на восстановление плодородия этих земель». Что можно сказать об агрономии человеку, который так профессионально поднимает сложную социальную и экологическую проблему?

Позже я понял смысл вопроса Шерага. Вернувшись из следующей поездки в Жамбылскую область, Шерага положил на мой стол областную газету – «Ақ жол». На одной из внутренних полос обратил внимание на материал «Первый год талаптинцев». Талапты – родное село Шерага. Прочитал на одном дыхании. В статье рассказывалось о результативной работе производственного кооператива

«Талапты», который в прошлом году отделился от агрообъединения «Мынбулак», на одной тысяче гектаров посеял зерновые колосовые, на десяти гектарах посадил картофель, на пяти гектарах разместил люцерну. А руководит всем этим хозяйство Алижан – сын младшего брата Шерага Батырхана.

– Вот, Муртазаевы тоже умеют трудиться! – воскликнул Шерага и впоследствии часто рассказывал о хорошем начинании Алижана.

ГДЕ ВЫ, ТАМ И ПОЧЕТНОЕ МЕСТО

Мы находились в Арыском регионе Южного Казахстана. Отсюда вышло много писателей и поэтов, композиторов и артистов. Люди здесь как на подбор ораторы. Не говоря уже об известных в истории ученых во главе с поэтом Кулбеком, кто не знает певицу Нуржамал Усенбаеву и мастера художественного слова, видного писателя Дулата Исабекова?

Здесь хватает и других талантов. Я знал, что и сатирик Садыкбек Адамбеков тоже из этого района. В последние годы он часто болел, дела пошли на спад, поэтому земляки забрали его обратно в Арысь. До нас доходили известия о том, что ему построили замечательный дом, наняли сиделку по уходу за ним. Приехав в Арысь, мы не могли не навестить его. Я намекнул об этом Шерага. «Конечно, заедем, поприветствуем», – сразу же согласился Шерага. Но Саке не оказалось дома. «Он беспокойный человек. Не сидит без дела. Ездит по аулам, с людьми общается», – сказал аким района Алимжан Куртаев. «Наша совесть чиста, мы специально завернули сюда, чтобы поздороваться с ним», – сказал Муртаза. – Не будем терять времени, поехали работать дальше».

Во время встречи в районном центре из зала поступила записка. Адресована Шерага. На клочке бумаги были написаны жесткие слова: «Шерага! Раньше, в бытность главным редактором «Егемен Қазақстан», Вы сидели на почетном месте. Сейчас Вы, рядовой сотрудник, где сидите? У Вас есть отдельный кабинет?»

Аким района заерзал и сунул записку в карман. Однако отличающийся чрезвычайной наблюдательностью Шерага протянул к нему руку, молча требуя записку. Алимжану ничего не оставалось, как отдать ее.

Шерага пробежал взглядом по записке и усмехнулся. Затем пододвинул к себе микрофон.

– Тут один читатель задает мне вопрос, – сказал он и вслух прочитал текст записки. – Этот вопрос волнует многих. Я и сам думал, а что говорят люди? Очень хорошо, что такой вопрос поступил. Отвечаю. Да, в свое время я руководил газетой «Егемен Қазақстан» и сидел на почетном месте. Сейчас действительно рядовой сотрудник. Но я не стесняюсь этого. Потому что «Егемен Қазақстан» – народная газета. А вы, читатели, меня посадили на почетное место. К тому же это священный шанырак. В разные годы в этой газете работали такие корифеи, как Сакен Сейфуллин, Ораз Исаев, Турар Рыскулов, Ораз Жандосов, Беимбет Майлин, Ильяс Жансугуров, Габит Мусрепов, Сабит Муканов. И если даже меня посадят у порога такого священного шанырака, я не буду чувствовать себя униженным или оскорбленным.

Не знаю, как другие, но меня при этом кидало то в жар, то в холод, глаза подернулись пеленой. И тут я заметил, что весь зал встал и буквально взорвался овациями. Да, казахи умеют ценить правильные слова! Поговаривают, что раньше один очень уважаемый мэтр сказал другому не менее уважаемому человеку: «Где бы Вы ни сидели, там самое почетное место». Эти слова в данном конкретном случае будто были сказаны в адрес Шерага...

ЗНАК АКИМУ

Мы зашли в приемную бывшего акима Жамбылской области Амалбека Тшанова, чтобы поздороваться. Его помощник, естественно, узнал Шерага и тепло приветствовал нас. Но не посмел войти и доложить о нашем визите, так как в кабинете находился посетитель. Таким образом, нам пришлось некоторое время просидеть в ожидании приема. Посетитель, вошедший раньше нас, не спешил выходить.

Вдруг Шерага поднялся с места, вышел на середину комнаты, снял галстук и сложил его в несколько раз, положил в карман. И в это время из кабинета выскочил Амалбек.

– Здравствуйте, Шерага, – приветствовал он, – простите, что заставил Вас ждать.

– Ничего страшного, – сказал Шерага, подавая мне знак идти за ним. – Понимаем, что у акимов много работы...

Цель нашего приезда известна – организация подписки на газету. Аким пообещал выполнить нашу заявку.

– Что еще нужно сделать? – спросил он.

– Что сделать, говоришь? – переспросил Шерага. А затем, немного подумав, продолжил: – Ну, коль сам руководитель области просит, то нужно сказать. Наш собственный корреспондент с большой семьей живет в маленькой двухкомнатной квартире. Если бы Вы решили вопрос с расширением жилплощади, мы приняли бы это как помощь газете.

Аким, вызвав помощника, на наших глазах дал ему соответствующее поручение.

На улицу мы с Шерага вышли в приподнятом настроении.

– Ну и как? – спросил Шерага, поблескивая веселыми глазами.

– Замечательно! – ответил я, радуясь, что все вопросы решились без проволок. – Кстати, Шерага, а почему Вы сняли галстук?

– Оказывается, ты заметил, – рассмеялся Шерага. – Я так подал знак акиму.

– Как? Каким образом? – не унимался я, еще больше удивляясь.

– Ты что, не знал, ведь у каждого акима в кабинете стоит телевизор видеонаблюдения, – сказал Шерага. – По нему он видит, кто входит в приемную, кто ждет. Следовательно, Абеке не мог не видеть нас. А я, сняв галстук, намекнул ему, что приехали не по официальным вопросам, а лишь поздороваться.

– Ойпырай, а! – удивленно воскликнул я.

– Спасибо, что Абеке понял это, – сказал Шерага удовлетворенно. – А по поводу квартиры я был вынужден сказать потому, что он сам спросил. Было бы замечательно, будь таких понятливых акимов больше.

Я шел, поражаясь мастерству Шерага и понятливости Амалбека.

– Ты еще многого не знаешь, – прервал мои мысли Шерага. – У нас есть одна нация, не буду конкретизировать какая, но когда ее представители говорят по-русски, по грамотности переплюнут самих русских. Они при первой же встрече определяют, что одной крови, хотя до этого ничего не знали друг о друге. Невероятная сила притяжения! Они никому не раскрывают секрет этого феномена, который переходит из века в век как наследие. Вот настоящий скрытый знак, до понимания которого нам далеко!

– Их знак – это слово или какой-то жест?

– А кто его знает? – вздохнул Шерага. – Кстати, они могут узнать друг друга, даже если один из них будет звонить из Америки в Москву. Следовательно, значение имеет слово. Наверное, как жаргон у наших шымкентцев, – рассмеялся Шерага.

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ МАСТЕРСТВУ?

Однажды Шерага пришел на работу позже обычного. Было слышно, как лифт с грохотом поднялся на четвертый этаж, как из него вышло несколько человек, которые, шумно переговариваясь, вошли в кабинет Шерага. Сняв верхнюю одежду, он тотчас открыл нараспашку мою дверь и сказал:

– Илико приехал!

Лицо Шерага светилось от радости. Когда исполнялись его желания, он всегда так менялся.

– О, поздравляю, вечером заеду в гости, – сказал я.

Илико – это младший сын Алижана, который, в свою очередь, сын младшего брата Шерага Батырхана. Настоящее имя Ильяс, но Шерага его ласково называет Илико.

– А зачем до вечера тянуть, он сейчас у меня сидит, – Шерага кивнул в сторону своего кабинета. – Можешь готовить подарки. Кстати, он не один, и Зибя приехала.

В кабинете Шерага сидело трое малышей. Двое – внуки Шерага. А третьего я не знаю.

– Они недавно сошли с поезда Аскарлова, – стал объяснять Шерага. – Из аула приехало несколько человек. Я решил, что старшим нужно передохнуть с дороги, поэтому детей взял с собой.

Шерага всегда называл поезд «Алатау» из Шымкента Аскарловским. Я знал, что он любит детвору, но не предполагал, что он может привести малышей на работу. Он и позже несколько раз приводил внуков на работу. Нередко они наталкивали его на разные темы, которые Шерага мастерски раскручивал на страницах газеты. В частности, он писал о недостатках «Букваря», проблемах детского театра, а также сельского хозяйства. Его материалы просты в изложении и доступны к чтению для всех категорий подписчиков. Например:

«...Лето. Отпуск. Я выехал в аул.

Прошлой зимой в Жулах выпал снег толщиной в два метра. Весна пришла с запозданием. Вдосталь напоенная влагой земля должна была дать хороший урожай. Но пшеница уродилась низкорослой, ячмень – слабым». Дальше он продолжает: «Лето не виновато. Оно благодатно. Все цветет, все благоухает. Цветет чечевица, кукуруза еле вмещается в многослойную кожуру, подсолнух кланяется солнцеподобной головой, розы стелют над землей непередаваемый аромат, созревает огурец, морковь уже пригодна к потреблению. Божья благодать!

Но какая-то непонятная тревога преследует людей».

Всего две-три страницы текста, но в нем есть все: отсутствие денег, недостаток горюче-смазочных материалов, высокие цены, недоступность кредитов, закрытие культурных учреждений, рост краж, потеря духовности – все это, слившись в один большой клубок проблем, намертво сдавило горло аулу.

Излагая все это, автор резюмирует: «Какой-то необъяснимый страх присутствует в людях. Потому что будущее непредсказуемо. Если резко не поменять отношение к селу и срочно не начать исправлять положение, трудно сказать, что его ждет.

Мы – я, Жалгас, Ильяс (Илико), Зибя, Алишер – собираем иностранных колорадских жуков, безжалостно поедающих картофельную ботву. Иностранные нахальные птицы склевывают яблоки, не давая им дозреть.

До каких пор будут грабить?»

Скажите на милость: это газетная статья или литературное произведение? Так и хочется перечитывать. Это и есть вершина журналистского мастерства!

ЗВОНОК ИЗ КОРДАЯ

Шерага сошел с коня. Говоря «сошел с коня», я имею в виду, что он оставил руководящую должность (а так нельзя сказать, что писатель остался без работы). И некоторое время посвятил отдыху.

В один из таких дней раздалась длинные междугородные телефонные звонки. Я поднял трубку и услышал женский голос: «Сейчас будете говорить с первым руководителем». Едва успел подумать, кто бы это мог быть, как в трубке раздался мужской голос:

– Моя фамилия Байгельдиев. Я звоню из Кордая. Вас знаю заочно. Знаю, что Вы один из близких и верных младших братьев Шерага. Поэтому хочу заранее сказать, что мы хотим выдвинуть его кандидатуру в депутаты Мажилиса по одному из округов области...

– О, это прекрасная идея, – сказал я обрадовано. – Сейчас же доложу своему руководству.

– Мы им специально сообщим, – прервал меня Омирбек-ага присущим ему мягким голосом. – Просто мы хотели, чтобы Вы заранее знали о наших планах.

Я смутился от мысли: «А кто я такой, чтобы меня заранее ставили в известность о таких серьезных планах? Я не руководитель, имеющий в руках власть, не депутат, слова которого имеют вес. Только рядовой корреспондент. Правда, в последнее время мне везет в том плане, что часто езжу вместе с Шерага по всему Казахстану. Благодаря этому познакомился со многими авторитетными людьми. Может быть, Омеке знал о наших с Шерага доверительных отношениях? Или Шерага сам рассказал ему обо мне?»

Как бы там ни было, но этот неожиданный звонок из Кордая поднял мне настроение и усилил мое уважение к Омирбеку Байгельдиеву.

В то время он был первым руководителем Кордайского района. Наверное, ему свыше воздалось за его человечность, и он со временем стал первым руководителем Жамбылской области, первым Председателем Сената Парламента Казахстана. И где бы он ни работал, каких бы высот ни достиг, всегда оставался вдумчивым профессионалом, милосердным человеком. Он много сил приложил, чтобы обеспечить людям достойную жизнь. Был не только дальновидным политиком, но и опытным хозяйственником, внесшим весомый вклад в укрепление экономики области и страны. Особенно огромна его роль в развитии сельского хозяйства. Он и теперь продолжает неустанно трудиться над преумножением национальных ценностей.

Омеке по-особенному ценит Шерага. Всегда старается протянуть руку помощи. Я был свидетелем, как он помог, когда скончалась первая жена Шерага Мариям-женгей. Много раз поддерживал, когда Шерага был без работы. Знаю, сколько сил приложил, чтобы организовать юбилейные торжества Шерага.

Однажды я встретился с Омеке на улице. После приветствий он, как обычно, спросил о самочувствии Шерага.

– С тех пор как переехал в Тараз, он редко звонит, – сказал я.

– А сам почему не звонишь? – Омеке внимательно посмотрел на меня. – Ты должен каждый день звонить ему и справляться о его здоровье. Он же тебе как родной старший брат. Это не я говорю, люди говорят, дорогой. Кстати, у него в последнее время глаза болят, поэтому он себя неважно чувствует. Звони ему, узнавай о его самочувствии.

С тех пор у меня вошло в привычку если не каждый день, так в неделю хотя бы раз звонить Шерага и беседовать с ним по телефону.

ОТКАЗ ОТ ЗАРПЛАТЫ

Не секрет, что с переездом в Астану мы лишились изобилия, которое было у нас на дастархане в Алматы. И зарплата сократилась, что ли? Поначалу было около десяти тысяч тенге, а затем стали получать пять – шесть тысяч.

В принципе казахи всегда удовлетворялись тем, что есть. Сколько на руки дадут, молча берут, не спрашивая, почему так много или почему так мало. Вот и мы расписывались за указанную в ведомости сумму, а до того, как она образовалась, действительно, много это или мало, никому и дела нет. К тому же перед самым переездом в Елорду бухгалтерия отделилась от нас, и мы были уверены, что теперь наши деньги никуда не денутся. А оказалось...

Однажды мы пришли в растерянность от информации о том, что Шерага отказался от зарплаты. Мало верилось в это, однако никто и не опроверг такой слух. Так пролетело несколько недель, и нас обрадовали известием о том, что выдают зарплату. Мы, шумно переговариваясь, потекли в нижний этаж. Девушка-кассир, выдавая каждому на руки по четыре тысячи тенге, приговаривала, что удержали лишнее. Больше она ничего не могла объяснить. Мы молча согласились. Все в руках главного бухгалтера!..

Мы, казахи, интересный народ. Наивный и доверчивый. Вон наши коллеги из «Казахстанской правды» вникают во все вопросы, считают каждую копейку. А почему не посчитать копейки, если твоя зарплата в два – три раза меньше, чем у них.

Тем не менее оказалось, что Шерага в курсе многих вопросов. Это я узнал позже, когда мы переехали в Астану.

– Что в этом сложного, – сказал Шерага однажды, когда у него было приподнятое настроение. – И ты бы стал бухгалтером, если, как я, в течение пятидесяти лет жил на государственные деньги. Ты, похоже, даже не знаешь свою зарплату, все полагаешься на доходы Дариги...

– Так ведь для этого и есть бухгалтер?!

– Конечно, есть. Но нужен человек, как Сака (шурин Шерага – Мейрамбек), который и их должен постоянно проверять. Сколько ты вернул?

– Около четырех тысяч...

– Вот видишь, на каждый месяц по тысяче тенге. Даже если ты не заметишь, увидят другие. Я тоже понял, что тут что-то неладное. И поручил ребятам, чтобы они проверили.

– Вы правильно сделали.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что отказались от зарплаты...

– Что? – глаза Шерага сверкнули за толстыми стеклами очков. – Я от зарплаты не отказывался. Я потребовал проверить и правильно считать. А ты думаешь, что я, как этот, кто когда-то отказался от премии... В кино...

– Леонов, – робко подсказал я.

– Да, как Леонов, – сказал Шерага и рассмеялся...

ТУРЫСОВ ГОВОРIT ПРАВДУ

Теплой осенью в год переезда «Егемена» в столицу мы пригласили в гостеприимную редакцию депутата Парламента Каратая Турысова и взяли у него интервью. Встреча проводилась по личной инициативе главного редактора газеты Ержумана Смайыла. Все вопросы держались в секрете до самого приезда Кареке. Потому что согласно положению о проводимом среди молодых журналистов конкурсе нельзя

было заранее разглашать фамилию и место работы интервьюируемого.

И когда вошел Кареке, растерялись не только молодые журналисты, сидевшие вдоль длинного стола в центре комнаты, но и мы, опытные коллеги, сидящие на стульях вдоль стены. Дело в том, что он по любому вопросу имел собственное мнение, которое нередко шло вразрез с официальной точкой зрения властей. Он, невзирая на лица, резал правду-матку. К тому же в это время в адрес правительства высказывалось много критических замечаний, и отношения между депутатами и чиновниками были натянутыми. Возглавлявший комитет Парламента по экономике и бюджету Каратай Турысович и в этот раз «засыпал» нас горячими фактами.

– Мы до сих пор не можем избавиться от зависимости, – сказал Кареке, приглаживая рукой густые и непокорные волосы, покрытые сединой. – В том числе и от большого соседа. Если экономика России несмотря на предпринимаемые меры оздоровления так и будет продолжать падать, то и нам придется несладко. В такой ситуации так необходимо, чтобы наше правительство принимало смелые решения и реализовывало новые программы. Что нужно сделать для этого? В первую очередь, следует поднять отечественные предприятия. Но это дело не одного дня и не одного месяца. Тут требуется кропотливая долготелая работа. И опять же, как бы мы ни позерствовали, наша страна аграрная. Но несмотря на это каждый год покупаем за рубежом продукты питания на более чем триста миллионов долларов. Даже молоко ввозим. Что за нелепость такая?

Молодые журналисты растерянно смотрели то на руководителей редакции, то на нас – старших опытных коллег. В этом нет ничего удивительного, потому что они привыкли на различного рода совещаниях слышать хвалебные речи, ошеломляющие цифры успехов страны.

– Можно отрубить голову, но не язык, – сказал Кареке, завершая выступление. – Прожив столько лет, Турысов привык говорить только правду и ни разу не переступил через нее. Поэтому не всем нравлюсь. Главное, что Глава государства одобряет мое поведение. Он не возражал, чтобы я принял участие в предстоящих выборах...

Я знал, что Кареке не отступит от своего решения. И спросил его:

– В таком случае, почему Вам не взять с собой Шерага?

– Он теперь может присоединиться к нам, если пожелает, – ответил Кареке. – Слышал, что он недавно женился на молодой...

Егеменцы встrepенулись. Я прикусил язык, потому что уже знал об этом. Как и некоторые посвященные в семейные дела Шерага люди, я мечтал, что он в скором времени станет депутатом и вместе с младшей дочерью знаменитого Кенена Азербaева Акбилек приедет в Астану.

Но об этом никому не рассказывал. А тут такая новость для коллег, которые всегда узнавали о Шерага у меня. Пытаясь оправдаться перед ними, я спросил у Кареке:

– Каратай-ага, нам принимать эту весть как официальное сообщение?

– Сами решайте, как воспринимать, – ответил Кареке, не меняя тона. – Турысов привык говорить только правду.

– Твоими бы устами да мед пить, дорогой брат, – пробормотал я про себя.

...Позже эту историю вспоминали в доме Аргынбая Бекбосынова. Он, работая руководителем пресс-службы Сената Парламента, пригласил на ерулик только что избранных депутатами Шерхана Муртазу, Каратай Турысова, Куаньша Толеметова, Уалихана Калижанулы. Слово за слово, и я спросил у Кареке:

– Ага, скажите честно, Вы тогда сказали о женитьбе Шерага, зная об этом или наугад?

– Дорогой, ты как клещ: если вопьешься, так и не отстанешь, пока не получишь свое, – ответил Кареке, переводя разговор на шуточный лад. – Я же сказал, что никогда не скрываю правду. Слышал от людей. Вы думаете, что он сам что-нибудь расскажет?! Где там рассказать, еще и накинется с упреком «что вы тут болтаете?». Ойбай, знаю я его, знаю. И что самое интересное, люди верят не мне, а его словам...

И тут Шерага внезапно ответил Турысову четверостишием:

Вновь оседлав коня, Кареке
Стал править долларом и тенге.
Мы вместе выросли в интернате,
Покровительствуй нам в палате.

Гости весело рассмеялись и стали поздравлять двоих друзей. Оказалось, что сегодня состоялось первое заседание Мажилиса, где Каратая Турысова вновь переизбрали председателем комитета по финансам и бюджету...

ВСЕ СТАЛО НА СВОИ МЕСТА

В феврале девяносто девятого года прошлого века по почину Шерага коллектив редакции газеты «Егемен Қазақстан» взял курс на новую столицу страны – в город Астану. Нам с Шерага выделили одно купе. Едва разместились по местам, как коллеги, будто сговорившись, пришли к нам и окружили Шерага. Кто-то поздравлял с переселением, другой желал счастливого пути, третий успокаивал сомневающихся. В купе царило приподнятое настроение.

– Вам выпала счастливая доля, – сказал Шерага, обедая нас взглядом. – За почти восьмидесятилетнюю историю газета «Социалистік Қазақстан», начиная с Оренбурга, всего дважды переезжала. Третий переезд пришелся на ваше время. Это большая радость, и я поздравляю вас с таким историческим событием.

В Астану прибыли ранним утром. Февральский мороз перехватил дыхание, но когда мы увидели приветливые лица встречающих, у нас потеплело в груди. Перед нашим специальным вагоном собралось много людей. Официальные лица во главе с заместителем акима города Кайратом Сатыбалды надели на Шерага национальный чапан и поздравили нас с прибытием. Многих мы узнали. Среди встречающих – народный поэт Конысбай Абил и наш коллега Кайсар Алим. Конысбай был председателем здешнего общества казахского языка, а Кайсар работал в Министерстве культуры, информации и общественного согласия. Если один из них встречал нас песнями-импровизациями, другой радовался, что «теперь вернется в родной «Егемен» и будет трудиться в родном коллективе».

– Какой чистый воздух в Арке! – воскликнул Шерага и расстегнул пуговицы на шубе. – Сразу стало легко дышать! Привыкайте к местным морозам! Теперь мы будем жить и работать в городе-мечте!

...Согласившийся приехать в столицу вместе с коллективом «Егемена» Шерага следующим утром уехал в Алматы.

Надо сказать, что и бывший главный редактор газеты Уалихан Калижан, и руководивший потом коллективом Ержуман Смайыл перед переселением редакции агитировали Шерага переехать в Астану. Но он твердо стоял на своем: «Нет, не перееду, пусть молодые работают!»

Во время подготовки к переезду нас одолевали сомнения. Некоторые коллеги сразу же отказались ехать в Астану, другие не могли принять решение. Поэтому нас волновал вопрос, а кто поедет с нами? И однажды я тоже решил просить Шерага поехать в столицу.

– Слушай, ты такой интересный, – сказал он в ответ, глядя мне в глаза. – Ты же знаешь мое положение. Как я поеду один? Кто будет стирать мне, кто готовить еду?..

– Вон в чем дело! – развел я руками. – Как это Вы один? А мы на что? Поможем...

– Хорошо, один день побуду у тебя дома, два дня, а потом Дарига скажет: давай, иди...

– Но Вы же знаете, что она не такой человек.

– Знаю, – сказал Шерага, прокашлявшись только ему присущим манером, – однако не пристало человеку в возрасте, как я, скитаться по чужим углам. Тем более на новом месте, где мало кого знаешь...

Ага проглотил последние слова и замолчал, будто вспомнил что-то, только ему известное. Я привык его видеть всегда подтянутым, твердым, не знающим страха ни перед чем. А тут узнал его совсем с другой грани, которая с непривычки показалась странной.

– О чем Вы говорите, Шерага, – сказал я, стараясь угодить. – Вы же в свое время работали в этих краях. Наверное, с закрытыми глазами не споткнетесь нигде. А одиночество – это временное явление, у вас энергии хватит, чтобы состарить еще одну девушку...

– Ну ты и хитрец, да только не будем заходить так далеко, – рассмеялся Шерага, обнажив ряд ровных белых зубов.

Что там ни говори, спустя шесть – семь месяцев после того случая Шерага был избран депутатом Мажилиса от Жамбылской области и приехал в Астану с новой женой Акбилек.

Так все стало на свои места.

РЫБА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЕСТЬ

Там, где река Шу доходит до Уланбея, есть несколько озер. Но сколько времени вода туда не поступает?! А ведь в камышах Камкалы тигры водились! Об этом написано в поэме известного поэта Исы Байзакова «Құралай сұлу», а местные жители показывали место захоронения ее героини, где раньше высился мавзолей. Однако, оставшись без присмотра, он со временем стал рушиться и превращаться в груду камней. В одной из поездок мы с Шерага с трудом нашли то место. И тем не менее вода в этих местах все еще не ушла. Озера обмелели, но подпитывались тальными водами и редкими в здешних местах дождями.

Местные жители сообщили, что на этих озерах в последнее время вновь появилась рыба, что люди промышляют ее отловом. И Шерага спросил меня: «Тебе мясо не надоело еще?» Поняв, что он хотел этим сказать, я стал намекать на рыбалку хозяину дома. «Да это пустяковое дело! – засуетился хозяин. – Озеро – вот оно, рукой подать. Если хотите, сейчас вас туда доставлю».

Сказано – сделано. Поехали. И в самом деле, озеро оказалось неподалеку от села. Когда мы подъехали, несколько парней вытащили на берег небольшую сеть. Но она оказалась пустой. «Рыба не клюет, – предупредили они, увидев удочки в наших руках. – Много тины и водорослей. На сеть мало ловится. Ради вас попробуем еще раз закинуть. Здесь всего два вида рыбы водится: карась и окунь...»

При словах «рыба не клюет» мне вспомнилось кое-что. В этих краях неподалеку было село Кумозек. Одноименное хозяйство занималось выращиванием крупного рогатого скота. Руководитель его, наш близкий друг Несипбай Есильбаев, говорил: «Когда я стал директором совхоза, то обнаружил здесь места, где человеческая

нога не ступала. А вода в озерах оказалась настолько чистой, что рыба на дне была видна, как на ладони. Но сколько бы ни прикармливали ее, сколько бы ни старались выудить, она не клевала. А все дело в том, что она была сыта. И ее не интересовала наживка на крючке. Но затем мы приноровились к ловле рыбы. Оказалось, что и рыба интересуется незнакомым кормом. Если на крючок наживить не водящихся в этих озерах червей и насекомых, то рыба накидывается на них, как овцы в жаркий день на воду из колодца. Так можно было за час наловить целое ведро рыбы. Сейчас все это похоже на сказку. За какие-то десять – пятнадцать лет природа пришла в запустение. Вначале сократилось поступление воды. Затем стал вырубаться пустынный лес – саксаул. Теперь вот очередь дошла до людей, которые съезжают с родных мест. В запустение приходят хозяйства»...

В первый раз ребята вытащили пустую сеть. Во второй раз попало несколько рыбин. Как они и говорили, карась да окунь. Но одна рыба заинтересовала Шерага. Он взял ее в руки и стал внимательно рассматривать. Это привлекло мое внимание.

Небольшая рыбка, но с головы она карась, а вторая половины – окунь. Я не поверил своим глазам, поэтому несколько раз переложил ее с одной ладони на другую. Так и есть, будто кто-то склеил из двух видов рыбы одну. Бывает же такое!

– Е, это же помесь, ее нельзя есть, – сказали местные рыбаки и выбросили рыбу обратно в озеро.

– Кап! – воскликнул Шерага. – Надо было хоть сфотографировать, чтобы потом показать людям такое творение природы.

– Как жаль, – поддержал его сожаление я. – Ведь найдутся такие люди, которые не поверят нам на слово.

НЕРАСКОЛОТЫЙ ОРЕХ

Мы находились в Жамбыле.

– Давай сходим на базар, – сказал ага за утренним чаем в гостинице.

– Зачем?

– Завтра ведь поедем в Жуалы. Нужно детям кое-чего прикупить...

Дважды обошли Зеленый базар. В одном месте нет нужного товара, в другом цена не подходит – ничего не купили.

– Ты когда-нибудь бывал на базарах Шымкента? – спросил Шерага.

– Нет, не доводилось. А почему Вы спросили?

– Вот там базары так базары! Есть все, что душе угодно, – вздохнул ага и вытер платком пот со лба. – Там есть знаменитый Алайбазар. Тамошние торговцы, оказывается, говорят: «То, что есть атомная бомба, – пустая болтовня». На вопрос «Почему?» отвечают: «Если бы она существовала, то ее обязательно продавали бы на нашем базаре». Вот и представь себе, что за базар такой.

– Но ведь мы не бомбу ищем, – выпалил я и тотчас прикусил язык.

Шерага удивленно посмотрел на меня и пошел вперед. Наступил полдень. Все, кто на базаре, здороваются. Два-три незнакомых человека угостили кумысом.

– Что, так и будем бродить, как потерявшие торбы сарты?..

– И что Вы предлагаете?

– Почему не торгуешься? – сказал Шерага, кивнув головой в сторону торговцев орехами и изюмом. – Ни на что не способен, долговязый.

Какой из меня покупатель? Но слова Шерага подействовали отрезвляюще, и я несмело подошел к одному узбеку-торговцу.

– По какой цене продаешь? – полушепотом спросил его.

– Сколько берешь? – вопросом на вопрос ответил он и взял в руки совок.

– А какое это имеет отношение к цене? – не унимался я.

– Если будешь брать оптом, скину десять тенге, а так по 120 отпускаю...

Как говорится, спрашивая дорогу, и до Мекки можно пойти. Так и я узнал цены на урюк и орехи. Примерно одна цена. Только нужно уметь выбирать. В этом плане наш базар в Таразе может конкурировать с рынками любых городов. Вот так покружив по базару, наконец-то купили, что хотели. Когда рассчитывались за покупки, заметил, что настроение Шерага приподнялось. И меня между делом поблагодарил.

– Похоже, я тебя плохо знаю. Оказывается, ты умеешь торговаться. Вон того узбека обхитрили, даже жаловаться стал, что дешево отдал. У него орехи получше вышли, чем кишмиш, может, стоило еще купить, – сказал он, оглядываясь по сторонам.

Как бы там ни было, он выглядел довольным и не переставал вспоминать, как мы торговались с узбеками.

Вот так в приподнятом настроении возвращались, как вдруг все поменялось разом. И причиной этому стали наши покупки. Уже у самых ворот на выходе мы увидели узбеков, которые из нескольких мешков продавали орехи и урюк.

– Сколько стоит? – неожиданно заинтересовался Шерага.

– По девяносто отдам, – обрадованно поправил тот тубетейку, будто мы собираемся купить его товар. – Если будете брать много, могу еще уступить...

Шерага буквально пробуровил меня глазами. Чувствую, обвиняет меня, что попали впросак. 120 тенге – это не 90, а этот хитрец еще обещает сделать скидку.

– Ой, Шерага, это же незрелые орехи, – на месте сориентировался я, чтобы как-то успокоить своего спутника. – К тому же совсем мелкие. Вот поэтому они дешевые...

Кому понравится, если твой товар критикуют. Узбек возмутился:

– Не хочешь брать, не бери, только так не говори!..

И все же настроение Шерага уже было испорчено. Не сказать, что он скупой, но я и прежде замечал, что он прижимист, когда дело касается денег. Поэтому промолчал. Тем более знаю, что он заметно повеселеет, когда поедет в родной аул. Но не подаю виду и иду бодро.

Вышло, как я и предполагал. Едва мы подъехали к перевалу Куюк, как Шерага прокашлялся и обратился ко мне:

– Слушай, а откуда ты узнал это?

– Что?

– Что орехи незрелые...

– Я ведь три года отслужил в армии в тех местах, где растут орехи...

– Вон оно в чем дело! – Шерага вновь стал нахваливать меня. – И чего только ты не пережил, мой Архар! И как у них девушки? Наверное, они такие же, как эти орехи – не расколоть!

Только тогда я увидел: оказалось, Шерага в ладонях держал маленький орех. Из того мешка, из которого торговал узбек на выходе из базара. Похоже, Шерага взял один на пробу. И тут только я понял, почему он из самого Тараза что-то воровал во рту: хотел раскусить орех! Я всегда поражался тому, насколько крепкие у него зубы; он мог перекусить некоторые бараньи кости, а тут маленький орешек оказался ему не по зубам. Вот поэтому он решил, что орех незрелый. Раз не по зубам, значит, не дозрел...

Каким наивным порой бывает мой старший брат и верит всему, что скажешь!..

ШАЯНСКИЙ ШОЛОХОВ

Едва мы выехали из Шымкента в сторону Шолаккоргана, как Шерага сказал:

– По пути заедем в Шаян. Там есть и другие родичи кроме Аяна. Например, большой писатель Еркинбек Турысов, прозванный шаянским Шолоховым. Ты знаешь его?

– Конечно, знаю, – откликнулся я, хотя не был лично знаком с Ереке, – читал некоторые его произведения.

– Если знаешь, заедем к нему, поздороваемся. Не было случая, чтобы поэты и писатели, приехав в Шымкент, не посетили его. Много лет назад я тоже несколько дней ночевал в его доме и собирал материалы.

– Перед тем как приступить к написанию «Черного ожерелья»?

– Да, но ты откуда знаешь?

– Так ведь об этом Ереке писал в статье «Красивый серый».

– О, оказывается, ты знаком не только с художественными произведениями, но и со статьями Ереке.

– Ну, как же не знать, если рубрика сама за себя говорит – «Герой романа Шерхана», – сказал я, наблюдая за реакцией собеседника.

Шерага повозился, удобнее устраиваясь на сиденье машины.

– Герой – так говорить не совсем верно, просто деталь, штрих, – сказал он наконец.

– И тем не менее Ереке написал профессионально, читается как художественное произведение.

– Ты верно заметил, – сказал Шерага, выражая свою благодарность. – Намного полезнее прочитать такую статью, чем неискреннюю повесть или роман. Ведь только по одной статье виден творческий потенциал Ереке.

– Так сейчас становится все меньше людей, которые читают повести и романы, – сказал я в поддержку Шерага. – Больше предпочитают короткие произведения. А молодых не оторвешь от экранов телевизоров. Если так и будет продолжаться, то потихоньку люди отучатся читать художественную литературу.

– Мне кажется, что это временное явление, – прокашлявшись, произнес Шерага. – Развитие науки и техники все больше будет менять человека. На первое место выходят такие цели, как повсюду успеть, как все освоить. Естественно, человек начнет искать наиболее легкие пути их исполнения. А ответы на такие вопросы уже заложены в тех же телевизорах, о которых ты говоришь, другой бытовой технике. Вот поэтому люди опираются на них. Но чтение книги – это совсем другой мир. Сейчас сразу и не вспомню, кто сказал, но мне запали в память такие слова: «Кто не читает книг, тот отучится думать». А ведь человек отличается от всего живого тем, что ему дан дар уметь мыслить. Книга – его глаза и неиссякаемый источник его знаний.

За беседой мы и не заметили, как приехали в Байдибек. С небольшого холма мы въехали в неглубокую лощину, покрытую густыми зарослями низкорослых деревьев и разделенную на две части речушкой. А когда поднялись из этой лощины, раздался голос Шерага: «Вон тот крайний дом – шаньрак Еркинбека». Я подался вперед. На пригорке с восточной стороны большого села обособленно стоял побеленный дом. Не знаю, почему, но вспомнилась статья Ереке «Красивый Серый».

– Стоит отдельно, как Серый, – непроизвольно вылетело из моих уст.

– Ты про дом говоришь? – рассмеялся Шерага. – Точно подметил. В принципе и сам Ереке похож на Серого. Не может жить вне природы. Может, ты не знаешь

об этом его качестве. Вот почему он не переезжает из аула. Или ты думаешь, что ему не найдется достойного дома в Алматы или Шымкенте?..

Еркинбека я стал узнавать после знакомства с ним, обмена мнениями. Прикипевший сердцем к Каратау, писатель показался мне живой летописью этого края. Особенно интересны его рассказы про природу. А с какой любовью он рассказывал о маленьком детеныше архара, которого нашел в горах обессиленным и без матери. Он вырастил его во дворе дома. А когда тот выровнялся в зрелого самца, выпустил его на волю. Серый, как и писал Ереке, обладал не передаваемыми качествами. Вообще наши предки почитали архара за особенное животное, поэтому охотились на него крайне редко и только по необходимости. И взять архара мог только очень терпеливый и очень остроглазый охотник. Вот почему популяция архаров не то что уменьшалась, а напротив росла. А теперь вот и времена изменились, и люди изменились. Вместо кремниевых ружей пришли винтовки и автоматы. Место пеших охотников заняли браконьеры на мотоциклах и автомобилях. Даже вертолеты стали применять для того, чтобы с воздуха выследить все живое. То есть пришло жестокое поколение, которое не щадит ничего живого.

Тысячелетиями древний Каратау накапливал в себе все богатства земли, будь то животный или растительный мир, будь то залежи полезных ископаемых. Но что теперь стало с нашей природой? Горы порушены взрывами, реки засорены всяким хламом, невозполнимые потери понесли животный и растительный мир этого некогда благословенного края. И нет теперь покоя архарам, таутеке, даже черепахи превратились в источник доходов ненасытных людей. Вот почему Серый нашел приют не на лоне природы, а в человеческом доме, и не мать вскормила его, а человек...

В тот день мы заночевали в Шаяне. И узнали прозванного шаянским Шолоховым острого на слово писателя Еркинбека Турысова еще с одной грани – он оказался человеком, влюбленным в свой край, мог беспрерывно рассказывать о каждой ложбинке, каждом пригорке, каждом кустике, каждой птице и животном занимательные истории. Мы были очарованы этим человеком и до утра не сомкнули глаза, слушая его рассказы.

– Э-эх, как было бы хорошо, будь больше таких замечательных людей среди нас! – с сожалением вздохнул Шерага, когда мы отъезжали от дома Еркинбека Турысова.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ ЖАЛЯТ КОМАРЫ

Едва мы отужинали в доме бывшего руководителя Сарысуского района Еркинбека Солтыбаева, как Шерага стал торопить:

– Пойдем в гостиницу, отдохнем.

Честно говоря, я был не против посидеть еще, побеседовать. Вижу, что и Еркинбек желает того же.

– Что за спешка, Шерага? – спросил он с нотками обиды в голосе. – Сегодня оставайтесь отдыхать у меня. Если устали, сейчас постель приготовим. Для нас большая честь, что Вы гостите у нас в доме. Мы с гордостью потом будем рассказывать об этом...

– Спасибо, дорогой, за теплые слова, угощение было на славу, отлично посидели, считай, что переночевали, – сказал на это Шерага. – Но все же мы пойдем в гостиницу. – И, усмехнувшись в усы, продолжил в шутку: – Кстати, а у вас есть место, где принимаете гостей?

– Есть, конечно, для вас заказан номер люкс...

– Замечательно, тогда не будем терять времени, ведь завтра и у вас рабочий день, – с этими словами Шерага поднялся с места.

Оказалось, что гостиница примыкает к дому акима. Мы поднялись на второй этаж, в так называемый номер люкс из двух или трех комнат. И когда зажгли свет, облепившие стены и потолок комары и всякие насекомые недовольно заерзали, будто говоря: «Что вы мешаете нам!» И я понял, что сегодняшняя ночь будет бессонной.

А Шерага молча разделся и лег в постель, будто ничего не заметил. Выключив свет, я притулился на соседней кровати. И тут же рой комаров атаковал меня. Не верьте, что комары пищат одинаково. В эту ночь я убедился, что они могут издавать разные звуки. То слышится грохот большегрузного автомобиля, то едва различимый шелест двигателя новой иномарки, то тихий плач девушки, то вопль испуганной женщины. Коротенькое одеяло потянешь на голову – ноги оголяются, ноги прикроешь – голова открыта. А назойливые комары находят щели и забираются под одеяло. К тому же в жаркой комнате невозможно все время кутаться в одею. Спустя некоторое время весь искусанный насекомыми я был вынужден встать.

А Шерага как лег, так и лежит, не меняя позы, не ворочаясь. Прикрыт простыней по грудь. Сладко спит, негромко похрапывая. И никакой комариный рой ему не помеха.

Сон пропал. Тихонько встал и настежь открыл двери на балкон и окна. Затем вновь прилег на кровать. Струи свежего воздуха разлились по комнате. Но вместе со свежим воздухом налетели новые комары. Но это уже ничего не меняло: я никак не мог уснуть, а Шерага спал как ни в чем не бывало. Комары его не кусают.

В Сарысу днем жарко, а ночью прохладно. Такая резкая перемена непривычна для приезжих, но местные жители не замечают этой особенности климата. Я почувствовал эту прохладу, однако никак не мог уснуть.

Забрезжил рассвет. За окнами раздалось щебетанье птиц, мычание и блеяние коров и овец. Вскоре первые солнечные лучи осветили всю комнату. Шерага кашлянул и перевернулся на бок лицом ко мне.

– Времени сколько?

Я промолчал, думая, что он еще спит. Но он повторил свой вопрос.

– Отдыхайте, Шерага, еще рано, – ответил я, заметив, что он лежит с закрытыми глазами.

– Я у тебя спросил: сколько часов? – Шерага приоткрыл один глаз.

– Шесть часов.

– Как спалось? – спросил Шерага, открыв второй глаз.

– Неплохо, – сказал я, подражая ему и открывая глаза по очереди.

– Эй, ты чего моргаешь, не выспался, что ли?..

Мне стало неловко, будто поймали на месте преступления.

– Вы правы, Шерага, комары не дали покоя, – сказал я и спросил: – Сами-то как отдохнули?

– Так и знал, что ты не спал. Нужно привыкать к походной жизни, нельзя быть таким нежным, – стал выговаривать Шерага, встав с постели и потягиваясь. – Меня комары и другие кровососы не трогают, кровь у меня горькая...

Это я уже понял. И то сказать, как может быть сладкой кровь у человека, который сызмальства натерпелся нужды и голода, пищей которому служили горький дикий чеснок и шафран. Не то что комар, даже овод будет сражен наповал горечью такой крови...

АКЦЕНТ ГОРНОГО НАРОДА

В нашей семье – дети, снохи, старшие и младшие – все безошибочно угадывают голос Шерага по телефону. Едва в телефонной трубке раздастся его хрипловатый и жесткий голос «алло», как все оказывают ему уважение. «О, Шерага, здравствуйте!» Уже второе поколение моей семьи – внуки тоже стали узнавать его по голосу. Однажды самый младший Айбар сказал: «Дедушка, Вас дедушка искал!» Я не заметил, как с моих уст слетело: «Какой дедушка?» «Дедушка с усами», – ответил маленький Айбар и показал на экран телевизора, где в это время показывали Шерага. Я невольно рассмеялся. В последнее время, когда Шерага стал депутатом Мажилиса, его часто показывали по телевизору. И каждый раз домочадцы шумели: «вон, твой дедушка!», «этот дедушка в прошлый раз угостил меня конфеткой!». Действительно, заходя к нам домой, он каждый раз приносил детям сладости. Айбара гладил по головке и целовал в щеки. Поэтому дети любили его.

В тот же день я рассказал об этом Шерага.

– Случаем, бала не перепутал меня с Шерханом из мультфильма? – пошутил он.

– Ну Вы тоже скажете! – возразил я.

– Что сказать, что в голову взбредет или анекдоты?

– Анекдоты, – ответил я, даже боясь подумать о другом.

– Тогда слушай басню, которая ни в чем не уступает анекдоту, – сказал Шерага, несколько смягчив голос. – Вчера я действительно звонил тебе домой. Трубку поднял Айбар. Хотя я и не назвал себя, он узнал меня, это же прекрасно! Басня как раз в тему о манере разговора и тембре голоса. Мы нередко говорим об акценте горного народа, о грузинской манере разговора. А знаешь, что лежит в корне таких разговоров? Я бы не сказал, что горцы плохо знают русский язык, но тогда почему так выражено демонстрируют акцент?

Шерага не стал ждать ответа на свой вопрос и продолжил:

– Это качество у них в крови. Оно впитывается с материнским молоком и составляет национальный дух. Никто не победит народ с сильным национальным духом.

Сам решай, анекдот это или был, во времена Советской власти, когда с сабли коммунистической партии капала человеческая кровь, рекомендуемые на высокие руководящие должности люди обязательно проходили собеседование в отделах Центрального комитета. Такая традиция существовала не только в Казахстане, но и во всех союзных республиках. Похоже, грузинская манера разговора, акцент горного народа появился в то время. Если у нас перед человеком, без замечаний прошедшим собеседование во всех отделах, по всем пунктам открывались перспективы в карьере, то у горного народа был еще один неприметный пункт. Только благополучно пройдя его, человек мог свободно вздохнуть. Ты спросишь, что это за пункт? – Шерага хитро сощурил глаза. – Это грузинский акцент, который подтверждает национальную кровь, национальный дух! Если претендент на повышение чисто, без акцента говорит по-русски, следовательно, он обрусел, поэтому его относили к категории тех людей, оболтусов, которые не заботятся о собственном народе. Следовательно, не достоин занимать высокие должности. Ведь известно, что национальный дух формируется и впитывается в кровь вместе с материнским молоком, колыбельной песней в младенчестве, народными эпосами и сказаниями о героях. И акцент тоже. И только те люди, которые сохранили в себе любовь к народным традициям и обычаям, к родному языку, культуре и истории, способны быть опорой собственному народу, готовы честно служить ему. Пусть Бог уберезет нас от недоумков!

Э-эх, и когда сформируется наш казахский акцент?!

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ ВАЛЯЛСЯ АЯН

Каждый пригорок и каждая лощина в Южном Казахстане являют собой историю. На каждом шагу можно услышать «здесь жил такой-то святой, который говорил так-то», «вон в том месте такой-то батыр сошел с коня, чтобы передохнуть». Легендами и сказаниями полон этот благодатный край. Чем больше слушаешь, тем больше хочется слушать. Будто утоляешь жажду в знойный день пиалкой хорошего зеленого чая.

Мы часто проезжали по этим местам, и я заметил, что каждый раз, когда подъезжали к Байдибекскому району, Шерага резко обрывал беседу. И тотчас переходил на новую тему. Новая тема – новые люди, то есть герои сегодняшнего дня. В районе немало людей, которые заслужили достойное место в народном фольклоре, литературе, культуре.

– Несколько лет назад группа писателей и поэтов, в их числе и Аян, проезжала здесь ночью, – улыбнулся Шерага. – В память о том есть знак, сейчас покажу.

Едва он успел замолчать, как машина, будто сорвавшись с высоты, рванула вниз.

– Потише, дорогой, – Шерага похлопал водителя по плечу. – Где-то здесь это место, – сказал он и стал нетерпеливо озираться по сторонам. А когда подъезжали к сухому ложу ручья, где вместо воды белел солончак и черный рогоз затмил траву, он подал знак остановиться.

– Да, точно, это здесь, – сказал Шерага, потирая руки, когда мы вышли из машины. – Вот это место, где кувыркался твой друг. Запомни, потом будешь рассказывать всем...

Правду сказать, я сначала принял его слова за шутку: как можно здесь кувыркаться, если в ручье вода по щиколотку будет?! Здесь не то что искупаться, ополоснуться нет возможности. Но нет, оказывается, когда сюда прибывает вода, можно и поплескаться в ней. Из того, что рассказал Шерага, смеясь, я понял: встречи с читателями в Созаке затянулись, поэтому группа писателей и поэтов выехала в сторону Шымкента поздно. Понятно, что встречи творческих людей не обходятся без горячительных напитков. К тому же окружающие стараются угодить им. Похоже, в тот раз угощения были необычайно щедрыми. А люди творчества бывают все как один добродушными, поэтому не могли отказать просьбам сельских жителей. И хорошенько набрались. А когда стали подъезжать к аулу Аяна Нысаналина, он поднял шум: «Как так, неужели вы не заглянете в мой аул погостить денек?!» Но на то, чтобы остановиться, нет времени. Да и среди ночи к кому постучишься? К тому же на утро запланирована встреча с руководством области. Что там говорить, еле-еле уговорили Аяна не останавливаться в его ауле. Но он опять заупрямился: «Остановите машину, дайте пару минут выйти и вдохнуть глоток родного воздуха!»

Делать нечего, откликнулись на эту просьбу.

– Мы были в передней машине, – вспоминал Шерага, продолжая широко улыбаться. – Когда ехавшие следом две машины резко остановились, мы тоже были вынуждены тормознуть. Водитель развернулся и подъехал к ним. А тут происходит самое интересное! Все схватились за животы. Посередине Аян, весь измазан в грязи. «Эй, что случилось?» – спросил я испуганно. «Аяке поваялся в родной пыли!» – безудержным хохотом отвечают попутчики. Аян в ответ только улыбается, как баксы, из которого выбили злого духа. Оказалось, что едва машина остановилась, как он пулей выскочил из нее и бросился в эту грязь, приняв ее за зеленую лужайку.

Шерага провел рукой по водорослям поверх воды.

– Посмотри, не то что выпивший человек ночью, даже трезвый днем может ошибиться.

Во время весенних паводков широкое русло речки наполняется тальми и дождевыми водами. С наступлением лета вода убывает, оставляя лишь ручеек с водорослями, которые со стороны кажутся зелеными лужайками.

– Теперь понятно, почему Аяке обманулся, – согласился я, любуясь увиденным – Обманулся, говоришь?

Шерага резко обернулся ко мне.

– Да его сам черт не сможет провести, – рассмеялся он, – ведь он и в тот раз опять выкрутился, сказав, что «специально повалился в луже Шаяна, чтобы остудиться».

– Значит, это место является руслом Шаяна...

– Конечно, раньше здесь была большая река, которую трудно было перейти вброд, – сказал Шерага, широко простирая руки в стороны. – Это потом она помельчала, как и мы. Но все же великое останется великим. Из истории не сотрется такое имя. Я не ошибся, сказав «имя». Некоторые утверждают, что это действительно имя человека. То ли это бай, то ли батыр или лекарь, не знаю, но, похоже, был знатным человеком. Судя по тому, что народ до сих пор не забыл его имени, напротив, почитает его, он не был простолудином. Про Шаяна и Аяна немало сложено анекдотов и стихов. Думаю, ты слышан об этом.

– Наслышан, – рассмеялся я.

– Если слышан, то знай, что только о хороших людях распространяется молва.

У РЫБЫ НЕТ ЯЗЫКА

Расстояние между Уштобе и Алматы, если ехать на поезде, – половина суток. Мы поехали туда. В день отъезда домой вечером позвонил братишка из прокуратуры и предложил взять с собой рыбу. Он стал настаивать, и я согласился, сказав, чтобы рыбу привезли на вокзал к поезду.

На станции поезд стоит недолго. Только вошли в купе, как следом за нами вбежал запыхавшийся молодой человек. В руках большая торба. «Вам рыбу передали, вот», – сказал он. «Спасибо, поставь сюда», – показал я на отсек под нижней полкой, куда обычно кладут сумки и чемоданы. Молодой человек поставил торбу туда и, попрощавшись, вышел из поезда.

Мы были уставшими, поэтому быстро постелили простыни и легли спать. Но среди ночи полка подо мной зашевелилась, раздались какие-то непонятные звуки, будто в отсек для вещей забралась кошка. Поначалу я подумал, что это колеса вагона. Но нет, звуки усилились. Сон тотчас улетучился. Я вскочил и поднял полку. А там торба в одной стороне, рыба – в другой. Огромный сазан! Судорожно глотнув воздух, он вновь стал прыгать. Что мне оставалось делать среди ночи – взял и опустил полку на место.

Короче, эта рыба не нашла покоя до самой Алматы. Приехав домой и наполнив ванну водой, отпустил ее туда, а сам ушел на работу. Прихожу в обед, – кому ложь, а для меня правда, – сазан ожил и плавает в ванне!..

Что делать? Рыба не птица, освободишь – не улетит. Да и речки нет рядом, чтобы выпустить. Малая Алматинка стала меньше прежнего, воды в ней даже ребенку по голень. Предложил пожарить, так жена воспротивилась, мол, рыба, испившая воды из ванной, уже не чистая.

Оказывается, человек быстро привязывается ко всему живому в доме. Теперь понимаю тех, кто держит дома собак, кошек, разных птиц. Хотел эту рыбу выбросить в мусорный бак, да рука не поднялась. Тут я вспомнил русского соседа с нижнего этажа и пошел к нему. Выслушав меня, он поднялся со мной наверх, а когда увидел сазана в ванне, у него глаза загорелись. «О, да я для него специальный аквариум изготовлю, за сколько отдадите?» – спросил он. «Айналайын, забирай бесплатно», – едва успел ответить я, как он, схватив рыбу, как ребенка, птицей полетел вниз. Сомневаюсь, что он до сих пор ухаживает за этой рыбой. Ну и пусть, главное, я от нее избавился.

Много позже я рассказал эту историю Шерага. Он рассмеялся и сказал: «Мало верил в то, что человек произошел от обезьяны, но твой рассказ убеждает в правоте Дарвина».

– Вы что, думаете, я вру! – разгоряченно спросил я. – Если не верите, можете спросить у своей невестки.

– Ты же знаешь, что про охотников и рыбаков существует множество баек и анекдотов, – Шерага вновь увильнул от прямого ответа. – Ведь не секрет, что иногда в их словах правда превращается в ложь, а ложь становится правдой, и мы воспринимаем это как данное. Верить или не верить им у нас нет основания. Если бы ты сфотографировал живую рыбу и сказал, что это тот самый сазан, я бы удивился: «Неужели?!» Потому что та рыба не сможет подтвердить твои слова: «Да, это была я». У нее нет языка. Помнишь, мы в Мойынкумах поймали рыбу – наполовину карась, наполовину окунь?

– Да, помню, местные рыбаки сказали, что это какая-то помесь, ее нельзя есть, и выбросили в озеро, – ответил я торопливо.

– Если помнишь, вот ее тогда нужно было сфотографировать, – сказал Шерага с сожалением. – Она не умеет говорить, следовательно, фотография есть факт. А факт является доказательством.

Таким образом, Шерага никак не показал, поверил мне или нет.

В САУНЕ СЕКРЕТЫ ПЕРЕСТАЮТ БЫТЬ ТАЙНОЙ

За все эти годы мы с Шерага с кем только не встречались, с кем только в сауну не ходили! Ой, невозможно вспомнить всех поименно. Как говорится, есть руководители, их подчиненные, кафиры и мусульмане – всяких людей повидали. Но все они, когда разденутся, превращаются в обычных людей. И только тут понимаешь, что Бог создал человека таким, что он ничем не отличается от другого человека.

До сих пор не забуду, как мы с Шерага впервые попали в баню-сауну, будучи в поездке по аулам. Приехав вечером в дом руководителя одного хозяйства в предпесковье, попросили затопить баню. Не в пример городским саунам баня того руководителя, оказывается, топится саксаулом. Едва вошли в предбанник, как в нос ударил степной аромат: благоухание полыни и гармалы, эфедры и кохии, пырея и перекасти-поля вкупе с кисловатым запахом кедра и березы щекочут ноздри; горячий, но легкий и чистый пар так и просится очистить тебе не только тело, но и все внутренности. Шерага преобразился на глазах и, быстро раздевшись, первым вошел в баню.

– Городские сауны сейчас превращаются в завуалированные притоны и места сомнительных сделок, – сказал Шерага, вытирая пот со лба. – Не говоря о том, что коммерсанты приглашают туда за деньги девушек непристойного поведения, боюсь, что сауны служат офисами политиков для переговоров. Такие места пре-

вращаются в злачные вертепы; если одни смывают с себя грязь, другие, напротив, обрастают грязью. Нельзя же имущество, предназначенное для одних нужд, использовать для других сомнительных целей, этого Создатель не простит. Баня должна оставаться баней...

Сауна тоже есть баня. Как сказал Шерага, это место для мытья. Правда, сейчас функции сауны намного расширились, здесь теперь не только моются и парятся, но посетителям предлагают чай, места для отдыха, услуги массажа, даже есть комнаты для занятий спортом. Но ведь основная задача осталась неизменной – сауна является баней.

Один знакомый говорил, что очень ценит лечебные качества бани. «Что лечит баня?» – спросил я его. Оказалось, что мой собеседник однажды заболел, а диагноза и лечения от той болезни даже врачи не смогли предложить. «Все тело стали сводить судороги, перехватывало дыхание, и казалось, что вот-вот умру, – пояснил знакомый. – Порой сильная боль схватывала спину, да так, что от мучений места себе не находил. Каких только уколов и лекарств не принимал! Ничто не помогало. Один лекарь посоветовал попариться в сауне, и тогда все болезни оставят в покое. И я стал каждую неделю париться в сауне. Наконец наступило облегчение, болезнь отступила. Оказалось, в позвоночнике отложились соли, которые обернулись тяжелыми страданиями. А горячий пар способствует выведению шлаков из организма. Вот и все лечение», – подытожил свой рассказ знакомый.

Хотя мы испытали не все прелести сауны, но были свидетелями того, что горячий чай вперемешку с шампанским может развязать многие языки.

Перед переездом «Егемена» в новую столицу один министерский чиновник пригласил Шерага в баню. А он позвал меня. Но я отказался.

– Эй, что с тобой случилось? – не на шутку рассердился Шерага. – Будто никогда прежде в баню не ходил?! Ты знаешь того человека, давай, не ерепенься, пойдем...

Ну что тут поделаешь, если ага так говорит. Молча последовал за ним. В маленькой сауне за городом чиновник оказался один. Давно его не видел – с тех пор как он работал в журнале и вырос по карьерной лестнице. Пополнел, живот стал как небольшой арбуз. Да и манера говорить изменилась, важный. Но речь несколько невнятная. Похоже, перед нашим приходом здесь были другие гости – пустые бутылки и несколько наполовину выпитых фужеров, оставленных в разных местах, красноречиво говорили об этом.

– Я включил тебя в список, – сказал он. Затем, будто давая пояснение своим словам, поднял указательный палец и проронил: – В список тех, кто поедет в Астану. Потому что так велел Шерага...

– Эй! – раздался твердый и как никогда жесткий голос Шерага. – Не вмешивайте меня в такие дела!

Чиновник вздрогнул, передернул упитанным телом, покачал мокрой головой: – Уже нельзя и пошутить, – улыбнулся он.

Я замер от неожиданности. «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» – гласит народная молва. Понятно же, что шутка рождается не на пустом месте. Когда решил вопрос о переезде газеты «Егемен Қазақстан» в новую столицу, руководители спросили меня, поеду ли я в Астану. Я с радостью согласился, сказав, что с газетой, с которой связан чуть ли не с детства, готов даже на Луну полететь, если нужно будет. Посмеялись над моей шуткой, но в списки отъезжающих включили. Однако позже вычеркнули из того списка. А потом вновь включили. И теперь в сауне я понял, что в списки я попал благодаря Шерага.

РОДНИК КАСЕКЕ

Мы были в гостях. Прибывший несколько раньше нас в Астану и на одну вьюгу больше нашего испытывавший коллега Жакен (писатель, журналист Жанболат Аупбаев) пригласил нас, чтобы познакомить с одним из авторитетных аксакалов этого края Касымом Таукеновым.

После нескольких рюмок огненной воды даже чай, заваренный в солоноватой воде, показался вкусным. Залпом выпивший пару пиалок сосед в годах заметил:

– Как мед. Наверняка родниковая вода.

Жаке почесал затылок.

– Родник говоришь? – встрепенулся Шерага. – Разве в этих местах бывают родники?..

– Еще как бывают! – вскинулся Касеке по привычке казахов, остро реагирующих на замечание, что «кони в вашем ауле исхудавшие». – Тут в окрестностях столицы есть родник, ничем не уступающий источникам Мынбулака. Я зимой и летом пью воду только оттуда.

– Ойпырай, а! – удивился Шерага, довольный тем, что Касеке заговорил о его родном Мынбулаке. – Надо съездить и посмотреть, что за родник!

– Если есть такое желание, я готов, можем прямо сейчас съездить.

– Сейчас не получится, – отказался Шерага, посмотрев на часы, – уже поздно. Завтра очередное заседание комитета, нужно подготовиться. – Затем, повернувшись в нашу сторону, сказал: – Кстати, вот сидят молодые люди, им, наверное, будет интересно посмотреть родник, свозите их, покажите. А они при случае свозят нас.

Касеке оказался человеком, которому сказанное не надо повторять дважды. Он привез нас к ключу, бьющему из-под неприметного пригорка неподалеку от трассы в сторону Ерейментау.

– Вы передайте своему старшему брату, что из этого родника пили воду деды моих дедов. Теперь вот и вы пробуете вкус его воды. Пусть этот родник поит чистой водой не одно поколение казахов, – сказал Касеке, стоя у края ключа.

Будни тем и отличаются, что за повседневными заботами не замечаешь, как быстро летит время. Однажды позвонил Шерага.

– Е-ей, поедем? – с ходу спросил он.

– Куда?

– На родник, о котором говорил Касеке.

– Давайте съездим, – сразу же согласился я. – Дорогу я видел, знаю, как ехать, а вот с машиной как быть?

– Ты чего переживаешь, ведь есть тулпар Куаныша, – пророкотал Шерага. – Когда мы поедем на его машине, если не в таких случаях?

...Прошло еще несколько дней. Шерага, Куаныш (депутат Парламента Куанышбек Толеметов) с супругами и я пили чистую, студеною и лечебную воду из веками поившего людей источника, показанного Касым-ага.

– Пах, прекрасная вода, не зря ее хвалил Касеке, – говорил Шерага, – будто испил воду из родников Мынбулака.

– В Огеме вода такая же вкусная, – подхватил его слова Куаныш. – Давно не пил такую воду, соскучился даже. Она утоляет не только жажду, но и радует душу.

А в это время их супруги набирали воду в привезенные с собой баклажки...

КОРДАЙСКИЙ БУРЫЙ КУЛЖА

Когда стали подъезжать к Кызылкулю, водитель, как и предупредил заранее Шерага, сбавил скорость машины и начал искать подходящее место для отдыха. Весна только входила в силу, солнце еще не сильно припекало, так что можно было комфортно отдохнуть на свежем воздухе. Машина на тихом ходу въехала на пологое место и остановилась. Мы настезь открыли все двери и вышли на улицу.

Ноги затекли от долгого сидения, поэтому я сделал несколько неверных шагов, потирая бедра. Шерага разве упустит такой случай поддеть меня.

– Что с тобой такое случилось, ходишь враскорячку, как импотент Абжалдай, которого оскопил Кызбалтай? – спросил он.

Хотя мне не понравилось сравнение Шерага, я все же почувствовал: коль он назвал людей по именам, значит, в этом есть какой-то скрытый смысл. Да, точно так. В произведении для мужчин у кордайского писателя Несипбека Даутаева, в доме которого мы ночевали вчера, есть герои Кызбалтай и Абжал. Кто же еще был? Трудно сразу же вспомнить...

Хитрости Шерага нет предела. Он испытывает меня и хочет узнать, знаю ли я это произведение, читал ли его. Чуть что, он готов начать другую тему.

Зная об этом, я громко сказал:

– И тем не менее Абжал ведь самостоятельно уехал на коне. А мы ездим на машине. Думаю, старший брат не бросит нас на полпути.

– Ой, Архари! – довольный ответом Шерага от души посмеялся. – Знаю про ваши геройства. Поэтому не то чтобы оставить на полпути, да вас нужно возить с собой в роли провожатых. Слушай, а ведь Несипбек отлично написал.

– Так у него поэтическая душа, и в прозе он мастер, – поддержал я собеседника.

– Вот ты архар, но и он кулжа, – Шерага вновь повеселел. – Я был свидетелем его геройств, настоящий кордайский бурый самец!..

В жизни бывает много совпадений. Судите сами, неужели это было случайностью? К очередному юбилею известного писателя Несипбека Даутаева, в доме которого мы непременно останавливались по пути из Алматы в Тараз или Шымкент либо в Алматы из Шымкента или Тараза, многие газеты и журналы посвятили обширные материалы. И тогда меня удивило, что статья в одном из изданий называлась «Кордайский бурый кулжа».

Несипбек сейчас живет в Таразе. Выпускает журнал «Жамбыл». Хороший журнал, пользуется авторитетом и спросом не только в писательской среде, но и среди широких слоев населения. Успевает писать собственные произведения. Но не злоупотребляет публикацией собственных творений в своем журнале. Это и понятно: он поставил задачу, чтобы больше публиковались другие авторы, открыть дорогу в большую литературу молодым, начинающим писателям и поэтам. Но при этом ведет тщательный отбор произведений, чтобы они были полезны читателю, отвечали требованиям дня. Именно поэтому день ото дня растет авторитет журнала «Жамбыл».

– Шерага чувствует себя хорошо, – говорит Неске каждый раз, когда я справляюсь у него про здоровье старшего брата. – Но что ни говори, годы берут свое. Уже не до прежних «походов». Только изредка выходим на прогулку на свежем воздухе. Вспоминаем, как втроем с тобой прежде гуляли, в какие истории попадали, что пережили. Душа-то не стареет! А сердце писателя тем более! Так что Шерага, как и прежде, мобилен.

Дай Бог, чтобы и впредь он находился в тонусе!

ПЕСНЯ И БЕСЕДА

Аким Созака Созакбай Абдикулов оказался деликатным и симпатичным молодым человеком. И супруга под стать ему красавица-смуглянка. После встречи с читателями он пригласил нас с Шерага домой. После угощений с щедрого дастархана наступил черед бесед и песен. На правах хозяев первыми начали петь они – ауылдың алты ауызы. Как они пели – нужно было видеть и слышать! Словами такую прелесть невозможно передать. И не с чем даже сравнить. Вначале они пели соло, а затем стали исполнять дуэтом. Некоторые песни были нам знакомы, а другие мы слышали впервые. Аккомпанировали себе на баяне, гитаре, иногда брали в руки домбру. «В нашем Терискее (теневая сторона) так поют», – заключили они в конце.

– Ой, милые мои, пусть светлой будем ваша жизнь, – сказал Шерага, покоренный гостеприимством и талантом четы Абдикуловых. – Несказанное удовольствие доставили нам!

«А гости нас чем порадуют?» – этот немой вопрос я прочитал в глазах хозяев дома и, не удержавшись, сказал:

– У нас Шерага иногда исполняет татарские песни. . .

Ага промолчал. Если бы ему не понравились мои слова, он бы грозно посмотрел в глаза, однако он так не сделал. Я понял, что он не против спеть, если проявить немного настойчивости и попросить. Как говорится, «если постараться, то и снег загорится». Созакбай тоже почувствовал, что нужно настоять, чтобы Шерага спел.

– Мы читаем все, что выходит из-под пера Шерага, и были бы счастливы услышать песни в его исполнении, – сказал он и тронул жену в плечо, будто намекая, чтобы и она попросила.

– Да, ага, мы просим Вас, – подхватила она слова мужа.

Шерага будто ждал этого и затянул на татарском языке: «Кетме, кетме, сандугаш. . .» («Не уходи, не уходи, соловей. . .»). Тихо начинающаяся, но, постепенно усиливаясь, достигающая апогея мелодичная и грустная татарская песня будто специально написана под голос Шерага; мы очарованно замолкли, думая каждый о своем.

Я и до этого много раз слышал пение Шерага. То на казахском, то на русском, то на башкирском, то на татарском языках исполнявшиеся песни дошли до нас из старины. Среди них есть общие для тюркских народов песни. Какую бы из них ни исполнял Шерага, он всегда пел с большим вдохновением. И в этот раз было так. Песня закончилась, собравшиеся за дастарханом громкими аплодисментами поблагодарили Шерага за прекрасную песню и не менее прекрасное исполнение, стали понемногу отходить от впечатления.

– В том, что эта татарская песня живет веками, есть свой секрет, – сказал Шерага, переводя дух. – Когда речь заходит о тюркских народах, сейчас почему-то в первую очередь говорим о турках. В этом нет ничего предосудительного, потому что у нас одни корни. И у них есть чему учиться. Дух народа, у которого были такие предводители как Ер-Тугьрыль и Ататюрк, никогда не сникнет. У татар тоже есть воля и решимость. Когда русский царь Иван Грозный покорил Казань, он пленил красавицу Суинбике и увез с собой. Создалось такое впечатление, будто с ней в плен попал весь татарский народ вместе с верой и национальными богатствами. Сандугаш (соловей) – это не птица, это свобода, воля народа. Вот почему в песне поется «не уходи, не уходи, крылья не утомляй, свой народ не оставляй». . . Какие слова, какая мелодия! Я бы такую песню приравнял к символу нации, гимну государства. . .

Вот так песня и беседа стали тематическим дополнением друг друга, и мы заговорили с семьей акима далеко за полночь.

МАРШАЛ ЖИВОТНОВОДОВ

– Ваша газета удачно опубликовала материал о трех стариках, – сказал Шерага при очередной встрече в бильярдной. – Они как тренога, поддерживающая землю, три кита, прославили весь казахский народ и показали миру наше трудолюбие и упорство. Автор прекрасно сумел показать их с этой позиции.

Шерага недолюбливает людей, которые перебивают его. Зная его характер, я и в этот раз молчал и ждал, когда он выговорится. Речь шла о недавно опубликованном в газете «Егемен Қазақстан» эссе писателя Куаныша Жиенбая «Корифей века» о трех звездных сыновьях казахского народа Ыбырае Жакаеве, Жазылбеке Куанышбаеве и Нурмолде Алдабергенове. Автор рассуждал о том, что в свое время про них было написано немало книг. Создавая образы выдающихся людей, журналисты и писатели называли их «Диқан ата» («Дедушка земледелия»), «Шопан ата» («Дедушка овцеводства»), «Дала академигі» («Степной академик»). Однако при этом никто из авторов не сумел отойти от сложившихся штампов и вызывающих тошноту стереотипов. Поэтому никому из них не удалось по-настоящему раскрыть характер троих Героев труда, показать их щедрыми, бесшабашными, наивными, бесхитростными, какими на самом деле бывают аульные аксакалы, у которых огромное сердце, готовое любить каждого, широкая, как наши просторы, душа. Я дежурил по номеру газеты, где было опубликовано эссе, поэтому свое мнение подробно изложил на утренней планерке. Однако в этот раз молчал, не решаясь перебить ход мыслей Шерага, вспоминая написанное Куанышем.

«А если мы напишем, что, возможно, Жазеке – прославившийся своей щедростью Жазылбек Куанышбаев, когда пас овец в Сары-Арке, зимуя поочередно в Майжарылгане и Койжарылгане, во время откочевки на летние пастбища специально поворачивал к могиле Агыбай-батыра и читал Коран, преклонял колени перед духами усопших?! Тогда мы пропали, тогда просто беда! И дальше можно не продолжать. Но ведь они кровные родственники, выросли на одной земле, и почему Жазылбек в таком случае не должен поклониться духу Агыбая, о котором он слышал столько легенд? Ведь такой поступок красит его?! А если еще могила Агыбай-батыра в Сары-Арке находится неподалеку, если Жазылбек в тех краях пасет овец? И Жазеке чувствует необходимость навеститься к ней? Нет, нельзя увлекаться образом Агыбай-батыра, огромного роста человека, у которого “когда садится на коня, ноги достают до земли”, рассудительного воина, спутника мятежного хана Кенесары. Запрет! А этот тонюсенький уполномоченный юноша оказался глазастым, чтоб ему пусто было! И хотя Жазеке в Сары-Арке чувствовал себя хозяином, хорохорился, убеждая себя, что никто за ним в этом пустынном краю не следит, но все же, приближаясь к могиле Агыбая, озирался по сторонам, незаметно сползал с лошади, крадучись подбирался к месту захоронения батыра и быстро-быстро читал Коран. И как бы он ни старался проделать все это незаметно, молодой уполномоченный, чтобы ему в могиле огнем гореть, пронюхивал про эти проделки Куанышбаева. “Смотрите, Жазеке, предупредить Вас я предупредил, а дальше сами знайте”, – говорил он чабану. Но непонятно почему, а Жазылбека тянет туда, будто магнитом. И то, что потом чувствует легкость, бодрость, будто избавился от тяжелого долга, он связывал именно с посещением могилы батыра.

О глумившийся над нами стандарт, найду ли я тебя, даже если стану искать с лампой в руках?! Мы вычеркнули созданный Богом образ дважды Героя Социалистического Труда Жазылбека Куанышбаева, знаменитого чабана, выходца из Жамбылской области, и нарисовали нового человека коммунизма, твердо стоящего на ногах и не встречавшегося с трудностями, не сомневающегося в светлом будущем.

Живого человека превратили в камень. Он в 1947 году в первый раз стал Героем Социалистического Труда. В 1958 году, получив от каждого ста овцематок по 148 ягнят, заслужил вторую Золотую звезду! И тут началось! Флегматичного по натуре Жазеке, который прежде никак не отличался красноречием, был неповоротлив на людях, мы превратили в оратора. Он, не зная, сколько отар овец пасется на Хантауских жайляу, вдруг заговорил о проблемах овцеводства всей республики! А речь какая складная! У человека, получившего две Золотые звезды, теперь не было права ошибаться, повышать на других голос, шутить, даже быстро ходить...»

Так писал Куаныш Жиенбай. И об этой статье заговорил Шерага.

– Жазеке нам ведь земляк, – сказал Шерага, натирая кончик кия мелом, – наверняка ты в курсе некоторых его «секретов»?

Шерага обычно не обращал особого внимания на газетные статьи на различные темы. Но материал Куаныша, видать, сильно задел его. Я понял, что он отметил для себя мастерство писателя, который сумел раскрыть психологию простого человека.

Действительно, как говорил Мергенбай, главный герой шуточных рассказов Мамадияра Жакыпова, в нашей литературе в последнее время стало много «деревянных коммунистов», которых не отличишь друг от друга ни по внешности, ни по словам. К тому же захирела критика, которая вскрыла бы такие характеристики положительных героев. И статья Куаныша была написана с целью предупредить писателей и журналистов, чтобы не перебарщивали с лестью, не создавали лощенных образов таких замечательных людей, как Жазылбек Куанышбаев.

– Его называли «маршал животноводов», – сказал Шерага, целясь в шар. – Я был свидетелем проявления наивного характера этого «маршала»...

С треском забив шар в лузу, он поднял вверх кий и посмотрел на меня, будто ждал похвалы. Дальше молчать было невозможно.

– Ойпырай, прекрасный удар получился! – сказал я, протягивая кий вперед, как знамя. – А казалось, что незабываемый шар...

– Если точно ударить, нет шаров, которые не упали бы в лузу, – откликнулся Шерага, поглаживая левой ладонью усы. И продолжил рассказ о Жазеке: – Однажды в Жамбыле состоялось большое совещание по вопросам развития животноводства. Я тоже принял в нем участие. Если память не изменяет, тогда областью руководил Садвакасов. Был жаркий день. Но люди были празднично одеты в костюмы, а чиновники так вовсе галстуки нацепили. А ведь на юге с первыми лучами солнца наступает пекло. Совещание должно было начаться в десять часов, однако в связи с опозданием первого секретаря начало затянулось. В конце концов Садвакасов занял отведенное место в президиуме, подвинул к себе микрофон и успел сказать: «Товарищи!» – как сидевший рядом Жазеке перебил его: «Эй, Бименде!», – Шерага хитро сощурился, как обычно делал, когда намеревался рассказать что-то смешное. – Мы все встrepенулись. Подумали, что он сейчас спросит, «почему опоздал, заставил в такую жару людей ждать». Наверное, и Садвакасов подумал так, поэтому обернулся к нему: «Что такое, Жазеке, Вы хотите что-то сказать?» Но все вышло не так, как мы подумали. «Сколько часов продлится это собрание?», – спросил он, ткнув пальцем в стол. «Какие часы, Жазеке, два дня будем совещаться», – ответил первый секретарь, беря в руки повестку дня. «О-о, бля...» – воскликнул Жазеке. Зал грохнул от хохота. Понявший, что микрофон до сих пор включен, Садвакасов от неожиданности тоже засмеялся. Возглас Жазеке сломал официальность совещания, собравшиеся повеселели.

Вот таких человеческих штрихов нам не хватает, – завершил свой рассказ Шерага.

ГОСТЬ, ПОПАВШИЙ В КАПКАН

Сейчас рассказы умудренных жизнью аксакалов стали разнообразными. Одни вспоминают, какие ужасы пришлось пережить во время войны с фашистской Германией, другие говорят о политике, охотно делятся мнением о бывших руководителях и их подчиненных. Есть и такие, кто не прочь донести горькую правду о сельской жизни, удобряя рассказы красноречивыми примерами. Когда выезжаем на встречи с читателями, Шерага внимательно слушает каждого из них и записывает в рабочую тетрадь. Даже за дастарханом он перед собой кладет блокнот и ручку. А поскольку он пишет, то мне уже неудобно братья за ручку. Это выглядело бы как копанье колодца рядом с рекой.

В очередной раз ехали по солнечной стороне Каратау и попали в небольшое село, которое находится вдали от городской суеты. Хозяин дома Бейсенбай оказался пожилым красноречивым и доброжелательным человеком, активно участвующим в общественной жизни аула, одно время сам был на руководящих должностях. Он быстро нашел общий язык с Шерага, потому что достаточно хорошо разбирался в литературе. Но поскольку Шерага хотел услышать от него подробности о жизни села и направлял тему в это русло, беседа в основном шла о рыночных отношениях.

– Самое большое богатство казаха – это скот в хозяйстве, – сказал Бейсеке, выразив недовольство размахом скотокрадства. – Барымтачи совсем распоясались. Если раньше они крали скот с пастбища, вдали от людских глаз, то теперь не боятся забирать животину прямо со двора. Не могу сказать, что люди сидят сложа руки. Днем усилили охрану, а ночью стараются наглухо закрывать хозяйственные постройки. Словом, принимают посильные меры. Но все тщетно, если не сегодня, то завтра разбойники сделают свое черное дело.

– Барымтачи не издалека же приходят? – перебил его Шерага, как опытный сыщик.

– Конечно, – отозвался хозяин дома, ерзнув от неожиданного вопроса, – никто со стороны не приезжает сюда, все воры свои. Но невозможно сказать «вот он вор». Даже если поймашь, как докажешь вину? Я вам такую историю расскажу. После того как у меня со двора два – три раза увели овец, я установил на дверях специальную металлическую сеть, чтобы поймать воров. И в эту ловушку попал односельчанин, которого я и подозревал.

– Ойпырай, а можно посмотреть ту ловушку? – спросил Шерага, не скрывая своего удивления.

– Я и сам искал повод ее показать.

Бейсеке поднялся с места, а мы пошли следом за ним.

На первый взгляд никакого секрета в его ловушке нет. Поперек входного порога лежит тоненькая доска. Едва наступишь на нее (а обойти ее невозможно), как крючок на металлической сетке наверху отстегивается и вторая дверь наглухо закрывается. Вот и вся технология. Но вся суть в том, что попавший в эту металлическую сеть человек без посторонней помощи из нее никак не выберется.

– Я встаю рано, – продолжил рассказывать Бейсеке. – Вот и в то утро я вышел во двор перед рассветом, гляжу, а дверь сарая настежь открыта. У меня под сердцем ёкнуло. Замок на месте, дверь сорвана с петель. Захожу в сарай и вижу, что моя сетка лежит на полу. Сразу понял – ловушка сработала. Скотина моя на месте, а на полу возле порога, свернувшись калачиком, спит человек. Потормошив, еле разбудил его. Гляжу, а это Конысбай, который живет в конце улицы. Любитель выпить, без постоянного места работы. От него разит перегаром. Лежит и бездумно смеется. «Эй, что это значит?» – спросил я, от неожиданности не найдя других вопросов.

А он стал меня же и винить: «Аксакал, разве можно так встречать гостей?» Я продолжаю возмущаться: «Что за ересь ты несешь?! Если ты гость, то почему домой не зашел, а завернул в загон для скота?»

Тут он всю разговорился и вконец запутал меня своими бессвязными речами. То говорит «откуда мне знать двери вашего дома», то «я подумал, что нужно зайти сюда», то «толкнул эту дверь и упал». А в конце концов и вовсе охамел: «Голова раскальвается, у тебя есть водка, похмелиться нужно». Словом, поиздевался надо мной. Не то что вора поймать, еле от него отделался.

– А потом что было? – улыбнулся Шерага.

– А что может быть, так ничем и закончилась поимка вора, – смеясь, ответил хозяин дома. – Позже приезжал милиционер, наверное, прослышал от кого-то об этой истории, побеседовали. Но, похоже, его больше интересовала не проделка того парня, а моя ловушка. А завершился наш разговор и вовсе предупреждением «если бы эта железяка нанесла ему травму, то виноватым оказались бы Вы, так что Вам повезло».

Когда мы вошли в дом и вновь уселись за дастархан, Шерага обратился ко мне:

– Ты ведь выпускаешь газету «Ел»?

– Да, но это не самостоятельная газета, а приложение к «Егемену».

– Все равно. В твоих руках, какие темы там освещать. Вот и напиши про этот случай, – на месте дал поручение Шерага. – Пусть люди на селе прочитают, может, будет кому-нибудь польза.

...Позже статья про этот случай была опубликована в газете под заголовком «Гость, угодивший в ловушку». Вначале хотел озаглавить «Попавший в ловушку разбойник». Но у меня не было доказательств злого умысла вора, поэтому «разбойника» заменил на «гостя». Если Бейсеке, поймавший вора, не смог доказать, что это преступник, то как я могу утверждать «разбойник»? Но этот случай еще раз продемонстрировал наш казахский менталитет, когда люди становятся жертвами обстоятельств и безвинными объектами насмешек.

БАРТЕР

– Господин Еркин Кыдыр прислал согым, – сказал в субботний полдень Шерага.

– Надо же мясо поделить. Приходи. И Даригу-ханум возьми с собой.

Как можно ослушаться его?! Мы поехали к нему домой.

– Ты не подумай, что это мясо досталось нам бесплатно, – сказал Шерага, когда мы принялись за куырдак.

– Что, купили? – Дарига посмотрела на Акбилек, а я на Шерага.

– Все нет! – Шерага, смеясь, поднял вверх указательный палец. – Бартер!

– Бартер?

– Да, баш на баш! – иногда Шерага в шутку переходил на узбекский лад. – Наша Багира окотилась и принесла пятерых котят, одного из них я подарил сыну Еркина.

Шерага заметил, как мы втихаря перемигивались.

– Эй, вы чего смеетесь? – он грозно посмотрел на нас. – Моя кошка породистая. Мы ее привезли из Алматы. Так что в Астане таких животных мало. Кап, и почему я Еркину не отдал двоих? – с сожалением сказал ага, а затем посмотрел на женщин: – Тогда в два раза больше мяса получили бы.

Позже при случае я рассказал Еркину об этой истории. Он от души посмеялся и сказал:

– Шерага неожиданно позвонил мне и с ходу сказал, что у них кошка окотилась. И предупредил, что если мы быстро одного из котят не заберем, останемся с пустыми руками. Так что быстренько собрались и поехали к нему. Теперь не знаем, как избавиться от этой беды. Дома целой мебели не осталось, все поцарапал и порвал, негодник. А он еще жалеет, что мы двух котят не взяли!..

РАЗНИЦА В ДЕСЯТЬ ЛЕТ, НО И ОН РОВЕСНИК

Шерага равно на десять лет старше меня: он родился 28 сентября 1932 года, а я 24 мая 1942 года. Это по документам. А так, кто в те трудные времена мог в точности записать не то что дни, а даже годы рождения детей? Документы заполнены со слов родителей. Но документ есть документ, и разницу в десять лет мы особо не ощущали, так как еще в старину наши предки говорили, что «десять лет – тоже одногодка». Поэтому шутили как настоящие ровесники. Особенно в этом преуспел, конечно, Шерага.

– Интересно, когда состаришься, каким аксакалом ты будешь? – спросил он однажды, когда мы перекидывались в карты. – Совсем какой-то непрактичный, будто не от мира сего. Вон, даже карты не можешь раздать с пользой для себя. Посмотри на Акселеу, не уследишь, когда он схимичит, а ведь ростом он не меньше тебя.

– Дело не в росте, а в голове, Шерага, – ответил я, намекая, что в картах мне везет чаще, чем ему.

– В голове говоришь, значит? – задумался Шерага. – Получается, ты больше чем Акселеу. Неужели ты выигрываешь у него? Или он выигрывает у тебя?.. Если так, то он больше тебя.

– Мы одногодки, – ответил я, – но он родился в декабре. Следовательно, я старше. А насчет того, кто выигрывает, то надо признать, что в картах в Казахстане ему нет равных.

– Ты это брось! – удивленно воскликнул Шерага. – Неужели он и Сарсенова обыграет?

Я понял, что Шерага говорит о Сарсенове Умирзаке. Прежде он возглавлял республиканский потребсоюз. В эти дни крупный бизнесмен. Любитель казахской культуры, особенно айтыса. С Акселеу они стали духовными друзьями.

– Да, он выигрывает у всех, с кем играет. Не смотрит на должность человека, на его возраст.

– Даже если перед ним старик?..

– Но ведь аксакалы не играют в азартные игры...

– И то верно, – Шерага, закрыв глаза, задумался. Затем вздохнул: – Это наши мудрые старцы!

Затем он рассказал следующую басню касательно людей, старших по возрасту:

– Когда люди стали жить общинами, предводитель одного племени поссорился с вождем другого. И решил вместе со своими соплеменниками откочевать в места, где нога человеческая не ступала. Дорога долгая, к тому же незнакомые места полны всяких неожиданностей. Не все могут выдержать такие испытания. Поэтому глава племени решил не брать с собой стариков и больных. Он отдал такой приказ своим подчиненным с предупреждением, что послушавшихся ждет строгое наказание. Вскоре они вышли в дорогу в неизведанные края. Неделю шли, месяц шли. Но никак не могли достичь намеченной цели. Закончились продукты, люди остались без глотка питьевой воды. И только тогда они поняли, что заблудились. Возвращаться назад нет смысла, потому что люди не выдержат обратной дороги. Что делать? Глава племени был вынужден спросить совета у подданных. Спустя

некоторое время к нему подошел молодой человек с коробом на спине и подсказал, как можно найти питьевую воду. Следом он посоветовал, корни каких растений пригодны для еды. Так он спас свое племя от голодной смерти. Когда люди спросили у него: «Ты у кого научился секретам выживания?» – он открыл короб, который носил на спине, и ответил: «Вот у этого человека», – и показал отца.

Правда, эту легенду каждый рассказывает по-своему, рассуждает на свой лад, – пояснил Шерага, закончив свой рассказ. – Но основной смысл сохранился без изменений – это пропаганда уважения к отцу, а через него к белобородым старцам. Такая традиция сохранилась в нашем народе, казахи веками ценили ее, от поколения к поколению передавая как большое наследие. Не в этом ли отличительные черты и особенность наших обычаев и традиций?..

ОБ АВТОРИТЕТЕ АКСАКАЛОВ

После этой беседы я долго думал о словах Шерага. Да, казахи всегда с почтением относились к старшим. Их уважали, не переходили им дорогу. Если возникали какие-либо спорные вопросы, их решали с участием умудренных жизнью аксакалов. Не зря ведь до сих пор в народе цитируют полные философского толка слова Толе би, Казыбека би, Айтеке би, других старцев. Они кладезь народной мудрости. Со времен, когда слова старцев были как лекарство, остались такие изречения: «Если перед дверью есть сопка – оседланному коню ровня. Если в ауле есть старец – написанному письму ровня», «Если большинство заблуждается – спросите у старца», «Умный старец – большая проточная река», «Спрашивай совета у старшего», «Чего не знает пери, знает старец» и другие. Думается, неспроста народ так говорил.

Наше поколение выросло в ауле, который является гнездом большинства из нас. Мы росли, преклоняясь перед мудростью старцев, прислушиваясь к их словам. И сейчас, достигнув такого возраста, когда сами стоим на пороге старчества, мы не можем представить свое детство без белобородых аксакалов и бабушек и матерей в белоснежных платках. Раньше был клич: «Говорим “партия” – подразумеваем вождя, говорим “вождь” – подразумеваем партию». Сейчас другое время, и когда говорим «детство», вспоминаем старцев, когда говорим «аксакалы», вспоминается детство, которое берет в свои объятия и уносит в безмятежность.

Я вижу это на примере моих старших товарищей Шерага и Мырзекке (Мырзатай Жолдасбеков), которые с трепетом воспевали, с упоением писали о старцах, когда вспоминали детство и отрочество («Ай мен Айша» и «Ел тагдыры – ер тагдыры»). Читая их произведения, мы в мыслях невольно переносимся в детские годы. Да, счастливая пора! Весь день проводили в играх, к вечеру с ног валились от усталости, счастливые возвращались домой, где на почетном месте в ряд сидели аксакалы и бабушки в белых кимешеках. Конечно, не каждый день было так, но в памяти сохранились именно эти счастливые моменты, когда аксакалы вели беседу на разные темы, некоторые из них брали в руки домбру и пели старые народные песни, иные под перебор домбры рассуждали о высоких материях. Все как один умные, статные и красивые. С открытым ртом слушая их дивные рассказы, мы не замечали, как засыпали.

В нашем ауле были два аксакала – Алпысбай и Ыбырай. Они были старейшими жителями села, поэтому их поручения выполнялись беспрекословно. Без них не проходило ни одно мероприятие, не начиналось ни одно торжество. Они были в ауле акимами, прокурорами и судьями в одном лице. Глядя на то уважение и почет, которые оказывали им окружающие, мы втихаря мечтали поскорее повзрослеть, да что там повзрослеть, постареть, чтобы и нас уважали, как Алпеке и Ыбеке.

Время быстротечно. Не успеешь глазом моргнуть, как оно пролетает. Ушли из жизни Алпысбай и Ыбырай, на которых мы хотели походить. Их место заняли другие люди. Но почему мы приходим в замешательство, когда спрашивается, каков их авторитет среди населения? Ближе к концу прошлого столетия мне довелось поехать в аул на свадьбу сына одного из родственников. Все как и прежде: исполняют песню «Жар-жар», устраивают беташар. Но когда все гости уселись за праздничный стол, в центр зала пригласили молодого человека, чтобы он дал благословение молодым. Оказалось, что это руководитель местного хозяйства. Я вопросительно посмотрел на друга, сидевшего рядом: «Как это так? Ау, ведь благословение дают аксакалы аула?!» «Сейчас не так, – ответил он, – прежние правила изменились, первым слово дают председателю, а если его нет, то торжество открывает его заместитель, это и есть благословение».

После этого случая много раз приезжал в аул на различные мероприятия. И вот что бросилось в глаза: у наших аксакалов, похоже, нет ни авторитета, ни активности, как это было прежде. Естественно, я поинтересовался о причинах этого у своих сверстников. «Ой, нынешние старики стали беспонтовыми, – развели они руками, – каждый из них мнит себя богом, все они бывшие коммунисты, если на то пошло, даже мусульманские заповеди для них не указ, друг друга не слушают, не подчиняются. Есть и такие, которые водку пьют и в карты играют. И после этого какой авторитет может быть у них?..»

Я задумался. И непроизвольно вспомнил об одном случае, произошедшем в Алматы лет десять назад. Вначале поползли слухи: несколько казахских девушек с особой жестокостью убили одинокого старика, у которого они снимали квартиру. Теперь их будут судить. Через знакомого юриста ознакомился с этим делом. Оказалось, убитый далеко не ангел. По словам соседей, свидетелей и обвиняемых, семидесятилетний старик был крайне сексуально озабоченным человеком. Его донжуанству могли бы позавидовать иные молодые люди. Употреблял водку и наркотики. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Стал приучать к пагубным пристрастиям других, особенно молодых женщин и девушек. Затем вообще пустился во все тяжкие, начал гулять с молоденькими девочками. В свое время он находился на хорошей должности, был офицером, но постепенно опустился, развелся с женой, оставил детей. И как божья кара за грехи, его в почтенном возрасте постигла такая жестокая смерть.

Не хочется, чтобы люди подумали, что все городские старики такие беспутные. В принципе аксакалы что в городе, что в ауле похожи друг на друга. Но ведь есть же неисчезающие национальные обычаи и традиции. Есть преемственность поколений, пример старших младшим, отца сыну. И хочется, чтобы веками заработанные истины никогда не оказались в забвении. Правда, сейчас время другое, у людей поменялись ориентиры. Вот почему некоторые наши сограждане легкомысленно рассуждают, будто теперь нет нужды, чтобы аксакалы собирались, как прежде, и давали советы, всем своего ума хватает, каждый должен жить по своим понятиям.

Это крайне ошибочное мнение. Да, мы перешли на рыночные отношения, почти все предприятия, особенно в сельском хозяйстве, в частных руках. Однако есть одна ценность, которая не подлежат никакой приватизации – это традиции наших отцов. Потому что это национальное богатство.

Вот что вспоминается по этому поводу.

Шла первая волна приватизации. В редакцию газеты «Егемен Қазақстан» (она тогда еще в Алматы находилась) с жалобой приехала группа аксакалов из села Акарал Меркенского района Жамбылской области во главе с Торебеком Кадырулы.

Когда начался дележ имущества хозяйства, бывший председатель хапнул миллионы тенге и был таков. Из-за этого хозяйство оказалось на грани банкротства. Вот старики приехали с требованием, чтобы прежний руководитель вернул наворованные деньги либо правительство закрыло долги хозяйства. Иначе аул может прийти в упадок. Очень серьезная проблема.

И заметьте, проблему подняли не руководители местного кооператива, а пенсионеры, которые многие годы трудились в родном хозяйстве и отсюда вышли на заслуженный отдых. Кто знает, если бы приехал руководитель отдельного хозяйства с подобной жалобой, то можно было подумать, что он печется о собственных интересах. А аксакалы во главе с Токе (кстати, он председатель аульного совета ветеранов) беспокоились за судьбу всего коллектива, всего аула. В газете была опубликована статья по следам жалобы акаральских аксакалов, и проблема нашла свое решение. Однако недавно аксакал Кадырулы, ставший нашим активным селькором, вновь прислал письмо, утверждая, что прежние долги до сих пор висят на шее хозяйства. И все же главная цель была достигнута – хозяйство уберегли от банкротства. И это мы должны принимать как победу аульных аксакалов.

«Под лежачий камень вода не течет» – гласит народная мудрость. Поэтому не к лицу аксакалам занимать пассивную позицию, мол, вышел на долгожданную пенсию, дайте отдохнуть. Ведь другая народная мудрость утверждает, что у народа, идущего к развитию, богатство – старцы, а у народа, идущего к застою, обуза – старцы. Конечно, никто не требует от пожилых людей брать в руки тяпки и идти полоть посевы. Но можно же проявить инициативу, которая послужит примером молодежи? Наверняка никто не ударит по рукам за такое начинание. В «Егемене» было опубликовано несколько материалов о пенсионерах, которые занимаются овощеводством в Южно-Казахстанской области и выращивают рис в Кызылординской области. Есть ветераны, которые занимаются откормом скота. Не надо думать, что они все добиваются рекордных показателей в работе. Важно другое: они своей активной жизненной позицией показывают пример молодым казахстанцам, что труд остается главным мерилем успешной жизни человека. Безусловно, среди молодого поколения нашей независимой страны найдется немало их последователей. Здесь на первый план выходят не слова, а личный пример, характер, поступки, которые окажут эффективное воздействие на молодых.

Также следует сказать о роли воспитания порядочности и верности мусульманским традициям. Однажды я поехал в аул выразить соболезнование товарищу по поводу смерти его отца. В доме оказались гости, прибывшие до нас. Прежде чем убрать дастархан, мы повернулись за благословением к сидевшему на почетном месте аксакалу, который вел себя развязно. Кто-то едва слышно буркнул, что нужно бы прочитать Коран. И старый человек на это отреагировал довольно агрессивно: «Нет, не буду читать». Он не сказал, что не знает. Он так и брякнул: «Нет, не буду читать». Мы со стыда опустили головы.

Опять вспоминаются случаи из жизни. Рассказывают, что давно, когда казахские земли начали заповенять люди с черными бородами и в черных чекменях, один иноземец оказался в ауле, расположенном вдаль от больших дорог. Местные не могут понять пришельца, а тот не может понять здешних. И тогда один из аульных аксакалов сказал: «Эй, сын такого-то имярека недавно ездил в город, где постригся и оставил чуб, может, он поймет их язык, позовите его». Но и тот бедняга ничего не мог понять, что говорил иноземец. Рассерженный аульный аксакал упрекнул его: «Если не знаешь русский язык, тогда зачем чуб оставил?» Нынешние молодые люди по заведенной традиции за благословением обраща-

ются к старшим. Оказывается, в таких случаях, теребя бороду либо поглаживая седые волосы, стыдно признаться, что не знаешь Коран. Следовательно, знание или незнание Корана либо поднимут, либо принизят авторитет старцев. Об этом нужно помнить всегда.

Если мы до сих пор считали молодость ответственной порой, то теперь старость надо признать порой великодушия. Наши старики достойны такого признания. Они ни от кого ничего не прятали, душа у них широкая, как наши бескрайние степи. Стремятся все свое богатство, нажитый жизненный опыт оставить потомкам. И не просто стремятся, а делают все посильное для этого. Вот почему у нас говорят, что такие предки будут жить тысячи лет.

Кстати, о возрасте. Казахи относили к аксакалам только тех, кто достиг возраста пайгамбара, и просили совета у них. А в целом у восточных народов, в том числе в Китае, считают, что человек достигает совершеннолетия в шестьдесят лет. Пережив и хорошее, и плохое, он обретает мудрость. То есть живет для того, чтобы приносить пользу другим, служит народу. Считается благом для народа, если таких людей избирают на руководящую должность.

А у нас по пальцам можно пересчитать шестидесятилетних людей, которые находятся на руководящих должностях. И все же среди нас немало представителей старшего поколения, которые занимаются богоугодными делами, увеличивая духовные богатства общества и семьи. Пожелаем им долгих лет жизни. Пусть наши аксакалы будут здоровыми и крепкими! Пусть растет их авторитет!..

ЛЕЧЕНИЕ РАДИКУЛИТА

Радикулит обострился, и я чувствовал себя неважно. Позвонил Шерага.

– Одевайся и через десять минут спускайся вниз.

– У Вас все в порядке?

– Все нормально, – ответил Шерага, – приехал Жандос и обещает повезти в бильярдную.

– Ой, ага, у меня радикулит...

– Эй, ты же не спиной будешь в бильярд играть, – голос Шерага стал жестче. – Давай, прекрати свое многословие, спускайся вниз, мы уже выходим из дома.

Делать нечего, еле волоча ноги, пошел к выходу. Едва вышел во двор, как примчалась легковая машина. За рулем сам Жандос. Он выскочил из машины и открыл заднюю дверь, показывая на место рядом с Шерага.

– Ну, рассказывай, что с твоей спиной случилось? – спросил Шерага, пожав мне руку.

– Не знаю, наверное, застудил, не дает покоя.

– Как можно застудить в такую прекрасную погоду?! – Шерага указательным пальцем ткнул в небо. – Признайся, что мало двигаешься. Не придаем значения движению. День и ночь не вылазишь из постели. Вот ты пробовал ездить на лошади?

– Конечно, ездили же в детстве.

– В детстве не только на лошади, на ослах ездили, – откликнулся Шерага, сделав рукой движение, будто дернул уздечку, – тебе сейчас нужно покататься на лошади. Говорят, что вокруг Астаны есть такие предприятия. Чиновники там часто на лошадях катаются. Чем ты хуже их? Казахи знали толк в езде на конях. Это же своеобразный замечательный массаж всего тела! Были в стародавние времена люди, которые сутками не слезали с коня. И они не знали никаких болезней, особенно опорно-двигательного аппарата. Езда на коне способствует

нормализации работы желудочно-кишечного тракта, предупреждает болезни печени, почек, сердца.

– Сейчас я еле терплю езду в машине, не то что на коне.

– Ты бы дал погладить Дариге, – как всегда пошутил Шерага, – сразу бы боль унялась. Ты знаешь, что пережила в давние времена одна старушка...

– И что? – спросил я, поняв, что он хочет сказать.

– Она так же, как и ты, часто страдала от радикулита, – Шерага похлопал меня по спине, а затем ткнул в бок. – Куда только дети не возили ее, каким только шаманам и врачам не показывали. Однажды в их аул приехал известный лекарь. Дети и к нему поспешили отвезти мать. Лекарь и так ее осмотрел, и эдак кружил вокруг нее, а потом сказал детям: «У вашей матери нет никакой болезни. Если вы больше не хотите слышать ее стенаний, то найдите ей крепкого старика. Сразу успокоится». Дети возмутились словами лекаря и набросились на него с упреками: «Что вы тут мелете, думаете, мы сами не сможем за ней ухаживать?! У нас и сил, и средств хватит!» И тут в разговор вмешалась старуха: «Дети мои, я часто слышала, что этот лекарь очень толковый, знающий, вам стоит попробовать последовать его совету», – рассмеялся Шерага и сильно хлопнул меня по спине.

– Вы рассказывали другой вариант этой истории, – улыбнулся я.

– Е-е, про мужчину, который нес мать в Мекку, – продолжал смеяться Шерага. – Это уже совсем про старую бабку. А мой рассказ касается женщин, намного моложе ее. А вот с вами что такое случилось, маетесь радикулитом...

В тот раз я опять проиграл Шерага, но почувствовал облегчение, радикулит отпустил. Наверное, помогло движение во время игры.

ПУСТЬ КАЖДЫЙ ЗНАЕТ СВОЕ ДЕЛО!

– Кстати, у недавнего рассказа о «маршале животноводов» есть продолжение, – сказал однажды Шерага. – Я вспомнил об этом по приезду домой...

Чувствую, что Шерага догадывается, что я собираю материалы не только о нем, но и о тех людях, о которых он рассказывает.

– Да, слушаю Вас, – я приблизился к нему.

– Не помню, в каком году, в Союзе писателей состоялось собрание, на которое вместе с группой людей труда пригласили и Жазеке, – начал рассказывать Шерага. – Я чуть опоздал и устроился на свободном месте сбоку. Возле трибуны собралось несколько человек: один выступал, другие ждали очереди. Писатели – такой народ, им дай выговориться при людях!

– Вы каждый день здесь говорите, а что скажут гости? – председательствующий вопросительно посмотрел в сторону, где сидели люди труда во главе с Жазылбеком.

– Да, да, пусть говорят! – зашумели сидевшие в зале.

Гости растерянно посмотрели на Жазеке, а он, в свою очередь, уставился на них. Затем рукой показал в зал, будто хотел спросить: «Что они говорят?» Видно, кто-то из гостей объяснил ему, и Жазеке поднялся с места и, звеня двумя золотыми звездами на груди, тяжелой поступью направился к трибуне. Поднявшись на трибуну, он выдержал двух-трехминутную паузу и произнес: «Вы – писатели, а я животновод». И опять умолк на минуту-другую, после чего сказал: «Пусть каждый знает свое дело!» и сошел с трибуны.

– Некоторые смеялись, другие выражали ему благодарность, аплодируя, – сказал Шерага. – Не знаю, кто что подумал, а мне показалось, что Жазеке двумя словами наповал сразил систему и кампанейщину того времени.

МИЛОСЕРДНЫЙ И ЩЕДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вот, наконец, одноэтажный дом Несипбека из нескольких комнат, спрятавшийся в одном из закоулков Кордая, с виду ничем не отличающийся от соседних строений. Мы в очередной раз собрались за его щедрым дастарханом. Главный гость, как обычно, Шерага. Насколько мне известно, этот дом всегда полон гостей. Но в этот раз хозяин решил познакомить нас со своим близким другом Рахымжаном Отарбаевым. В то время Рахымжан работал в нашем посольстве в Кыргызстане. Точно не знаю, в какой он должности находился, одно ясно, что не посол.

Знаю, что он хороший писатель. Хотя мы и не были лично знакомы, я читал все его произведения. Крупный литератор. А Шерага и раньше знал его. Естественно, главная тема беседы – литература. Шерага вначале расспросил Рахымжана про своих знакомых в соседней стране, а затем перешел к нынешнему положению казахских писателей.

– Сейчас написать книгу стало и легко, и сложно, – сказал он, уставившись взглядом в одну точку. – Если есть деньги, можешь любое произведение напечатать. Среди нынешних книг много такого, что нельзя назвать художественными произведениями. А ведь вся эта ерунда бьет по авторитету литературы.

– Вы правильно говорите, Шерага, – поддержал Рахымжан на мгновение умолкшего Шерага. – Мне кажется, что настоящие таланты находятся в какой-то бездне. Кроме них разве кто знает, в каких муках рождаются поистине художественные произведения? Однако большинство из них пребывает в неизвестности. Но это до поры до времени. Еще наступит время, когда высоко взвоется знамя нашей литературы...

Говорил он спокойно, но очень убедительно, поэтому его слова всколыхнули нам душу. А я подумал, что этот джигит, чья рассудительность и умение излагать мысли понравились Шерага, тоже пока находится в неизвестности. В этом я убедился позже, когда ближе познакомился с ним.

Однажды при встрече в Алматы он поделился мнением о Шерага. Не помню, как и с чего начался разговор, но в память врезались слова Рахымжана:

– В мире бывают общие для всего человечества богатства, как, например, Луна и Солнце, которые нельзя поделить, которые никогда не перейдут ни в чью частную собственность, – сказал он своим мягким голосом после того, как поговорил о творчестве Шерага. – Одно из этих богатств – это литература. А Шерага есть постамент нашей литературы. Мир узнает о нас и будет оценивать через таких корифеев как Шерага.

Другая наша встреча состоялась в Актау. Оттуда нам предстояло вместе лететь в Астрахань. Эта поездка была приурочена к спуску на воду «Сункара». В пути Рахымжан говорил о литературе, с уважением рассказывал о звездах на литературном небосклоне.

– Читайте Ваши рассказы о Шерага, – сказал он с нотками благодарности в голосе. – Вы очень правильно поступили. Так хорошо, как Вы, его мало кто знает. Ведь он не со всеми так откровенен, как с Вами. Продолжайте тему...

Позже в Астане мы с Шерага поговорили о творчестве Рахымжана. В то время он только что перевелся из Актау в Атырау и приступил к новой работе. А накануне получил премию за новый сборник «Жұлдыздар құлаған жер» («Земля, где упали звезды»).

– Кстати, он, когда переезжал в Актау, подарил свою машину Несипбеку, – ляпнул я то, что слышал от других.

– «Волгу»? – поднял голову Шерага.

– Да, говорят, он сказал, зачем мне эту железяку тащить за собой из одного края Казахстана в другой.

– Да он, оказывается, не только хороший писатель, но и по-настоящему щедрый мальиш, – сказал Шерага с благодарностью. – Молодец! Милосердные и щедрые люди должны быть, как наш Рахымжан!..

Эти слова Шерага очень точно отразили характер Рахымжана.

ПЕСОК – ИЗ ГОРЫ

Мы ехали по разбитой дороге из Мойынкума в Жайлауколь. Машину сильно трясло, как в девятибальный шторм. Не в силах терпеть такое испытание, мы попросили водителя остановиться, чтобы сделать передышку.

– Ты себя к кому относишь – к степному или городскому жителю? – спросил Шерага, вырвав с корнем один песчаный каучуконос с пожухлыми по краям листьями и долго вдыхая его аромат.

– К песчаному, – ответил я, шутя.

– К песчаному, говоришь, ей? – Шерага удивленно посмотрел на меня, а потом продолжил: – А что, в этом есть своя правда, наверное, так можно сказать о людях песков. Говорим же горцы, горный народ, так почему не сказать песчаный, народ песков. Хорошо, если ты песчаный житель, то скажи, из чего произошел этот песок?

– Точно не знаю, но есть же выражение, что глина из песка, а песок из камня, из горы...

– Правильно, – сказал Шерага, – казахская земля – это священная богатая земля. Ведь сама жизнь доказывает это! Начиная с кочевых эпох и кончая советским периодом кто только не переезжал сюда, не проезжал по таким благодатным землям?! И никто ведь слова плохого не сказал, напротив, умные и дальновидные люди, которые способны давать и хорошие, и плохие оценки, восторгались ею. А если говорить о том, что «глина из песка, а песок из горы», то и здесь все понятно. В привольной и бескрайней, как и душа самих казахов, степи хватает и песка, и гор; наши предки не делили их, считали эти земли единой Родиной. Вот эти мойынкумские пески, по которым мы сейчас едем, были продолжением гор. Сколько тысячелетий живут здесь люди, но только теперь мы узнали их возможности и будущее и стали говорить об этом вслух.

Шерага обладает завидным даром казалось бы крохотную мысль превратить в большую тему для обсуждения. Мне понятна его горячность, когда он заговорил о возможностях и перспективах этого благодатного края. Он только недавно встречался с председателем правительства в качестве депутата Парламента от Жамбылской области, народного писателя и беседовал с ним о необходимости скорейшего освоения нефтяных и газовых месторождений Мойынкумского района. Об этом Шерага писал в средствах массовой информации.

«Таласский газ даст работу безработным; поднимет на ноги лежащую на боку экономику; согреет мерзнущих. У согревшегося человека и сердце согреется; человек с согревшимся сердцем становится милосердным; обществу не хватает милосердия», – эти его слова стали выражением воли большинства и пришлись по душе населению страны.

Шерага не говорит, что вырос в горной местности. Однако создает прекрасные художественные произведения, в которых живописует не только природу Жуалы, но и характер людей, живущих в горах. Только люди, на которых снизошла Божья

благодаря, способны освоить художественное искусство и талантливо передать его своим читателям.

В машине мы задумались каждый о своем. Мне вспомнились мои горы...

Как и горам, так и пескам люди давали названия. Кызыл кум – Красные пески, Кара кум – Черные пески, Сары кум – Желтые пески, Ак шагыл – Белые барханы. А кроме этого ведь есть названия, которые характеризуют отличительные черты рельефа местности. Например, начало песков называется жиек – кромка, край, предпесковье, а глубже в пустыню кызыл, бархан, бел (возвышенность), асу (перевал). А оазисные прогалины между ними называют койнау (ложбина), кезен (расщелина), шукур (впадина), шурат (лужайка). В узких прогалинах между сыпучими песками бывает вода, да еще какая вода! Вкусная, бьющая ключом из-под земли, холодная вода, прекрасно утоляющая жажду. Вы поверите, что такое бывает? Наверное, не поверите. Тогда скажу больше: в той воде мы в детстве ловили рыбу и купались. У родников Аргын камалған и Саргоба до последнего работал животноводческий штаб, и там жизнь бурлила фонтаном.

Кстати, о животноводстве. Мойынкумы всегда были лучшим местом для разведения скота. В свое время здешние хозяйства содержали по 40–50 тысяч овец, запасали сено на зиму, а если не хватало сил и возможностей для этого, то надеялись на божью помощь. Из самого доступного строительного материала – камыша – ставили легкие загоны для зимовки скота. Саксаул и жузгун, таволга и сизолистый тополь, астрагал и эфедра, песчаный тростник и перистый ковыль, житняк, солодка и острец, верблюжья колючка и полынь, солянка, изень и бескильница раскидистая, ферула, шенгель, девясил, гармала и караганник, перекасти-поле и терескен, тысячелистник мелколистный и рогац, хвощ – словом, перечислить все виды растений просто невозможно, – все они летом спасали животных от палящих лучей солнца, а зимой укрывали от пронизывающих ветров. А сколько здесь диких животных, зверей, птиц?! Они тоже ходят по следам человека в надежде поживиться оставшей от отары овцой или ягненокм.

А сейчас Мойынкумы будто опустели. Значительно сократилось поголовье скота, люди стали меньше ездить по делам. Но думается, что это временное явление. И мне кажется, будто этот благодатный край притих, как затихает бездонное море перед бурей.

Раньше наши родители, глядя в сторону песков, говорили: «Смотрите, как эта гладь окутывается маревом и колышется между небом и землей! Это пары богатства! Золото перетекает с места на место!» В ответ мы посмеивались: «Какие-то странные они, эти взрослые, разве в песках бывает золото?» Оказывается, мы ошибались... После того как произошел развал СССР, в республике многие предприятия остановились, следом начался процесс их приватизации. И в это смутное время руководитель Акбакайского горно-обогатительного комбината Толеухан Оспанбеков стал часто приезжать в Алматы. Позже мы узнали, что он уберег свое предприятие от продажи в руки зарубежных монополий. В то время комбинат производил около полутонны золота, однако Толеухан верил в его будущее и с горячностью убеждал нас: «Вот увидите, через пять-шесть лет Акбакай заставит говорить о себе». Так и вышло, как он говорил. Только недавно здесь произвели свыше двух тонн золота. А Толеухан за свой труд удостоился государственной награды. Это свидетельствует, что надежды оправдались, труд увенчался успехом.

Вообще-то богатства Мойынкумов не исчерпываются этим. То, о чем благоговейно рассказывали наши родители, оказалось лишь верхушкой айсберга. Только теперь пески открывают свои недра, в которых веками прятали невиданные богатства для грядущих поколений, для суверенного народа. Марев, которое колышется

над песками между небом и землей, оказалось парами газа. И без какой-либо геологической науки люди знали, что земля здесь хранит газ. Что за дальнорукость?! Некоторые оценивают запасы газа в 100 миллиардов кубических метров, другие утверждают, что их больше в два раза. Также здесь найдены запасы миллионов тонн нефти. По словам акима области Борибая Жексембина, недалек тот день, когда все эти богатства поступят на благо людей. Вот так открылось второе дыхание моих Мойынкумов. Слава Всевышнему!..

Не могу объяснить, как это произошло, но, приехав в пески с кашлем, уезжаю здоровым. Искоса посмотрел на Шерага. Он сидит неподвижно, как китайский будда, насупив густые брови. Спина ровная. Стало ясно, что он не сомкнул глаз. Конечно, он, как всегда, задумался о будущем своей священной казахской степи...

ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ БАТЫРОВ

– Наш Бауке всю жизнь уважал и чтил одного человека, – сказал как-то Шерага, когда мы смотрели по телевидению документальный фильм о войне. – Ты знаешь, кого?

– Знаю, – ответил я, не отрывая глаз от экрана, – Панфилова!

– М-м, в принципе верно, – сказал Шерага, растягивая слова и покачиваясь в кресле. – Панфилов и Момышулы. Прежде мы говорили: «Говорим партия – подразумеваем Ленин, говорим Ленин – подразумеваем партия». Вот и их невозможно представить одного без другого. И все же я говорю про другого человека, такого же редкого, как и сам Бауке...

Я подумал, что мне вновь придется отвечать на кучу вопросов, пройти сквозь испытания, пока Шерага не назовет того человека.

– Рахымжан! – громко воскликнул он.

– Кошкарбаев! – похоже, мой возглас оказался слишком громким, потому что Шерага посмотрел на меня с удивлением.

Что меня обрадовало в тот раз, даже не припомню: или то, что Шерага не стал мучить меня неожиданными вопросами, либо радость от того, что герой признал другого героя. Но какая-то неведомая сила заставила биться сердце учащенно, и показалось, что все вокруг обрело радостные краски.

– Да, именно он! Казах, который первым водрузил знамя над Рейхстагом!

– Но казах, который, как и Бауке, не получил вовремя звания героя!

– Советского Союза, скажи! – Шерага поднял вверх указательный палец, а затем резко опустил его вниз, будто рубанул саблей. – Ведь весь казахский народ знает о его подвиге. Вот в этом все дело, теперь ты понимаешь, почему Бауке любил его, как своего младшего брата.

«Если ты считаешь себя мужчиной, другого прими шером» – гласит народная мудрость. В переводе с фарси слово «шер» имеет два значения: во-первых, оно означает «сильный», а во-вторых – «лев». А в целом у тюркских народов оно означает «волевой», «суровый». Вот почему, наверное, два батыра поняли друг друга, стали друг другу братьями. А среди народа их признали батырами из батыров.

– Мы слышали о том, что в свое время и на Рахымжана был заполнен наградной лист и направлен в Москву.

– Был такой эпизод. Но разве московские шовинисты согласятся с этим? Для этого им нужно заново переписать историю. И куда они тогда денут Егорова с Кантарией? Ведь на весь мир раструбили, что они первыми водрузили знамя над Рейхстагом, теперь на их славу падет тень.

– Но ведь правду не перешагнешь...

– Правду, говоришь? – Шерага резко выключил телевизор. – Так подскажи, где эта правда! В свое время ради этой правды Жумабек Ташенов не на шутку схлестнулся с московскими властями. И что из этого вышло, ты знаешь.

– Вы имеете в виду то, что он выступил против дробления областей?

– Он и до этого не раз проявлял мужество. В том числе и в отношении Кошкарбаева. В то время Жумеке был председателем Верховного Совета республики. Помнится, накануне сорокалетия Победы Жумабек Ташенов, хорошо знавший прежние и поздние документы с представлением Рахымжана к званию героя, находился в Москве на очередном месячном исполнении обязанностей заместителя председателя президиума Верховного Совета СССР. Была в то время такая практика. Так вот, он вызвал начальника генерального штаба маршала Конева и спросил, почему предложения не находят положительного решения. У маршала не было конкретного ответа, поэтому их беседа переросла в большой скандал. И только вмешательство самого Ворошилова смогло остановить накал страстей. Это я слышал из уст Бауке. Вот где зарыта правда! Правда еще в том, что ни Бауыржан, ни Рахымжан не дожили до сорокалетия Победы. Но слава богу, что их подвиги все же достойно оценены потомками, одному присвоили звание Героя Советского Союза (посмертно), другому – высшее звание суверенного Казахстана – Халық Қаһарманы (посмертно).

ЗНАМЯ БАЙЗАКА

Международная трасса из Жамбыла в Алматы пролегает по территории Байзакского района. Утром мы выехали из Жуалов, пообедали в Таразе. И когда друзья провозили нас в Алматы, настроение нашего водителя Володи заметно поднялось.

Его понять можно. Две недели мотается с нами по городам и весям, утомился, наверное, соскучился по семье, детям.

– Теперь едем прямо? – обернулся он к нам в надежде, что мы подтвердим его слова.

– Было бы хорошо заехать в Сарыкемер.

Я украдкой посмотрел на сидящего рядом Шерага.

– Все в порядке?

Шерага всем телом повернулся ко мне и приподнял голову.

– Младший брат там живет, сваты, мы часто ездим по этой дороге, и недосудно заехать к ним. Вот они обижаются, – быстро-быстро перечислил я причины.

– М-м, – Шерага помолчал, а затем сказал: – Кстати, и Нильзия живет в этих краях. Но мы с ней и с Еркеком часто встречаемся на разных мероприятиях, поэтому не станут сильно обижаться. А младший брат ведь никуда не денется, потом объяснишь ситуацию. Давай не будем останавливаться...

Я знал, что так и будет. Но тем не менее не удержался и сделал предложение.

– Шерага, за каждым из нас стоит род. Есть семья, а где семья, там и шанырак. Шанырак нашей семьи – это дом единственного старшего брата Сатыбалды. Но живет он в дальнем селе, уже давно приглашает вас в гости. А младший брат, о котором я говорю, это Жомарт – старший сын Сатыбалды. Работает редактором районной газеты. Будет замечательно, если заедем к нему домой, – сказал я.

– Значит, вся семья у вас творческая, – проговорил Шерага. – Господин Адил, эта область, все районы – это наша с тобой родная земля. И в каком бы доме мы ни гостили, чувствуем себя как под родным шаныраком. За это большое спасибо местным жителям. Не думаю, что родственники сильно обидятся, к ним заедем в следующий раз. А сейчас лучше продолжать путь.

– Ладно, как знаете...

– И как газета, выходит вовремя? – спросил спустя некоторое время Шерага, стараясь отвлечь меня.

– Вы про районную газету спрашиваете?

– Да, как она называется?

– «Село жаңалығы», пока выходит с большим трудом. Кстати, они намерены переименовать ее, мне намекнул...

– Что?

– Чтобы я подыскивал подходящее название.

– А гонорар платить будет?

– Не знаю, может, будет.

– Тогда можно подумать.

Шерага таким образом попытался отвлечь меня от желания навестить родственников, затем устроился поудобнее, вытянул ноги и закрыл глаза: решил немного вздремнуть. И я не стал его беспокоить. Володя надавил на газ, и машина помчалась, как птица. Хоть и бездушная машина, а кажется, что чувствует желание хозяина быстрее попасть домой, летит, не чувствуя ни ям, ни колдобин.

Глаза и у меня закрыты, думы не покидают.

Байзакский – бывший Свердловский район. Он для меня такой же родной, как Жуалы для Шерага, здесь я пошел в школу, здесь прошло мое детство. Родился я в селе Жасоркен, что примыкает к городу. Однако мама рано овдовела и решила перебраться ближе к своим родственникам. И поскольку я вырос, получил путевку в большую жизнь в Байзакском районе, считаю его родным.

Кстати, само название района именем Байзака имеет свою историю. Мы с детства видели арыки возле аула, сады в предпесковье, куда редко ступала нога человека, однако не задумывались, чьих они рук дело, кто прорыл каналы и посадил сады. Только повзрослев, мы стали интересоваться, кем был этот человек, узнавать, какие у него заслуги перед народом. Есть поверье, что под одним из многочисленных курганов, которые тянутся от Тектурмаса до Туймекента, захоронен палец нашего батыра. Как бы то ни было, но дух Байзак-датха, хоть он и не похоронен на этой земле, оберегает сей благодатный край от бед.

... Однажды, когда акимом района был Смагул Абилеков, мы приезжали сюда по вопросам организации подписки на газету. Абилеков был человеком крупного телосложения, как прежний собственный корреспондент газеты «Егемен Қазақстан» Мухаметшин, которого за огромный рост прозвали «полтора казаха». Когда мы вошли в здание акимата, он, переваливаясь, спускался вниз со второго этажа. Увидев нас, тепло поздоровался и, повернув обратно, повел нас на свой второй этаж.

– Журналисты и писатели являются глашатаями хороших вестей, – сказал Саке с воодушевлением. – Вчера только в районе побывал Нуреке. Остался доволен состоянием дел. Между делом намекнули, что было бы правильно Свердлова заменить на Байзака. Он не стал противиться, но сказал, что нужно посоветоваться с народом. Это обрадовало нас. Теперь все зависит от нас самих. Вы помогите донести важность такого решения до населения...

Не каждый чиновник осмелился бы на такой шаг в то время, когда Советский Союз был еще в силе. Мы же в свою очередь выразили это мнение на страницах нашей газеты.

В том году мы написали несколько аналитических материалов о жизни и делах свердловчан. Обобщили опыт предприятий и хозяйств, на которых побывал Глава государства и дал положительную оценку. Район в основном занимался сельским хозяйством, в том числе выращиванием сахарной свеклы. Мы пропагандировали

примерную работу колхоза «Трудовой пахарь», которым руководил Герой Социалистического Труда Александр Нахманович. Хозяйство засеяло свеклой ранее неосвоенные участки «Кодели» и «Шымырбай» в песках и с каждого гектара собрало более четырехсот центнеров корнеплодов. Позже их опыт успешно применили свекловоды Алакольского района. Здесь же хорошие результаты дали такие начинания, как разведение индюков и рыбы, выращивание папайи.

Спустя несколько лет мы вновь приехали в этот район, им уже руководил Амангельды Карентаев. Он рассказал, что недавно район посетил Нуреке. И когда речь вновь зашла о переименовании района, Елбасы ответил: «Неужели я должен решать такие вопросы?! Ведь в прошлый раз я сказал, решайте сами, советуйтесь с народом». Теперь нет смысла озираться. На этот раз мы написали материал, озаглавив его «Название района поменялось». А через несколько дней в свет вышел Указ Президента о переименовании Свердловского района в Байзакский...

Все эти события вереницей прошли перед взором за короткое время.

– К Несипбеку заедем? – спросил Шерага, когда мы подъезжали к Кордаю.

– Ладно, решайте сами...

– Едем в Алматы! – жестко сказал Шерага, обращаясь к Володе. Он чувствительный человек, поэтому сразу же отреагировал на мой безучастный голос «решайте сами».

Мне стало неловко. И с чего это я так выкобениваться стал? Кто есть Шерага, а кто я? Между нами разница как между небом и землей. Он народный писатель, общественный деятель, любимец народа. А я один из рядовых журналистов. Хорошо, еще писатель. Но написанное мной не стоит и четверти того, что создал Шерага. Так почему я должен пыжиться?! Нет бы радоваться, что он доверяет и берет с собой в поездки. Нет, нельзя так заноситься.

– Вы подумали о предложении? – спросил я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– О чем?

– О новом названии газеты.

– А что тут думать? – сказал Шерага, взбодрившись. – Я в тот же час, как ты сказал, придумал. Разве к Байзакской районной газете не напрашивается слово «знамя»? И будет тебе «Знамя Байзака»...

– Прекрасное название.

– Прекрасно так прекрасно. Однако знаешь ли ты стихи про знамя?

Я запнулся. Тотчас Шерага продекламировал:

– С волком мое знамя,

В груди горит пламя!..

А затем спросил:

– И кто так сказал?

– Суюнбай.

– Правильно, – воскликнул Шерага.

В эти дни в Байзаке другой аким. И редактор поменялся. Мой младший брат в Астане, работает ответственным секретарем газеты «Аудитория», которая издается при Евразийском университете имени Л. Гумилева. С новым акимом еще не успели хорошо познакомиться. Однако со слов байзакцев знаю, что он инициативный специалист, хорошо знающий дело, далек от групповщины. Понятно, что такого акима, который пришелся по душе населению, поддерживают наверху. Хорошо бы ему напомнить предложение Шерага по названию газеты.

Пусть вечно реет знамя Байзака! Пусть мой родной район не сходит с достигнутых высот!

ПУСТОЕ ЗАНЯТИЕ

Прочитав в средствах массовой информации материал о том, что один молодой человек читает книги наоборот, причем читает бегло и вникает текст, Шерага по-русски воскликнул: «Ну и что же?..» А затем вопросительно посмотрел на меня, будто хотел спросить, что я скажу по этому поводу.

– Научился так читать, наверное...

– Зачем?

– Ради забавы. Что только не делают люди от безделья?! Есть и такие, которые проводят соревнования по плевкам.

– Плевки, говоришь, ей, – Шерага поднял на меня удивленные глаза. – Это как, кто больше плюнет?..

– Нет, кто дальше плюнет...

– Е, это как мы в детстве, купаясь, соревновались, кто дальше струю пустит, – улыбнулся Шерага. – Но в этой забаве было больше пользы, чем вреда, потому что тренировались предстательная железа и мочеполовые пути. Поэтому старшие не особо запрещали нам это делать. А вот читать книгу задом наперед или соревноваться в плевках – это не иначе как дурость.

– Но тем не менее соревнуются, – сказал я, втягивая Шерага в беседу. – Даже специальные призы есть.

– Не призы, а кулаки нужно показать им, – откликнулся Шерага, распаяясь. Затем он, будто вспомнив что-то, повысил голос: – В стародавние времена один одаренный молодой человек метров с десяти мог тонкой ниткой попасть в ушко иголки. Царь вызвал его к себе и спросил, сколько времени ему потребовалось, чтобы научиться такой меткости. Ожидая похвалы и почестей, молодой человек ответил, что посвятил этому двадцать лет жизни. «Дайте ему двадцать золотых и двадцать раз отстегайте розгами», – дал распоряжение нукерам царь. «За что?» – всполошился тот умелец. «За то, что использовал отпущенное Создателем золотое время на такое бесполезное дело!» – возмутился царь.

Я прикусил язык.

ПОБЕДИЛ ПСА, СХВАТИВ ЗА ЗАГРИВОК

Однажды Шерага пришел в бильярдную с перебинтованной рукой. Увидев, как я изменился в лице, он, не дав и рта открыть, заговорил первым:

– До каких пор можно выигрывать у тебя, специально перебинтовал, – сказал он, шутя. – С тобой могу и левой рукой играть.

На правой руке толстая повязка из марли. Но видно, что тыльная сторона ладони ранена и посинела. Не то, чтобы кий держать, такой рукой и поздороваться невозможно.

– Что уставился? Девушка укусила, – продолжал шутить Шерага.

– От Вас впервые слышу, чтобы девушка так покусала руку...

– Эй, хватит! – оборвал он меня на полуслове.

Оказалось, что на прошлой неделе коллега по Парламенту Куаныш Толеметов настоял поехать вместе с ним на торжество к его сестре в Шымкент. Мероприятие закончилось, гости приготвилились отдыхать. Шерага предложил поехать в аул, чтобы отдохнуть от шума большого города. Куаныш согласился и повез его в дом родственника в соседнем районе.

– Мы сразу же легли отдыхать, – стал рассказывать Шерага. – По привычке я проснулся очень рано, еще темно было. Напротив сладко спит Куаныш. Не стал

его будить. Опять же по привычке собрался выйти на улицу подышать свежим воздухом, – Шерага будто расхотел продолжать и перевел разговор на другую тему: – Вот вы дома держите кошку?

– Нет, Вы же сами знаете, – ответил я, не понимая, к чему он клонит.

– А мы держим, кличка у нее Багира, – сказал Шерага после продолжительной паузы, – в принципе я с малолетства недолюбливал кошек. Супруга настояла, и мы привезли ее из Алматы. Сиамской породы, говорит. Умное животное, с первого взгляда узнает твое настроение. Но я больше люблю собак. Ведь правильно же содержать собаку, Архари?

– Правильно, – согласился я с ним, все еще недоумевая.

– Но собаку нужно держать на улице, а не в доме, как эти городские, – сказал Шерага, поправляя себя. – Сколько бы мы ни говорили, что собака – преданность, порой забываем, что и преданные остаются животными. Вот эта моя рука представляет собой наглядное пособие, что нельзя быть слишком доверчивым.

– Ойпырай, значит, Вас собака покусала?!

– Да, – сказал Шерага, подняв левую руку на уровень пупка, – вот такая большая, можно сказать, как годовалый телок. Не знаю, то ли хозяева специально спускают ее на ночь с цепи, то ли она сама освободилась, едва я переступил порог, как она набросилась на меня. К счастью, успел поднять правую руку, чтобы прикрыть лицо. Иначе она точно вцепилась бы в горло, – при этих словах Шерага посмотрел на меня, словно хотел увидеть мою реакцию. А потом продолжил: – Известно, что собака рвет побежденного. Но также известно, что если у собаки есть хозяин, то у волка есть Создатель. А мы ведь дети волка. Я еще успел схватить нападавшую собаку за загривок.

– А где были хозяева дома? – не вытерпел я.

– Так ведь они не знали, что я встал и вышел во двор. Но, услышав крики, все выскочили из дома...

– Благодарение Всевышнему, что спас Вас.

– Да, Создатель спас еще от одной беды, – сказал Шерага, выражая благодарность высшим силам. – Благодаря, во-первых, Аллаху и, во-вторых, вот этой левой руке я уцелел. Там такой огромный псина! Я, схватив его за загривок, придавил к земле, но он, лежа на боку, серьезно поцарапал меня.

Пусть всегда Создатель оберегает Вас от невзгод, а одна рука защищает вторую руку, Шерага!..

И ДОШЕЛ, И СОЗРЕЛ

Мы собрались в самом крупном и посещаемом ресторане столицы, чтобы отпраздновать пятидесятилетний юбилей коллеги Рысбека Сарсенбайулы. С тех пор как редакция переехала сюда, у нас стало традицией ни одно торжество не проводить без Шерага. Вот и в этот раз право открыть торжество предоставили ему.

– Уважаемые друзья, братья! – начал Шерага. – Сегодня мы собрались, чтобы отпраздновать пятидесятилетие Рысбека. Пятьдесят лет – это и много, и мало. Почему я говорю – много, а потому, что за эти годы можно сделать множество прекрасных дел, – Шерага привел в пример произведения зарубежных и отечественных классиков, написанные ими до пятидесяти лет. – Значит, за пятьдесят лет можно написать такие шедевры, которые не потеряют своей актуальности в веках, напротив, с каждым столетием их ценность будет возрастать. Они превращаются в вечные ценности. А когда говорим мало, имеется в виду, что пятьдесят лет для истории – это миг: не успеешь оглянуться, как они пролетят, – сказал Шерага и

обвел взглядом зал, а затем продолжил: – Есть истина, которую приписывают Асан Кайгы: «Жизнь – это короткая прогулка перед вечностью». Верхними силами нам всем отмерено конкретное время для этой прогулки, а вот как прожить жизнь – зависит от каждого из нас. Поэтому продолжительность жизни человека измеряется не столько годами, сколько тем, как он ее прожил.

Затем Шерага, высказав мнение по поводу вопроса «в чем смысл и красота жизни?», сказал: «Знаменитый римский философ Сенека говорил, что человек до пятидесяти лет живет для себя. А после пятидесяти лет живет для народа. Так что господин Рысбек, теперь ты живи для народа, трудись во благо страны. Сейчас ты в самом соку. Пятьдесят – это возраст мужчины. Впереди у тебя будут шестьдесят и семьдесят. Затем придут восемьдесят, девяносто, сто, ведя друг друга за руки. Дай тебе Бог здоровья достичь такого возраста. А ведь у каждого десятилетия есть своя ступень. Сейчас мы шестьдесят лет называем серединой пути мужчины. Я прошел эти две ступени. Но жизнь тем и прекрасна, что ты не замечаешь, как протекают годы. Теперь вот стою на пороге седьмой ступени своей жизни,.. – Шерага после этих слов вновь оглядел сидящих в зале, перевел дух и продолжил: – Кстати, я и ей нашел альтернативу. Семьдесят – жетпіс состоит из двух слов повелительного наклонения: жет и піс. Жет – дойди, піс – созрей. То есть ты сперва дойди до семидесяти, а потом созрей. У нашего великого соседа в Китае говорят, что человек созревает, начинает отличать зерна от плевел, только достигнув семидесятилетия. То есть в любой ситуации он примет справедливое решение, он служит народу, и считают счастливым тот народ, у которого есть такие люди. До достижения такого возраста ты успеешь многое совершить. Затем тебя будет ждать восемьдесят... И этому возрасту я придумал своеобразную рифму, но здесь сидят невестки и дети, поэтому промолчу», – так Шерага задал веселый тон торжеству и крепко обнял младшего коллегу, который «вышел из его шинели», если говорить о его журналистском труде.

...Спустя некоторое время и Шерага перешагнул семидесятилетний порог своей жизни. Дошел – созрел. Хочется сказать: Шерага, Вы хорошо дошли до такого возраста. Вы стали символом правдивости, справедливости, прямоты и кристальной чистоты. Народ так говорит. А народ никогда не ошибается, Вы это и сами знаете. Дорогой мой брат, не сходите с этого пути, согревайте теплом окружающих, освещайте им дорогу, радуйте новыми произведениями! Желаю Вам долголетия, крепкого здоровья!

ДАЙ БОГ ДОЖИТЬ ДО ВОЗРАСТА ЖАМБЫЛА!

Однажды Шерага неожиданно спросил:

– Архари, ты кроме наших национальных игр какими видами спорта увлекаешься?

– Есть несколько видов, но ни одним из них не занимался профессионально, – ответил я в замешательстве.

– Тогда говори, – сказал Шерага, растопырив пальцы, будто собрался считать. – Бильярд – раз, шахматы – два... Дальше?

– Изредка бегаю, хожу пешком...

– И все?

– Все.

– Маловато, – вздохнул Шерага. – А в целом ты как понимаешь, что такое спорт? По-твоему, это умение быстро бегать благодаря упорным тренировкам или накачивание мышечной массы?

– Но это больше относится к профессиональным спортсменам.

– Постой, тогда по-твоему этот чемпион... как его?

Откуда мне было знать, кого он имел в виду, поэтому я пожал плечами.

– Шахматист?!

– А, Каспаров, наверное.

– Да, Каспаров, – сказал Шерага, кивнув головой. – Он, наверное, день и ночь не таскает тяжести, не бегаёт до седьмого пота. Но тем не менее считается лучшим спортсменом. Как ты объяснишь это?

Я задумался: а ведь прав Шерага. Он всегда говорит вроде простые вещи, но если вникнуть в сказанные им слова, понимаешь, что за внешней простотой скрывается глубокая философия, которая затягивает. В последние годы он стал часто говорить о национальных играх, национальных видах спорта, да и сам не одного сорокалетнего молодца положил на лопатки в казак күресі либо побеждал их в борьбе на руках. Я был свидетелем, как он подчинял своей воле самых норовистых лошадей, а в кокпаре редко кому удавалось на равных соперничать с ним. Порой я завидовал, хотел даже помериться силой, затем отказывался от такой безумной идеи.

Не думаю, что Шерага в каком бы то ни было виде спорта разнесет меня, но все же обыграет. Бильярд – раз, армрестлинг – два, кокпар – три... Что еще есть? Короче, нет вида спорта, в котором Шерага не обыграл бы меня. Что это, сила, мастерство?.. По правде говоря, не только меня, но и бывалых спортсменов Акселеу, Дулата, Бексултана, Уалихана одолеет.

Однажды мы втроем с Койшыгарой встретились в бильярдном клубе. Договорились сыграть каждый с каждым по одной партии. «Кто проиграет, у того бронзовая медаль в руках», – пошутил Шерага. И в самом деле, даже если проиграешь, займешь третье почетное место, поддержали мы его и не медля приступили к игре. Шерага на одном дыхании обыграл вначале меня, а следом и Койшыгару, который поначалу даже расстроился и умоляюще посмотрел на меня, будто я мог позволить ему повторить игру. Его расстройство можно было понять, потому что он два года работал в Китае и научился хорошо играть в бильярд. Говорили даже, что никто не может его одолеть. Вспомнив об этом, я сказал: «Нам нужно сперва сделать так, чтобы Шерага устал. Только тогда у нас появится шанс выиграть у него. А пока он не намерен уступать нам. А что, если еще по одной партии сыграем?» «Это уже зависит от вашего настроения и вашего кармана», – заважничал Шерага. Что теперь говорить, но в тот раз мы с Койшеке по очереди проиграли по несколько партий и вылетели из бильярдной, словно ошпаренные. Мы надеялись, что Шерага устанет, но каждая выигранная партия будто придавала ему новые силы, и он разгромил нас. Позже мы не раз слышали признание Койшыгары, что «в тот раз Шерага подавил его своим духом».

Честно говоря, не знаю, чем Шерага подавляет людей. Но я ни разу ни от кого не слышал, чтобы кто-то выиграл у него. Однажды, когда Шерага находился в хорошем расположении духи и был готов пооткровенничать, выпал удобный случай спросить о его спортивных достижениях.

– Эй, ну и хитрец же ты, мальчишка, – тепло улыбнулся Шерага, – хочешь раскусить мои секреты и использовать их против меня же. Как в бильярде.

Одна старушка сказала другой «эй, девушка». Когда Шерага сказал «ну и хитрец же ты, мальчишка», я понял, что у него прекрасное настроение. Но Шерага, прежде чем перейти к главной теме, продолжал шутить:

– Помнишь, ты поначалу кий правильно не мог держать в руках? А теперь вот почти на равных соперничаешь со мной.

– Значит, я хороший ученик, – поддержал я его. – Теперь Вам осталось научить меня выигрывать у Вас.

– Мы не устаем говорить: «Спорт – залог здоровья», – сказал Шерага. – Это уже устоявшийся штамп. Но в нем заключен большой смысл. Это же синоним казахского: «В здоровом теле – здоровый дух». А чистота тела во многом зависит от движения, под которым мы подразумеваем спорт. У больного нет силы. Если ты худосочный, болезненный, сможешь ли заниматься спортом? К изможденному телу липнут всякие болезни. То есть для занятий спортом в первую очередь человек должен быть здоровым. Вот почему казахи издревле говорили: «Главное богатство – здоровье».

По словам Шерага, чтобы сохранить здоровье, человеку необходимо строго придерживаться трех правил. Это правильное питание, чистый воздух и вода и движение. Если человек будет неуклонно следовать этим трем правилам, он продлит себе жизнь. Есть сведения, что сейчас у нас азербайджанцы в среднем живут 72 года, грузины – 73, армяне – 77 лет. А средняя продолжительность жизни казахов не превышает 65 лет, сказал Шерага. Почему? А все потому, что мы не придерживаемся трех правил жизни, о которых говорили выше. Правда, у нас в некоторых регионах имеют место экологические проблемы. Но ситуация в тех регионах, где вода и воздух чисты, тоже не блещет. Следовательно, вся проблема упирается в питание. Этого не могут отрицать ни наука, ни медики. Если люди станут правильно питаться, дышать чистым воздухом и регулярно делать зарядку, полезную всем органам, то они, похоже, могут жить 150–200, а то и более лет. Мы, казахи, привыкли калорийную еду употреблять вечером. Даже гостей приглашаем на ужин. Два-три часа едим, пьем спиртные напитки, и еще жалуемся на боли в желудке. Конечно, он, бедный, не выдержит такой нагрузки. Возьми, к примеру, печь, сказал Шерага. Напихай туда вместе с дровами мусор, железки, будет она гореть? Откуда? Она станет чадить, отравлять нашу жизнь едким дымом. Вот и желудок так же. Набитый до отвала мясом и салом, чаем и спиртным, он не справляется со своими функциями, пища не переваривается как следует, вместо пользы приносит организму вред. Потому что не переварившаяся пища яду подобна. Ведь говорят же, что «все болезни – от еды».

Затем Шерага порассуждал о роли чистой воды и воздуха. И только после этого перешел к основной теме.

– Спорт делится на две категории, – сказал он назидательно, как учитель, объясняющий ученику урок. – Во-первых, это большой спорт, которым люди занимаются профессионально. Во-вторых, малый спорт, которым занимаются такие любители, как мы с тобой, массовый спорт. А он состоит из множества видов: люди выбирают виды по возрасту и по способностям. Честно говоря, я бы к одному из видов спорта отнес даже пятикратный намаз. А катание на лошади? Наши предки знали ведь толк в конной езде. Один раз в день если прокатишься на лошади, знаешь, как взбодриться?! Кровь легко побежит по жилам, заметно улучшается работа сердца и почек, печени и желчного пузыря. Да и мышцы ног получают зарядку.

Понятно, что в условиях города нет возможности для конных прогулок. Но ведь можно пешком ходить, бегать. Знаток утверждает, что получасовая прогулка на свежем воздухе насыщает весь организм кислородом, очищает кровь, наполняет человека бодростью. Особенно полезно гулять ранним утром и вечером, перед сном.

Наверняка неспроста говорится: «Природа и человек – близнецы». Жизненная энергия человека зависит от окружающей среды и природы. От природы мы заряжаемся, берем силу. Если нет острой необходимости, не нужно злоупотреблять лекарствами. Вместо них намного полезнее принимать витамины. А их особенно много в фруктах и овощах. Поэтому следует казахов приучать потреблять больше зелени.

Говоря так, Шерага обратился ко мне:

– Занятия спортом нужны для жизни. Ведь длительность жизни напрямую зависит от здоровья. Человек должен отказаться от вредных привычек. Это потребление алкогольных напитков, курение, наркомания. Чем крепче здоровье, тем полнее жизненная энергия. Ведь говорят, что береженого бог бережет. Поэтому следует отказаться от вредных привычек, учиться хорошему, выбрать здоровый образ жизни.

Я дословно записал все наставления Шерага о здоровом образе жизни, чтобы все прислушались к его словам. И желаю всем долголетия, живите сто лет, как Жамбыл-аксакал!..

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ШЕРАГА

По-моему, это было лет десять назад. Тогда Шерага жил в Астане. Айдар довел нас в бильярдный центр «Зодиак» и сказал:

– Вас встретят внутри. С хозяевами заранее договорились, так что играйте себе в удовольствие. А я вернусь часа через два-три.

И в самом деле нас у стола ждал молодой человек.

– Здравствуйте! – приветствовал он нас. – Наверное, для вас сделан заказ? Проходите сюда.

– Что за заказ? – Шерага вопросительно посмотрел на меня.

– Наверное, ребята заранее попросили оставить для нас хороший стол, – пожал я плечами.

– Что будете пить, есть? – тотчас подошла официантка.

– Эй, мы же играть сюда пришли, а не трапезничать, – удивился Шерага.

Поняв, что нет смысла продолжать играть в прятки, я решил открыть карты.

– Шерага, сегодня второе августа – день ВДВ, – начал я издали. – Говоря по-казахски, день воздушной армии. Бедняга, который стоит перед Вами, три года служил в таких войсках. Поэтому мы по традиции празднуем этот день. Вот Айдар решил, чтобы сегодняшний праздник мы провели вместе.

– Молодец! – одобрительно воскликнул Шерага. – Он знает нашу страсть к бильярду. Наверное, поэтому сделал здесь заказ. Гордиться нужно такими детьми! Это результат казахского воспитания. Теперь вот пожинаем плоды. Ведь Айдар в казахской школе учился?

– Да, десятый класс окончил в алматинской двенадцатой школе, – ответил я. – Елигай и Жазира окончили с золотой медалью.

– А Айдар?

Я замялся. Старший сын хоть и окончил школу на четверки и пятерки, но не дотянул до медали. Поэтому я при случае повторял шутку Айдара: «Елигай и Жазира, вы особо не хвалитесь, что школу окончили с медалями. Таковую медаль я получил при рождении». (родившимся в 1970 году детям в честь столетия Ленина вручали медали: девочкам – красные, мальчикам – зеленые). Все это я вновь повторил для Шерага.

– Оказывается, у Айдара хорошее качество вовремя находить нужные слова, – поразился за него Шерага. – Прекрасная шутка! Наверняка у него есть задатки писателя, как никак отец – писатель.

– Возможно, – ответил я, – но он больше говорит, чем пишет. К тому же у него другая специальность.

– Писательство должно быть присуще специалисту любой профессии, – стал рассуждать Шерага. – Мы же видим, как некоторые «водители» радуются, когда им

удается правильно сложить несколько предложений. На любое замечание они реагируют болезненно «мы же не деятели пера, как вы». Будь моя воля, я заставил бы всех руководителей читать художественную литературу и писать диктанты, чтобы они научились манере речи. На это не требуется много времени и средств.

– Но ведь сейчас время другое.

– Что?! – Шерага отодвинул стоящую перед ним пиалу и протянул руку к кию.

– Хочешь сказать, что сейчас время дела, а не слова? Нет, как бы стремительно ни развивались наука и техника, превыше всего должны быть взаимоотношения между людьми, культура речи. Наш словарный запас должен обогащаться. Не зря же прежние цари держали при себе мудрецов и ораторов, которые одним словом могли остановить волнение народа. И батыры так делали. Вон, вспомни, как Исатай дружил с Махамбетом. Тебе должно быть известно, что сила советской власти была в том, что она твердо придерживалась такого же принципа. Во время Второй мировой войны политруки занимали особое место в воинских подразделениях в Красной, а потом Советской армии, потому что они оказывали моральное влияние на солдат. Не знаю, сейчас есть ли такая должность в современной армии, но сама жизнь доказала, что сила слова оказалась могущественнее любого оружия.

Шерага, как всегда, говорил очень правильные слова. Оставалось только уметь слушать. А было бы замечательно, если бы нашлись такие люди, которые сделали правильные выводы из сказанного им. Вот почему я еще раз вспоминаю слова Шерага. За игрой от него порой услышишь такие рассуждения, которые заставляют задуматься. Задумаешься и берешь в руки карандаш. И в этот раз вышло именно так.

Мы сыграли три – четыре партии, в перерывах между ними вдоволь попили чаю. И только тут заметили, как к нам подошел Айдар.

– Ты сделал нам хороший сюрприз, – поблагодарил его Шерага. – Если каждый год так будешь отмечать службу отца в армии, то и мы готовы каждый год праздновать. Кстати, ведь ты тоже военный?! Какое у тебя звание?

– Капитан! – ответил Айдар, смеясь.

– О, капитан?! – Шерага сощурился и поднял вверх указательный палец. – Самое почитаемое в армии звание. И для литераторов оно является любимой темой. Ты, наверное, читал книги «Дети капитана Гранта», «Капитанская дочка»? Но все же ты не останавливайся на этом звании, расти. Будь генералом! Пусть и в семье Дуйсенбеков вырастают такие специалисты!..

* * *

Дорогой мой Шерага, Ваши слова наставления сбываются, наверное, их в Ваши уста вложил сам Создатель. Айдар недавно стал полковником и в должности его повысили. Пусть и впредь исполняется Ваше благословение!

ПУСТЬ НЕ ЛИШАЮТ ПРАВА СЛОВА

Мой друг Дулат сказал:

– Я однажды победил Вашего Шерага.

– В чем? В картах? – спросил я, невольно вспомнив самое слабое место Шерага.

– Словами...

– Перестань, в чем в чем, но в словах наш Шерага никому не уступит пальму первенства, – я подверг сомнению слова друга.

– Почему не проиграет, если слово пришлось кстати? – прищурил глаза и едва заметно улыбнулся Дулат. Он всегда делал так, когда готовился рассказать что-нибудь интересное. – В принципе, Шерага – человек, который понимает силу слова, поэтому умеет остановиться, когда слышит взвешенное возражение. Не то что там всякие чинуши и нувориши с набитыми карманами, которые затаивают обиду.

– Да, я весь внимание, – поддержал я Дулата, – мне известен такой характер Шерага.

– Если известен, то слушай, – продолжил рассказывать Дулат. – Было это в восьмидесятых годах, группа писателей поехала в Сибирь, к братьям якутам. Хотя у них фамилии русские, но корнями мы все же ближе. Вот поэтому они к казахам относятся с особым уважением. К тому же перед нашей поездкой их делегация побывала в Казахстане. Уже тогда между нами завязались дружеские и доверительные отношения. Так что до вечернего банкета мы успели с ними немного «разогреться». Конечно, много внимания уделялось известным людям. Шерага, сидевший в их окружении, вдруг запел. Вот ты скажи, какую песню он запел, – Дулат только ему присущим изящным движением стряхнул пепел с сигареты.

– По-татарски! – воскликнул я.

– Да, по-татарски, – сказал друг, выпустив в потолок густую струю табачного дыма. – Что там говорить, голос-то у него сильный, сразу видно, что в молодости был крикуном. Только что пчелиным роем гудевший зал притих. Печальная мелодия, близкая и казахам, и калмыкам, и японцам, и якутам, словом, для всех народов, бывших в одно время под колониальным игом. Эту песню, которая пробирала до самых костей, Шерага исполнил не сказать что с большим мастерством, но очень пронзительно и душевно. Все, кто находился в зале, восторженно аплодировали ему. Конечно, мало кто решится первым запеть в незнакомой обстановке. Мы благодарно поддержали его. А братья якуты нашли прекрасный повод для того, чтобы заставить нас поднять рюмки.

Дулат, словно возвращаясь в ту атмосферу, смачно сглотнул и сказал:

– Эту заразу начать трудно, а начав, остановиться трудно.

Не успел я подумать: «О чем это он, о водке или о табаке?», как он продолжил рассказывать:

– Я про песню говорю. Шерага затянул очередную татарскую песню. Голос несколько покрепчал, порой стал похож на тенор знаменитого Карузо. И вдруг откуда ни возьмись в круг вышла светлолицая женщина с инструментом, похожим на наш саз, который звучал как наша домбра. Получился такой слаженный дуэт, будто они постоянно вместе репетировали эту песню. Естественно, аплодисменты перешли в овации. Мы в едином порыве поднялись на ноги и без приглашения подняли рюмки...

Но и после окончания песни инструмент той женщины не умолкал, – сказал Дулат, зажав в уголке губ очередную сигарету. Он молча посидел, то зажигая спичку, то гася ее пламя, будто раздумывая, прикуривать или нет. – И знаешь, она стала играть только татарские мелодии. И тут меня осенила догадка – да она же перепутала нас с татарами! А Шерага вновь запел очередную татарскую песню под ее аккомпанемент. Не помню, как я вскочил с места и крикнул: «Ай, Шаке!» Песня прервалась на полуслове. Все затаили дыхание. «Ай, Шаке! – повторил я вновь. – Мы где сидим, писатели какого народа мы, почему казахские песни не поете?»

Шерага, не растерявшись, запел казахскую песню. Сейчас уже не помню, что за песня, но, кажется, чем-то похожая на татарскую. Женщина-музыкант тут

же стала подыгрывать на своем инструменте. Затем Шерага неожиданно прервал песню и, обведя присутствующих взглядом, сказал: «Уважаемые братья, Дулат сейчас мне сделал очень уместное замечание. Мы должны были начать с казахских песен. Но я подумал, что прежде чем петь казахские песни, следует потренироваться (Шерага часто употреблял это русское слово, говоря, что так поступал один чиновник) на татарских песнях. Эту мою привычку хорошо знают некоторые из моих присутствующих коллег. Прошу прощения, если я увлекся татарскими песнями, значит, тренировки было маловато. То есть мой организм еще не был готов к исполнению родных песен, за что опять же прошу простить меня. Только что я исполнил древнюю казахскую песню. Если вы заметили, ее мелодия похожа на татарские, якутские, ногайские кумыкские напевы. Это еще раз подтверждает, что у нас одни корни. Одни корни. Прошу стоя поднять тост за тюркских каганов».

Я опять вскочил со своего места и, подойдя к столу, за которым сидел Шерага, обнял его и сказал: «Простите, Шерага!», – вспоминал Дулат. – «Ничего страшного, и ты прости меня», – сказал Шерага, похлопав меня по спине. Затем он взял меня за локоть, отвел в сторону и сказал: «Как говорится, пусть меня лишат богатства, но не лишат слова. Вот и ты, Дулат, вовремя сделал мне замечание. Признаю свое поражение».

Вот с тех пор не устаю хвастаться тем, что хоть один раз, но победил Шерага, – закончил рассказ мой друг.

ЗНАК ОТ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

В административном центре родного Байзакского района в селе Сарыкемер отметили мое шестидесятилетие. После торжественного собрания нас пригласили за дастархан, накрытый моими земляками. Недавно назначенный акимом района Абдинур Асильбеков организовал угощение в оздоровительном комплексе «Эдем» под городом Таразом.

Руководитель района пригласил за стол всех, кто пришел на творческую встречу. Но за дастарханом собралось человек двадцать. Среди них Шерага с Акбилек, коллеги Елен и Сапар (редактор районной газеты), сваты Нильзия и Ермек, старший брат Сатыбалды и сноха Мейрамкуль, несколько человек из акимата во главе с младшим сватом, советником акима области Бахытжаном Шакировым. Чего греха таить, дастархан был накрыт щедрый. Внутри юрты на круглом столе каких яств только не было! Разнообразные напитки. Чуть поодаль от гостевой юрты варилось мясо, аромат от которого возбуждал аппетит. Дымящийся плов звал к столу. Искусные повара дожаривали румяный куырдак. Глядел я, как земляки старались угостить гостей, и мне стало приятно.

– Шерага, на то, чтобы для отдыха выбрать это место, была своя причина, – сказал Абдинур Асильбеков, обращаясь к самому почетному гостю, который уже два дня принимал участие во встречах с читателями. – Насколько мне стало известно, Адеке родился в Жасоркене. Сейчас это село, как и ваш Жуалы, относится к другому – Жамбылскому району. (Стало понятно, что Абеке в курсе того, что родина Шерага прежде была под юрисдикцией Тюлькубасского района.) Следовательно, Адеке является выходцем двух районов. А поскольку этот дом отдыха находится на границе двух районов, мы пригласили вас сюда.

– Замечательно, – откликнулся Шерага, а затем, подумав, хитро моргнул: – Думается, у этой истории есть и другая сторона.

Похоже, Абдинур неправильно понял шутку Шерага.

– Конечно, вас можно было пригласить и домой, но я еще не успел переехать, – стал он оправдываться. – Такие уважаемые гости не каждый день приезжают.

– Беу, Абеке, – сказал Шерага, окуная руки в холодные воды Таласа, который змеей извивался между густыми зарослями ивняка, – как в такую жару сидеть дома?! Это же райское место, – Шерага осмотрелся вокруг, вытирая руки мягким полотенцем. – Какая красота! И деревья, и цветы колышутся под прохладным ветерком. А воздух! Разве мы ощутили бы такую прелесть, сидя в доме? Откуда? Не то что ощутить, даже и не мечтали бы. Поэтому тебе огромное спасибо, что привел нас сюда, показал этот райский уголок.

Абеке обрадовался, словно ребенок, повторяя одно и то же:

– И Вам спасибо, спасибо!

– И все же в этом есть и вторая сторона, – повторил недавние слова Шерага. – Как ты сам сказал, Жамбылский район и тебе не чужой. Ведь до перевода в Байзакский район ты работал там. Так что и ты из тех, кто танцует между двумя дастарханами.

– В точку попали, ага! – с этими словами Абдинур вскочил с места и пожал руку Шерага.

Присутствующие заулыбались, а иные даже зааплодировали.

– Как говорится, «витиеватые слова хороши для веселья», – продолжал мысль Шерага. – Вот и мы пошутили, посмеялись, выдохнули из себя всю усталость. Какая разница, Байзакский это район или Жамбылский, главное, что мы сидим рядом со священным Таразом, на самом почетном месте Жамбылской области. Хочу выразить благодарность руководителям области и района, организовавшим интересные встречи и накрывшим столь щедрый дастархан. Наш народ всегда почитал национальное искусство, высоко ценил культуру и литературу. А господин Адил вносит посильную лепту в литературу. Если сегодня мы встречались с жителями Байзакского и Жамбылского районов, то завтра нас ждут читатели моей родной земли – Жуалов. Я уверен, что и там вашего земляка встретят как писателя, выходца со святой аулиеатинской земли. Если кто не верит, может поехать с нами.

– Обязательно поедем, – за всех ответил мой сокурсник Елен.

– Знаем, что ты примешь участие, – поддержал слова своего коллеги из писательского цеха Шерага. – А как другие?..

– Мы тоже не останемся в стороне, – ответил аким и обвел взглядом всех сидящих за столом, будто хотел получить их поддержку.

– Конечно, обязательно поедем, – зашумели все.

...Точно не знаю, сколько байзаковцев поехало на встречу в Жуалах, но зал Дома культуры в районном центре был переполнен. Это в очередной раз продемонстрировало, насколько жамбылцы уважают писателей и поэтов. Может ли быть большее счастье для человека?!

ЧЁТ И НЕЧЕТ

– Как думаешь, какие числа казахи чаще применяют в повседневной жизни – четные или нечетные? – спросил Шерага, ставя на полку только что забитый шар.

– Нечетные! – ответил я.

– Причина?

– Ну, это естественно, начинается с одного, три, дальше семь, девять, – сказал я, пытаясь объяснить логику своих рассуждений. – Священные числа ведь...

– А два, четыре, шесть? – Шерага вопросительно поднял голову. – И кто сказал, что они не священные? Могу поспорить, что любой из казахов в день несколько раз

повторяет выражения «Екі көзі төрт болды» (буквально: «Два глаза превратились в четыре»), что означает нетерпеливое ожидание, «Төрт көзі түгел» (буквально: «Все четыре глаза на месте) – когда все в сборе. Не реже употребляет выражение «Ер кезегі үшке дейін» – «Мужчина имеет право на три подхода», – после этих слов Шерага замер, будто вспомнил что-то важное, затем задал неожиданный вопрос: – Кстати, какие числа до десяти ты знаешь?

– Ноль!

– Ноль без связи с другими цифрами не число! – сказал Шерага, с треском забив очередной шар в лузу. – «У кого единственный сын, у того душа едва теплится; у кого два сына, тому счастье в дом стучится; у кого три сына, богатства его даже в Бухаре хранятся; у кого четыре сына, тому небеса под ноги ложатся», – такая мудрость оставлена нам предками. Вот и я вынул два шара. А ты когда начнешь забивать? Давай пошевеливайся, зря что ли кичишься, называя себя чемпионом...

– Ой, ага!..

– Что «ой, ага?» – поддразнил Шерага. – Играй, что стоишь?

– Ой, ага! – сказал я еще раз, не скрывая удивления. – Похоже, я нашел числа, о которых Вы только что говорили.

– Ну и хорошо, спасибо, что понял, – Шерага тепло улыбнулся. – Казахи каждому числу до десяти придумали синонимы, а четные и нечетные числа применяли согласно их внутреннему содержанию. Например, старались четные числа применять по отношению к одушевленным предметам, а нечетные – к неодушевленным. Вот поэтому слова «жұбай», «жұбайы» (супруг, супруга), похоже, берут начало от слова «жұп» (четный). «У кого четыре сына, тому небеса под ноги ложатся» – какие правильные слова! Но как быть с числом шесть? – Шерага посмотрел на меня, будто сам не знает ответа на свой же вопрос. – Ну-ка, вспомни, в стихотворении какого поэта встречал число шесть?

Я не знал ответа на его вопрос, поэтому отвел глаза и сделал вид, что мелю кий. И тут послышался твердый голос Шерага:

– Не знаешь, конечно. Не читаете древних акынов, ушедших из жизни. Мы же вспоминали в переписке с Камалом: в давние времена был поэт Ахтамберди, в его стихотворении есть про шесть...

Даже эта подсказка ничего не дала мне. Да, переписку Шерага с выдающимся публицистом Камалом Смаиловым помню. Этот подзабытый эпистолярный жанр обрел новую жизнь под пером двух корифеев казахской журналистики. В их письмах друг другу обсуждались самые острые проблемы нашего народа, который только что стал на путь независимого развития. Тогда решалась сама судьба народа, вот о чем писали друг другу Шерага и Камал-ага. Их письма вначале публиковались в нашей газете («Егемен Қазақстан»), а затем вышли отдельной книгой под кричащим названием «Елім, саған айтам, Елбасы, сен де тыңда!» («Народ, тебе говорю, Елбасы, и ты слушай!»). Конечно, мы все зачитывались этими письмами, потому что в них находили ответы на волнующие страну вопросы. Однако в памяти ничего не осталось о том, что говорил Ахтамберди-акын. Вот что значит читать, не вникая в написанное.

Едва войдя в дом, я устремился к книжному шкафу. Перебрав тома произведений Шерага, взял в руки нужную книгу, выпущенную в свет в 1998 году издательством «Қазақстан». Нашел. Нашел, и будто вновь завязалась живая беседа с Шерага. Очарованный, я присел на диван. В руках книга, а в ушах слова Шерага, от которых мурашки по коже: «Мы народ с трудной судьбой. Сейчас тяготы истории пришлись бы на долю сорока – пятидесяти миллионов казахов. Умершим – молитвы, живым пожелаем достаток. Пусть будет достаток. Ахтамберди-акын говорил:

Если шестеро родятся от отца,
Сердце наполняется счастьем.
Если один рождается от отца,
Сердце наполняется печалью.

Вот что значит быть поэтом! Какие слова! Но что значит «шестеро от отца»? Ты подумал, Камал? Почему не три, почему не пять, почему не десять?

Есть понятие Алты Алаш – оставшееся с давних времен. Но нас заставили за быть о нем. Внедрили понятие «Разделяй и властвуй!». Алты Алаш – это, конечно же, шесть братских народов тюркского происхождения...

«Алты бақан – алауыз» – «Если шестеро в раздоре, то теряют, что во рту» – эти мудрые слова, также рожденные мечтой о единстве, дошли до нас из древних времен. Не отделяйтесь друг от друга, не будьте алчными, предупреждали нас мудрые предки.

Идея объединения тюркских народов, которые отделились друг от друга, поодиночке стали жертвами более сильных соперников, вновь возродилась в начале двадцатого века. У истоков этой идеи стояли крымчанин Смайылбек Гаспиринский, татарин Мир-Саид Султан-Галиев, башкир Заки Уалиди, казах Мустафа Шокай. А Турар Рыскулов рискнул и практически реализовал идею «Тюркоязычные – будьте едины!»... Президенты трех центральноазиатских стран – Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана – стали чаще встречаться. Особенно впечатляющей стала встреча в Бишкеке. Главная идея – трём государствам следует объединиться. И тогда ни медведь, ни дракон не осмелятся показывать зубы. В конце концов, и туркмены, которые пока держатся обособленно, будут рады приобщиться к союзу родственных народов. Туркестан – наш общий шанырак. Жить под одним шаныраком, чувствуя тепло дружеских сердец, намного уютнее. В основе такого объединения лежит понятие «Тюркоязычные – будьте едины!»

Если сейчас три братских народа (вместе с каракалпаками четыре) объединятся, то в скором будущем все шестеро сплотятся. И тогда тюркские народы Центральной Азии превратятся в могущественную силу. Покойный Тургыт Озал говорил: ХХХ век станет веком тюрков, может быть, исполнится его предсказание.

А пока если три республики объединятся, создадут единый батальон, позже сформируют объединенные вооруженные силы, объединенные банки, будет единая валюта...

В этом нет ничего нереального. Сейчас время такое, что все ищут и находят корни. Европа такая, Израиль, сформированный из евреев всего мира, такой. Покойный Микоян даже в советскую эпоху прилагал усилия для того, чтобы собрать в Армении всех армян, рассыпавшихся по свету, словно пшено.

Поэтому пожелаем, чтобы намерения троих президентов – Нурсултана Назарбая, Аскара Акая и Ислама Карима – оказались благословенными, и чтобы они сделали реальные шаги к единению, к настоящему братству...»

– Что случилось, ты вцепился в книгу Шерага, будто видишь ее впервые?..

Это «Тэтчер нашего дома» Дарига. (Мой друг Дулат так называет свою супругу Нургайшу, с которой он дружил с юных лет.)

Только услышав голос жены, я увидел, что, даже не сняв верхнюю одежду, застыл в кресле возле письменного стола. Тихо поднявшись с места, отбросив в сторону плащ, я стал повторять слово «чудо», которое так нравилось великому Габиту Мусрепову. И тут почувствовал легкость во всем теле, будто избавился от гнетущей весь день неясной и тревожной мысли.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ «ШЕСТЕРКУ»

Когда Шерага звонил по телефону (как он говорил – беспокоил), значит, у него была новость, которой он хотел поделиться, либо приглашал куда-нибудь. Но в этот раз я не до конца понял, почему он звонит.

– Как дела? – спросил он после взаимных приветствий.

– Хорошо, как сами?

– Без изменений, живем помаленьку, – ответил Шерага и перешел к неожиданной теме: – Вот ты разбираешься в спорте. Объясни мне, что за вид спорта такой – перепрыгнуть через шестерку?

– Это, это... – я растерялся, не зная, что ответить, – может, речь идет о шестидесяти сантиметрах...

– О каких шестидесяти ты говоришь?! Даже я смогу перепрыгнуть твои шестьдесят, хотя мне уже больше шестидесяти, – сказал громким голосом Шерага. – Если не знаешь, так и скажи – не знаю. И нечего заикаться. До свидания...

В телефонной трубке раздались короткие гудки, а я все стоял растерянный. «Чего это он вдруг рассердился? – подумал я, кладя трубку телефона на место. – Услышал где-то про прыжки через шестерки и возмущается, что я не знаю. А в самом деле, что за вид спорта такой?»

Теперь и я заволновался. Перерыл все имевшиеся дома словари и справочники. Альт есть, альтиметр есть, а шестерки нет. Не найдя ответа в книгах, позвонил некоторым друзьям, так они меня на смех подняли. Делать нечего, позвонил старому другу, известному спортивному журналисту Жусипу Хисымову в Алматы. Мне повезло – он оказался дома.

– Скажи яснее, не пойму тебя, – попросил Жуке, наверное, не поняв вопроса.

– По буквам назови...

– Ш – (Шура), Е – (Елена), С – (Светлана)... – стал по-армейски диктовать я.

Жусип записал, что я продиктовал и замолчал, а потом расхохотался:

– Ты в какой газете такое вычитал? Шестерка, про которую ты говоришь, перевод русского числа шесть. Но это не шесть, а шест. Есть такой вид спорта – прыжки с шестом.

– Вот те раз! – рассмеялся я в ответ. – Интересно, где такую информацию вычитал Шерага...

– Шерага, говоришь? – Жусип, видать, услышал мои слова, сказанные вполголоса. – Он, что, читает «Спорт»? К сожалению, молодые журналисты иногда неправильно переводят некоторые термины, поэтому читателям трудно разобраться, о чем идет речь.

– Да, Шерага спрашивал, – сознался я. – Какие только газеты и журналы он не читает! Вот и про прыжки через «шестерку» интересовался. Я не знал такого вида спорта, поэтому обратился к тебе. Теперь все стало на свои места. Спасибо за помощь...

Через пару дней я вновь встретился с Шерага.

– Е-е, я сразу догадался, – его глаза задорно заискрились, – хотел тебя проверить, что ты скажешь...

Я все выложил начистоту, рассказал, как обзванивал знакомых, а ответ нашел только в Алматы.

– В принципе такой вид спорта у нас существовал давно, – сказал он. – Сырык (большой шест, которым открывали и закрывали тундик – войлочное покрывало шанырака юрты) использовался не только по прямому назначению. С его помощью казахи запрыгивали на лошадь, перепрыгивали через барьеры, использовали

при переправе через водные преграды, даже применяли как оружие. Я видел, как один человек использовал сырки как ходули и возвышался над толпой на два-три метра. Кстати, канатоходцы ведь тоже используют длинный шест для сохранения равновесия, – набрав полную грудь воздуха, Шерага продолжил: – Казахи издревле были спортивным народом. Сейчас за океаном и в западных странах восхищаются такими видами спорта, как гольф, регби. Но они раньше были и у нас. А шахматы и шашки?! Они же являются одним из подвигов нашего тогызкумалака!..

Шерага после непродолжительной паузы спросил:

– А ты умеешь играть в тогызкумалак?

Вместо ответа я почесал затылок.

– Я так и знал, – сказал Шерага, тихо напевая какую-то мелодию. – Ты хоть на миг задумывался над тем, какое отношение слово девять имеет отношение к кумалакам? Если не задумывался – подумай. Я расскажу о том, что вычитал в одном редком труде. Девять – название числа, а кумалак – название предмета. От их сложения родилось сложное название предмета. Давай теперь проанализируем это сложное название. Замечаешь, у девяти есть особенные отличия от других чисел. И умножение, и деление через три. Две нитки свиваются, три нитки заплетаются, а девять – ткутся. У казахов, да и в целом у мусульманских народов число девять занимает особое место. По нашему летоисчислению (мушел) (мышь, корова, барс, заяц, улитка, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья) девятый год – год обезьяны. И опять же заметь, что каждый год обезьяны непременно делится на двенадцать. Например, 1956, 1968, 1980, 1992, 2004, 2016... все они делятся на двенадцать. Вот почему в былые времена аксакалы для того чтобы вычислить возраст человека брали за основу именно год обезьяны. Например, взрослый человек говорит, что он родился в год собаки, и хочет узнать, сколько ему лет. Старец делал следующие расчеты: «От обезьяны до обезьяны – четыре обезьяны, то есть 48 лет. Прибавляем год курицы и прибавляем год собаки, итого 50 лет». «Дорогой, тебе 50 лет», – точно выводил он возраст обратившегося. Это раз, – рассмеялся Шерага.

– Раз, – сказал я, согнув один палец.

– Теперь рассмотрим вопрос с кумалаками, – сказал Шерага, поправляя очки, как профессор, читающий лекцию. – Это слово не встречается в лексиконе других тюркоязычных народов, кроме казахов. Оно имеет несколько значений. Здесь уж точно речь не идет об овечьих катышках. Иначе как понимать гадание на кумалаках («құмалақ аштыру»). Здесь мы не можем не вспомнить, как Мухтар Ауэзов в романе «Абай» мастерски использовал слово «кумалак». Замечательно, ведь! Да, как и кумалак, тогызкумалак, имеющий девять названий – арт, тектурмас, атотпес, атсыратар, бел, белбасар, кандыкакпан, кокмойын, мандай, стал национальным брендом. Это – два.

– Два!

– Можно привести еще немало примеров по отношению тотема девять, – продолжил Шерага, переведя дух. – Среди них такое выражение, которое часто используют старцы: «Е-е, сынок, ты знаешь девять, но не знаешь девяносто девять». Поэтому будет правильным, чтобы и ты знал побольше. Казахи говорят «Тоғыз жолдың торабы» («Развилка девяти дорог»), «Тоғыз тарту» («Девять подарков»). А вспомни пословицы «Тоғыз қабат торқадан тоқтышақтың терісі артық» («Шкура ярки лучше, чем девять слоев шелка»), «Тоғыз тері – бір тондық» («Девять шкур – на одну шубу»). Или подумай, что забеременевшая женщина носит плод в чреве девять месяцев и девять дней. Это еще не все! У каждого раба божьего есть девять отверстий, обеспечивающих его жизнедеятельность.

«И в самом деле так», – едва успел подумать я, как Шерага сказал:

– Ты считай – уже три. Вообще-то, сколько хочешь, столько и считай, – улыбнулся он. – Я тебе про девять могу привести девяносто девять примеров. Да, кстати, не забывай, мы же с тобой чуть ли не каждый день играем в бильярд, так вот у бильярдных шаров тоже есть девять граней...

Я разинул рот от удивления.

ИМЕЯ ГАЗ, ОБИЖЕНЫ

Однажды мы поздно вышли из бильярдного клуба. Шерага предложил не вызывать машину и пройти пешком. Закинув за спины кии, как рыбаки удочки, мы вышли на улицу. Число жителей Астаны росло на глазах, и машин стало заметно больше. Глядя на непрерывное движение на улице, Шерага вдруг спросил:

– Ты почему не купишь машину?

– Так ведь у сына есть машина, нашей семье хватает, если нужно куда поехать, он повезет, – ответил я.

– Наши дети тоже пешком не ходят, я у тебя спрашиваю, почему себе не купишь машину?

– На такую покупку потребуется немало денег.

– Конечно, однако к этому времени кое-что накопил?

– Все равно не хватает.

– Почему не скажешь землякам и многочисленным родственникам? – спросил Шерага, касаясь новой темы. – Скажи: «До каких пор я буду пешком ходить, ведь стыдно перед людьми. Вы что, не видите, как другие оказывают поддержку деятелям культуры и литературы, вышедшим из их краев?!»

– Пусть они такой почет вначале окажут Вам!

Шерага резко остановился и грозно посмотрел на меня.

– Ты как думаешь, я богатый человек? – спросил он.

– Конечно, Вы богатый, – ответил я, радуясь, что тема разговора меняется в другую сторону. – Думаю, среди нас нет человека богаче и сильнее Вас.

– Ну, ты и скажешь! – улыбнулся во весь рот Шерага. – Если бы было так, то я ездил бы на мерседесе и построил коттедж, как некоторые мои коллеги.

– Так ведь...

– Хочешь сказать, что у них богатые земли и богатые земляки? – перебил он меня.

Мне вспомнилась его статья, опубликованная накануне. Он в ней писал, что Всевышний создавал Казахстан с особенной любовью, наполнив его недра несметными богатствами. Вчера, будучи колониальным придатком огромной империи, мы мечтали, чтобы этими богатствами владели сами казахи. И что теперь? Предприятия, имеющие государственное стратегическое значение, за бесценок продаются иностранцам. Например, сколько тонн меди производят иностранцы, ставшие хозяевами Жезказганских и Балхашских медеплавильных предприятий? Из них какова доля новых хозяев, и какова наша доля? Из нашей доля какая часть используется на благо народа? Вся информация об этом должна быть открытой. Если от имеющих богатств нам ничего не перепадает, если все проносят мимо нас, то какова цена нашему суверенитету?..

– Так мы же говорим, что тот, у кого есть нефть, пользуется благосклонностью Создателя, – сказал я. – Но не мы ли первыми написали, что у того, у кого есть газ, есть и обида.

– Зачем ты мне об этом говоришь?

– Так, на всякий случай напомнил, – увильнул я от прямого ответа.

Бог даст, скоро в эксплуатацию введут Таласский газ. Шерага был одним из самых активных сторонников этого дела, регулярно ставя вопрос перед правительством. На мой взгляд, в том богатстве есть доля и Шерага, потому что благодаря его настойчивости новое газовое месторождение станет служить на благо людей. Шерага понял, что я хотел сказать, и замолчал.

Но богатство Шерага – это тома его книг, которые есть у многих казахстанцев на книжных полках. Миллионы людей читают его произведения, переживают вместе с его героями, радуются их победам, при этом сами становясь чище и благороднее. Разве писателю нужно большее богатство и счастье?!

Да, ага, есть ли в этом переменчивом мире кто-то богаче и сильнее Вас?!

ВЫ САМЫЙ КРУПНЫЙ СРЕДИ НАС

В третью зиму, как «Егемен Қазақстан» переехал в новую столицу, скончался старший брат нашего главного редактора Ержумана Смайыла – Озибек. Шерага предложил пойти к нему и выразить соболезнование, поэтому, взяв с собой Акбилек и Даригу, мы поехали домой к Ержуману. Оказалось, что он с дочерью Айжан только что сошел с поезда, поэтому в доме царили сумбур и суматоха.

Мы выразили соболезнование. После чего Шерага вопросительно посмотрел на меня:

– Будешь читать Коран?

– Вы тоже знаете, – сказал я.

И Шерага тут же стал читать Коран. Я заметил, что он немного запутался при чтении сур Ыкылас и Фатиха, а благословение дал на казахском языке. И мне вспомнились случаи десятилетней давности.

...Осенью того года как Шерага был назначен главным редактором газеты «Социалистік Қазақстан», мы выехали в районы по вопросам организации подписки на наше издание. Преодолев Алатау, Шерага сказал:

– Не будем торопиться, давай хорошенько объездим места, где похоронены святые, – предложил он. – Начнем с могил Байдибек-ата и Домалак-ана. После этого преклоним колени перед духами Арыстан-баба, Азрет Султана. На обратном пути посетим Сайрам, где похоронены многие святые.

До этого я мало что знал об этих краях. Неизвестно, кто придумал, но было негласное правило сотрудников из южных областей (в том числе и из Жамбылской области) не посылать в командировки на юг Казахстана. Поэтому родные края для нас были белым пятном. То правило было нарушено только с приходом в редакцию Шерага. А теперь он еще предлагает, не торопясь, объездить святые места. У меня потеплело в груди.

– Не будем забывать и об основной цели поездки! – Шерага поднял вверх указательный палец. – Тебе известно, что большая часть наших читателей живет именно в этих краях?! Нужно притянуть их внимание к казахским газетам и журналам. Где бы ни остановились, будем пропагандировать свою газету, а также все казахские издания. Слова убежденных людей всегда дойдут до сердец слушателей.

Вот так внутренне подготовившись, мы приехали к местам захоронений Байдибек-ата и Домалак-ана. И тут выяснилось, что никто из нас не умеет толком прочитать Коран. В те времена комплексы этих святых людей были простенькими строениями, не то что сейчас. Их трудно было назвать памятниками истории и культуры. Да и зрители здесь не задерживались. Шерага показал, что он старше, и, закрыв глаза, стал еле слышным голосом читать молитву. Я устроился рядом с ним и тоже про себя начал читать молитву, как умел.

– Вообще-то нужно выучить Коран, – сказал Шерага, когда мы подошли к машине.

Я не решился сказать, что и ему надо бы как следует выучить несколько сур из Корана. Однако после этого случая по приезду в Алматы, а потом и когда мы переехали в Астану, Шерага всерьез начал учить Коран. Глядя на него, и я стал заучивать суры из священного писания. Как всегда, Шерага превзошел меня и в знании Корана.

ИМПРОВИЗАЦИИ ОТ ШЕРАГА

С поэтом Утепбергеном Акыпбекулы в Алматы мы встречались редко, приветствовали друг друга кивком головы, однако тесно не общались. Но с переездом в Астану (Агентство по авторским правам прибыло в столицу буквально следом за «Егеменом») мы сблизились, стали часто видеться на различных мероприятиях и торжествах. И во время таких встреч я узнал другие грани Утепбергена: хороший поэт и прозаик оказался еще прекрасным тамадой и певцом.

В одну из встреч он сказал мне:

– Я читаю Ваши рассказы о Шерага. По правде говоря, радуюсь и даже немного завидую. Радуюсь тому, что в последнее время складывается хорошая традиция вовремя оказывать почести людям, которые своим трудом заслужили уважение и почет у соотечественников. Шерага занимает особое место среди такой плеяды деятелей. Мы знаем его как глашатая и принципиального защитника правды, как человека, который будит национальное сознание своего народа. Благодаря этим качествам он вырос из большого писателя до крупного общественного деятеля.

А завидую потому, что не каждый человек решится писать о Шерага. Охватишь одну грань его характера, другая остается нераскрытой. В одно время я взялся было писать о нем, но не смог охватить его образ и оставил эти попытки. А вот Вам удалось найти ключ к теме...

Как-то, когда я находился в командировке, Утепберген оставил в редакции для меня письмо. На одном дыхании прочитав написанное, я позвонил ему.

– Это то, о чем я говорил в прошлый раз, – сказал Утепберген. – Если сочтете нужным, можете использовать в своей книге о Шерага...

– Не станет ли это плагиатом? – пошутил я, зная, что он предложил от чистого сердца.

– Ой, Адеке-ай, – рассмеялся он, – предки оставили нам такие замечательные слова: если сватами становятся бедные люди, между ними будет ходить торба, если сватами становятся богатые люди, между ними будет ходить иноходец. Конечно, мы с Вами не сваты, но у нас родственные души. Так что ничего постыдного нет в том, если между двумя писателями будут ходить бумаги. Тем более что я сам уступаю Вам право на эту публикацию.

Возразить нечего, пришлось принять дар. В номере газеты «Түркістан» за 24-30 сентября 1999 года новелла Утепбергена Акыпбекулы была опубликована без изменений.

I. Неимоверно тяжелые слова на клочке бумаги...

На торжества в честь Суюнбая из Алматы в аул акына прибыла группа поэтов и писателей во главе с Шерага. Как известно, поэты и писатели – люди вольные, не считаются со временем. Но сверху поступило распоряжение собрание провести оперативно, уложившись в отведенное регламентом время. Ведущий собрание Шерага сумел выйти из этого положения.

В приподнятом настроении он едва отпил хорошо заваренного чаю, как назрел небольшой скандалчик. Известный поэт Хамит Ергалиев стал выражать недовольство, что ему не оказывают достаточно почестей, мотивируя свое раздражение тем, что он является давним зятем этому аулу. Дальше – больше. Вспомнил, что он играл роль Суюнбая в фильме о Шокане, и начал предъявлять требования.

И тогда Шерага на листочке бумаги написал четверостишие и всучил в руки Хамиту:

О, Хама, ты приехал к родственникам жены,

И стало людям известно твое положение...

Не хама, Хама, хоть ты и зять,

Лучше попей чаю всласть!

Хамеке сразу же почувствовал тяжесть слов на клочке бумаги и сокрушенно ударил себя по бедрам:

– Кап-ай!

II. Надо помыть руки...

Супруга известного акына Ануарбека Дуйсенбиева Рабига-апай, много лет проработавшая в «Қазақ әдебиеті», вышла на пенсию. Она накрыла прощальный дастархан. Коллеги стали шумно рассаживаться за столом. И тут кто-то напомнил:

– Помойте руки, чтобы лишний раз не вставать.

– А... да, недавно... с кем же я поздоровался за руку... Нельзя не помыть руки после этого, – с этими словами Шерага неспешно прошел к умывальнику...

III. Автограф

На первой странице «Книги почета» республиканского журнала «Жалын» («Пламя») для пожеланий почетных гостей есть два автографа:

«Жалын» – жалында! («Пламя» – разгорайся!) Ш. Айтматов. 26.09.87 ж.».

«Цензураға бағынба! (Цензуре не подчиняйся!) Ш. Муртазаев. 26.09.87 ж.».

IV. Красный бий

Алашбай Есмаганбетов, ведущий рубрики «Қожанасыр қоржыны» на 16-й полосе «Қазақ әдебиеті», внезапно был освобожден от работы. И на его месте никто не мог закрепиться. На каждой планерке Шерага безжалостно критиковал недостатки «қоржына», не находя для него добрых слов. Поэтому однажды было принято решение принять на работу сатирика, который смог бы улучшить 16-ю полосу.

Все задумались: «Кого же можно взять на такую работу?» И тогда Шерага, усмехнувшись, протараторил:

– Я был в горах... Тамошние: «Тот, который больше другого, кто он?..» – «Верблюды». – «Та, которая больше другой, кто она?..» – «Кобылица». – «Та, что чернее многого, что это?..» – «Сажа». – «То, что краснее Сайымжана?..» – «Вишня...»

Как думаете, потянет эту ношу Красный бий? – Шерага вопросительно обвел взглядом коллег.

Красный бий, о котором говорил Шерага, это писатель-сатирик Сайымжан Еркебаев, известный под прозвищем Черный парень, представленный загадкой разнообразных имен...

V. Каверзные вопросы...

До нас доходили слухи о том, что Шерага, обходя кабинеты газеты «Қазақ әдебиеті», задавал подчиненным сотрудникам каверзные и шуточные вопросы

устраивал соревнование в шутках. Однажды он заглянул в кабинет критика Ауеза Бейсебаева.

- Ауез, сигареты есть? – спросил он.
- Я бросил курить, – засуетился в ответ Ауез, но головы от стола не оторвал.
- А сто граммов? – не отставал Шерага.
- Тоже бросил, Шерага... – еще больше засуетился Ауез.
- А насчет девушек, женщин ты как? – критически посмотрел на него Шерага.

И тут, собравшись с духом, Ауез выпалил:

- Ой, Шерага, оказывается, отказавшись от одного, лишаешься всего!
- Довольный Шерага улыбнулся и молча вышел из кабинета.

VI. Когда в кармане пусто

Не отпуская руку поэта Жуматая Жакыпбаева, Шерага хитро спросил его:

- Вот ты почему не женишься на токал?
- Оу, Шерага, думаете, на это у меня ума не хватает? Денег не хватает! – развеселил Жуматай старшего брата.

* * *

Утепберген тоже ушел из жизни. Кажется, он не болел особо. У хорошего человека и смерть хорошая. Умирая, он не стал для родных обузой. Семья, друзья достойно проводили его в последний путь. Слава Богу, Утепберген оставил после себя добрый след, дети и внуки растут хорошими людьми. Одну его дочь часто вижу в Астане. Кажется, работает в канцелярии Президента, под началом М. Касымбекова. А поклонники до сих пор с упоением читают его произведения. Значит, имя его не погаснет.

КТО СОВЕРШАЕТ ХАДЖ?

Один известный коллега из нашей редакции перед празднованием Наурыза совершил хадж. Шерага сказал, что пойдет поприветствует его, и я увязался за ним.

В кабинете у коллеги после взаимных приветствий Шерага повернулся ко мне и спросил:

- Адил, а когда мы с тобой совершим хадж?
- Если повезет, съездим еще, – ответил я, почувствовав неловкость от такого вопроса. Тут же мне вспомнилось, что Шерага однажды был включен в список тех, кто должен был поехать в Мекку и Медину. Тогда он еще руководил газетой «Егемен Қазақстан». И сказал: – Кстати, Вы когда-то, говорят, отказались от такой поездки.
- Значит, не забыл еще, – слегка улыбнулся Шерага и легко поднялся с места.
- Все, пора идти к себе, чтобы не мешать работать. У ежедневной газеты дел невпроворот, – сказал он, пожал руку хозяину кабинета и направился к выходу.
- Вы зря так сказали, – сказал я, выйдя следом за ним.
- Что я не так сказал?
- «Когда мы с тобой совершим хадж?»
- А что тут такого?
- Получилось, будто я говорю Вам о своих намерениях, прошу Вас решать мои вопросы...
- Не пойму, что ты так нервничаешь, будто поцеловал чужую жену, – сказал Шерага, по привычке переводя разговор в шутливое русло.

– Ну Вы и скажете, ага, – я закрыл рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос, – люди ведь могут принять Ваши шутки за правду. Например... – И я не спеша рассказал о случае, имевшем место в прошлом году.

Самый старший из наших коллег Мамадияр Жакып, также вернувшись с очередного хаджа, накрыл стол. Говорю очередной, потому что такие поездки вошли в нашу жизнь несколько лет назад. Руководство Саудовского Арабского Королевства в целях широкой пропаганды нашей религии в мусульманских странах СНГ стало выделять средства для паломничества в Каабу и для журналистов. Такого почета в нашей стране удостоилась газета «Егемен Қазақстан». Поэтому от нашего коллектива ежегодно в Мекку ездил один журналист. За дастарханом, накрытым Мамадияром Жакыпом, руководитель редакции сказал, что отныне в Мекку от нас будем посылать только таких сотрудников как Маке, ветеранов, которые достигли или вот-вот достигнут возраста нашего Пророка. При этих словах он посмотрел на меня. Оказалось, что после Маке только я близок к возрасту Пророка. И взгляд руководителя давал повод надеяться, что следующим в Мекку от редакции поеду я. Однако надежды оказались напрасными: когда дело коснулось конкретного решения, паломником стал другой человек...

Шерага внимательно выслушал меня и похлопал по плечу:

– И что в этом такого? Я же не спросил, почему ты не поехал. Я спросил, когда мы с тобой совершим хадж. Так с чего ты чувствуешь неловкость? Жизнь ведь меняется ежедневно.

Затем, будто что-то вспомнив, он продолжил:

– Кстати, вы тоже стали акционерным обществом, Сауытбек какой по счету твой начальник?

– Одиннадцатый.

– Одиннадцатый, говоришь?

– Да, одиннадцатый начальник, – обрадовался я тому, что Шерага сменил тему разговора.

– Тогда при ком ты сюда пришел?

– При Усебаеве.

– М-м, Кенес Усебаев... После него кто был? – продолжал допрос Шерага, будто забыл.

– Усебаев, Багаев, Байжанов, Кыдырбекулы, Дуйсеев, Вы, Кекильбаев, Оразалин, Калижан, Смайыл...

– Значит, с Абдрахмановым одиннадцать, – сказал Шерага, считая на пальцах. – Ой, Архари, я же говорил, что редакция уже давно должна поставить тебе памятник. Я не отказываюсь от своих слов.

– Спасибо, Шерага, за комплимент.

– Эй, какой комплимент?! Я серьезно говорю, – сказал Шерага, нахмутив брови. – Не каждый человек сможет столько лет проработать на одном месте. К тому же столько раз менялось руководство. Ведь каждый из них, как и мы, имеет свой характер, взгляды на жизнь, на людей, у каждого свои требования к подчиненным. И со всеми ты нашел общий язык, со всеми сумел наладить творческие отношения, это о многом говорит...

– Спасибо, ага, за такую оценку моему скромному труду...

– Ну, вот так и должно быть, – сказал Шерага тепло, – все нужно воспринимать с благодарностью. Главное – здоровье, тогда все будет хорошо. Вот ты сказал «Вы отазались от поездки на хадж». Не я отказался, а врачи не разрешили поехать. В то время мне нездоровилось. Так они запретили лететь самолетом. Вполне возможно, что так было угодно Богу. Потому что после того сколько летал самолетами, и ниче-

го. Несколько раз бывал за границей. И в арабских странах довелось побывать. Но хадж – это совсем другое дело. Если позволит здоровье, и звезды будут благоволять, то и Мекку с Мединой посетим. Пусть будет милостив Аллах! Пророк Мухаммед (да благословит его имя Аллах) говорил: «Посвящение одного дня на пользу людей именем Аллаха превосходит тысячу дней оразы и тысячу вечерних молитв». Вот мы с тобой, господин Адил, разве не трудимся ради блага своего народа?!

Пусть ангелы услышат Ваши слова, Шерага!

СТАРЫЙ ВЕРБЛЮД ХОДИТ ЗА ВЕРБЛЮЖОНКОМ

– Ты дома? – позвонил однажды Шерага.

– Да, дома, – ответил я, зная, что за этим вопросом кроется другой вопрос: «Ты свободен? У тебя нет срочных дел?»

– В бильярд сыграем?

– Сыграем, – обрадовался я, – сейчас зайду в редакцию и узнаю, открыта ли сауна.

(Наш бильярдный стол находился внутри, а ключи от сауны молодой кочегар Мурат часто уносил с собой.)

– Уай, этот бильярдный стол, где шары тяжелые, как гири, и сукно влажное? – сказал Шерага недовольно. – На таком столе никакого удовольствия не получишь от игры. Может, поищем что-то получше?

– Но для этого... – замялся я.

– Карман не потянет, хочешь сказать, – как всегда пошутил Шерага. – Есть же у тебя богатые друзья, скажи кому-нибудь из них...

– Ой, сейчас созвонюсь с Куаньшем.

– Перестань! Что ты будешь раз за разом мучить этого бедолагу! Он и в прошлый раз раскошелился, когда возил нас в «Классик».

– Не обеднеет, если изредка будет возить сверстника и старшего брата в клуб, – возразил я.

– И все же неудобно, – сказал Шерага, – не беспокой его. И ваш бильярдный стол сойдет. Сходи узнай, если открыто, дай знать.

Уже через полчаса мы с Шерага на редакционном бильярдном столе, на котором «шары с детскую головку, кии с чабанскую палку» (это тоже сравнение Шерага), вовсю старались обыграть друг друга. В игре он менялся, как мальчишка, радовался, если шар попадал в лузу, по-детски огорчался, если не мог его забить. При этом не уставал сыпать шутками, вспоминать разные смешные истории. И вдруг он неожиданно сказал:

– Какое громкое название – «Егемен Қазақстан», а не можете поставить нормальный бильярдный стол. Что это – шары, как гири для весов, тяжелые, не катаются; лузы, как змеиная нора, узкие, шары с трудом протискиваются.

– Вы бы эту критику высказали руководству.

– А ты чем хуже их? – Шерага поднял вверх кий и вопросительно посмотрел на меня. – Все при тебе: и стаж, и авторитет. Ты же чуть ли не с пеленок работаешь в этой газете. Кого они должны слушать, если не тебя? Почему не подскажешь им, что нужно новый стол купить?

– Но есть одна причина, про которую Вы сами говорили...

– Что за причина?

– В давние времена собака и кошка жили вместе с хозяином, – стал я пересказывать ему анекдот, который слышал от него. – Собака всю ночь лаяла, охраняя дом и хозяина. А кошка только и знала, что все время спала. Однажды лай собаки

надоел хозяину, и он выгнал ее из дома. С тех пор она стала жить на улице, лежа перед дверью.

– Это я тебе рассказал?

– И не Вы ли рассказывали и о том, что «старый верблюд ходит по следам верблюжонка»...

– Нашел, как уйти от ответственности! – рассмеялся Шерага.

Как говорится, «если шутка уместна, веселись с дедом». Так и мы с Шерага порой обменивались сокровенным и шутили. Пусть Аллах не лишает нас такого общения!..

БЕУ, БРАТЬЯ!

Если выдавалось свободное время, Шерага тотчас уезжал в сторону Тараза. Не останавливаясь в городе, он ехал в Жуалы, дышал насыщенным кислородом воздухом. И я всегда думал, какая сила тянет его туда – тоска по родной земле или братские чувства к родичам.

В ауле кроме родного младшего брата Батырхана живут и другие многочисленные родственники, которые, узнав о приезде Шерага, стараются во всем угодить ему. На первый взгляд, Шерага ко всем родственникам относится одинаково уважительно, тепло. Однако со временем становится ясно, что Батырхан в его жизни занимает особое место. В их отношениях есть нечто большее, чем кровные узы.

Батырхана читатели знают по автобиографическому роману Шерага «Ай мен Айша». Но я его знаю лично. Видел, как они общаются между собой. И невольно задумываюсь о взаимоотношениях между родственниками. На ум непроизвольно приходят сравнения, каковы были эти отношения в прошлом веке, и каковы они теперь. Такие ли сейчас отношения между братьями, как между Шерага и Батырханом? Не знаю, как ответить. Потому что есть сомнения. Если честно, то мне кажется, что в нашем детстве отношения между людьми были чище, доверительней, а между братьями существовала невидимая связь, которая не давала им бросить отчий дом. Почему теперь ослабла связь между родственниками, почему она становится жесткой? Общество в этом виновато или сами люди?

Кстати, о детстве. В шестидесятых годах мы приехали в Алматы с мечтой получить образование. И почти половина из нас были безотцовщиной, как и Шерага. Вот они говорили: «Погибшего на войне отца мне заменил старший брат, который направил меня на учебу». Правда, Шерага на учебу проводил младший брат Батырхан. В то время была еще жива величественная мать – Айша. Но ведь впоследствии Батырхану помогал и всячески поддерживал его именно Шерага. Этому свидетели Бог на небе и родственники в ауле.

...В годы учебы в университете в прежней столице нам рассказывали историю одного писателя, которого мы почитали: он поссорился с младшим братом-ученым, а затем и подрался. Дело дошло до того, что они видеть не могли друг друга, поэтому разъехались в разные города. Для нас было дико слышать такое про взрослых людей, тем более родных братьев. В душе мы даже жалели их... Но теперь понимаем, что наши переживания были рождены юношеской впечатлительностью. Со временем мы повидали больше жестокости в отношениях между родными людьми.

Однажды в местной вечерней газете (в то время вечерние газеты не выходили на казахском языке) мы прочитали статью под кричащим заголовком. В ней речь шла о том, что один наш соотечественник застрелил своего старшего брата. В те же годы произошла еще одна трагедия, потрясшая Алматы, когда старший брат в пьяном угаре застрелил родного брата только за то, что ему не по нраву пришлись

слова младшего. В суде он попросил для себя смертной казни. Но что толку от этого? Родители потеряли двоих сыновей.

Если эти трагедии случились по вине алкоголя, то позже причиной подобных кровавых событий стали еще и наркотики. Если человек от алкоголя теряет рассудок, то наркотики отравляют весь организм. Алкоголизм еще можно вылечить, а наркоманию навряд ли. Наркомана может исправить только одно – могила. Но пока он попадет туда, скольким людям может испортить жизнь?! Теперь кровавые разборки случаются не только между родными людьми, но и между родителями.

Да, казахи с рождения гостеприимный народ. Особенно тесны братские связи близких людей. Можно вспомнить тысячи случаев, когда люди готовы были пожертвовать собой ради спасения ближнего своего. Наверняка все знают легенду, которая стара, как мир. В далекие времена казахские воины попали в окружение врага и понесли невосполнимые потери. В живых остались только трое: два брата-батыра и единственный сын старшего из них. Они не в силах были сопротивляться. Враг превосходил их числом. Но и в плен попасть им не хотелось. Что делать? Тогда старший брат посадил к себе на коня младшего брата и вывез его из окружения, оставив сына. Так говорит народ.

Это ярчайший пример братских отношений между людьми. Да, сын плоть от плоти человека. Но в критический час испытания человек выбирает брата. Братья всегда трепетно заботились друг о друге. Лучше бы заноза, что впилась в твою пятку, вонзилась мне в лоб, говорят они. Лучше я умру, чем оставлю тебя в беде, говорят они. А чтобы оставить врагу сына вместо брата, нужна огромная сила воли, всепобеждающая любовь. Не будь таких отношений, разве в голодные годы младшие сестры отдавали бы последнее зернышко брату, чтобы спасти его от голодной смерти? Или старшие братья выходили бы один на один с врагом вместо младшего брата?

Многие из этих примеров стали легендой, но в их основе лежат реальные события. Народ помнит подвиг Наурызбай-батыра, когда он один бросился на выручку нашего последнего хана Кене, оказавшегося в руках врагов. «Где мой брат, там мое место!» – вот его слова, которые стали правилом для всех казахов.

Но где теперь эти дни и эти отношения? Благодарение Богу, у нас в стране царят мир и добрососедство. Мы получили независимость, о которой веками мечтали наши предки. Стали суверенным государством. Все есть, всего хватает. Не хватает, похоже, только тех братских отношений между людьми, о чем мы говорили. Не секрет, что все чаще слышим о том, что кто-то разругался с родственниками, кто-то судится с родным братом, кто-то проклял своих близких...

«Если братья в ладу – голов много, если невестки в ладу – еды много». Это выражение я слышал от Шерага. Кажется, он услышал это от одного мудрого аксакала и записал в блокнот. Но в последнее время эти слова стали переиначивать, особенно первую часть. Например, в книге «Казахские поговорки и пословицы» написано: «Если братья в ладу – коней много». А правильно «голов много». «Но казахи не имели в виду головы скота, скорее, они говорили о родственниках, о численности рода», – пояснял Шерага. Кто не примет правильные слова? Примешь и покачаешь головой в знак согласия – да, так и есть.

Родина начинается с очага. Так и рост населения берет свое начало с семейного очага. Да благополучие в семье, единство, братские связи влияют на взаимоотношения между людьми. Достаток будет там, где есть взаимопонимание и взаимоуважение. Будет замечательно, мечтает Шерага, если сохранятся сформировавшиеся веками такие традиции, как добрые семейные отношения, почитание родителей, уважение к старшим, опека младших!..

НА ВЕРШИНЕ КАЗЫГУРТА ОСТАЛСЯ КОРАБЛЬ

Девятое ноября девяносто седьмого.

В дневнике записано: «На вершине Казыгурта остался корабль, почему Дон-Хуана убрали с места?» Не успел вспомнить, в связи с чем так написал, как на языке стало вертеться это рифмованное высказывание. Вот она, молодость! Сказал Шерага, а записал я. Но записал как свои слова. Что поделаться с эгоизмом?..

Насколько память не подводит, акимом района в ту пору работал молодой человек Абдурахит Макулбаев. Да, мы взобрались на вершину священного Казыгурта. Вначале на возвышенность вдоль большой дороги мы поднялись на машине, а дальше пошли пешком.

Не помню, сколько времени тащились в гору. Поначалу в группе было немало людей. Но вскоре некоторые отстали. В конце концов, мы оказались втроем – Шерага, я и молодой аким.

– Вот, дошли! – сказал Абдурахит, когда мы поднялись на площадку, на которую мог приземлиться вертолет.

– Уа, священная гора! – воскликнул Шерага, поклонившись земле, и поведал в новой редакции знакомую с детства легенду.

В древности Создатель знал, что на земле случится великий потоп. Поэтому он посоветовал самому близкому человеку – пророку Нуху смастерить огромный корабль, взять с собой семью и по одному паре всех животных и зверей. Случилась величайшая трагедия, и пришла большая вода. Ковчег Нуха, качаясь на волнах, прибил к вершине горы Казыгурт. Через несколько дней вода стала убывать. Все, кто находился на корабле, сошли на землю, и жизнь вновь закипела.

– Такая легенда есть и у других народов, – сказал я, поддержав Шерага.

– Не легенда – истина! – сказал Шерага, повысив голос (горы далеко разнесли эхо его голоса). – Есть сведения, что ковчег пророка Нуха останавливался в трех местах. Это Арарат в горах Кап, Жуда в Арабстане и Казыгурт в Казахстане. Среди них и по научной, и по религиозной версии самой верной является наша земля. Иначе народ не сказал бы: «На вершине Казыгурта корабль остался, Если он не святой, почему остался? Осиротевший ягненок там остался, От него скот Шопаната остался».

– Все верно сказано, – сказал Абдурахит, указывая рукой на раскинувшееся перед нами пустынное плоскогорье. – Иначе кто поверил бы в то, что на вершине этой горы может быть такая впадина. Ни дать, ни взять место, где пришвартовался корабль.

Мы посмотрели в ту сторону, куда указал аким, и мысли понеслись галопом. Если смотреть сверху, то кажется, что это пустынное плоскогорье, подобное перевернутой пиале, создано Божьей рукой. С теневой стороны виднеются две – три возвышенности, но все же западная часть пологая; в середине впадины колышутся то ли яблони, то ли орешники. Начинает казаться, что сошедшие с корабля животные разбредаются по округе.

А дальше обыденная жизнь, которую мы видим каждый день.

На обратном пути мы собрали отставших спутников и поспешили на встречу с читателями в районном центре.

Мы и в прошлом году были в этих краях. Но из-за нехватки времени не поднимались на вершину Казыгурта. Решили, что в следующем году обязательно вернемся сюда и начнем поездку по району с этого священного места. Похоже, наше желание было принято Создателем.

Выступление на встрече Шерага начал и закончил этим. «Казыгурт – священное место для всего человечества, – сказал он. – Мы только что поднялись на вершину горы и поклонились ее величию. Вы должны гордиться тем, что живете в таком святом месте. А также показывать пример другим. Мы побывали во многих местах, встречались с разными людьми, обменивались мнениями. Слава богу, положение людей неплохое, конечно, не сказать, что богатства переливают через край. Но никто не голоден. Боже упаси от духовного голода. Призываю вас подписываться на казахские издания, которые в такое сложное время удовлетворяют духовные потребности народа».

По окончании встречи мы направились к выходу, где к нам подошел молодой человек ростом под два метра и поздоровался с Шерага.

– Я буду Вашим младшим братом Дон-Хуаном, – сказал он.

– Если Создателю угодно, то будешь, – сказал Шерага и окинул его взглядом с головы до ног. – Только не будь Дон-Жуаном.

– Я правду говорю, ага, – ответил молодой человек, будто стесняясь своего роста. – Меня все так называют. Я пришел, чтобы пригласить Вас домой, отведайте угощений с нашего семейного дастархана.

– Спасибо, дорогой, за приглашение, но мы путники. Как говорится, дорога покорится идущему. Поэтому не задерживай нас.

– Когда я находился под следствием, родился мой первый внук, я его назвал Шерханом, – продолжал молодой человек, – пожалуйста, зайдите хотя бы на минуту «плюнуть ему в рот» (аузына түкіру)...

Мы сгрудились вокруг Шерага и ждали, что он скажет. Лицо обычно сдержанного Шерага потеплело.

– Нельзя отказывать человеку, зайдём поздороваться, – сказал он.

Вот в этом вся сущность казаха – одним словом можно его остановить. Уже дома мы узнали, что Дон-Хуана на самом деле зовут Куандык, фамилия Акмырзаев. Оказалось, что он тоже пережил немало трудностей в связи с бывшим «хлопковым делом». Позже все стало на свои места, выяснилось, что Куандык не имеет никакого отношения к этому делу. И его оправдали. Сейчас руководит кооперативом «Кызылкемер» в селе Кызылкия. В коллективе работает около двух тысяч человек.

Когда мы вошли в дом, он обратился к Шерага:

– Ага, я удивлен, что Вы не спросили, почему я оказался под следствием.

– Е, ты меня за следователя принял, чтобы я у тебя об этом спрашивал? – улыбнулся Шерага. – Я писатель. Иногда стихи тоже накачивают. «На вершине Казыгурта остался корабль, почему Дон-Хуана убрали с места?»

Люди громко рассмеялись. Я запомнил это двустипшие. Когда собравшиеся перевели дух и насладились чаем, хозяин дома попросил благословения:

Шерага задумался на мгновение, а затем начал благословение:

– Иа, Алла! Иа, Алла! – дважды повторил он. – Пусть все плохое обходит нас стороной, а хорошее идет навстречу. Если дал жизнь, сделай ее счастливой. Если дал состояние, сделай его неисчерпаемым. Пусть наш труд будет продуктивным, а закрома наполнятся хлебом. Пусть бесчисленным стадам будет тесно на пастбищах. Если дал невестку, пусть будет она красива, если дал дерево, пусть оно будет плодоносным. Если дал скакуна, пусть он будет резвым, если дал детей, пусть они будут благополучными. Хозяин скота Мухамбет, хозяин жизни Хазрет! Примите мои слова благосклонно. Аллаху акбар!

Люди провели ладонями по лицу: «Аумин!»

– Это благословение Бауке, Бауыржана! Я только повторил его, – сказал Шерага и поднялся с места.

РЕКА, КОТОРАЯ ТЕЧЕТ НАОБОРОТ

В горном краю, где родился Шерага, много рек и озер. Кроме знаменитых Аксяя и Коксяя, берущих начало с величавого Алатау и стремительно несущихся вниз, здесь за каждым холмом и пригорком можно найти родники. Какой казах утруждал себя их подсчетом? Кто-то когда-то бросил – их тут тысяча – мынбулак. Вот с этих родников начинаются ручьи, которые сливаются в одну реку. Река вливается в озеро, а озеро сливает горные воды в другую реку, которая поит людей, живущих в низовьях. Кстати, вы когда-нибудь слышали такое, чтобы река вливалась в озеро, а озеро сливало эту воду в реку? Мы не только слышали, а видели это собственными глазами. Природа полна чудес, одним из которых является Терс – река, текущая наоборот.

Терс – благородная река. Такая река может появиться только на чудесной земле, где родился великий человек Шерага. Она наполняет священной водой глубокое озеро Айнаколь, с которым даже моря не могут сравниться. Именно здесь, где встречаются река и озеро, именитые люди Жуалов Ермек и Естемес поставили для нас юрту.

– Шерага, в давние времена наши славные предки жили в таких юртах, – на правах хозяина начал беседу руководитель района Ермек. – Об этом вы, писатели и поэты, лучше нас рассказываете и пишете. Я купил эту юрту у соотечественников, в прошлом году переехавших из Узбекистана. Мы ее ставим только для самых уважаемых людей. Сегодня, как Вы сами недавно сказали в Доме культуры, собрались в честь Адеке. Прошу вас считать юрту своим шаныраком.

– Барекелди! – Шерага всю признательность и благодарность вместил в одно слово.

– Шерага, помните, Ваш шестидесятилетний юбилей мы отмечали на том берегу озера, – сказал Естемес, напоминая о событии десятилетней давности. – Ойхой, это был грандиозный праздник!

– Грандиозный праздник, говоришь! – Шерага поднял голову и усмехнулся: – Насчет этого не знаю, но кое-кого он задел, – и рассказал известный мне случай.

Было это на следующий год после провозглашения Казахстаном независимости. Тогда Шерага исполнилось шестьдесят лет, и его юбилей широко отметили здесь, в Жуалах. Ясно же, как у нас организуются такие праздники. Были поставлены юрты, столы ломились от угощений, проводились различные мероприятия. Словом, вспомнили все старинные традиции и обычаи. Перед самым началом торжества Шерага выехал на белом коне, следом появились Абеке (Абиш Кекильбаев) и Камеке (Камал Смайылов). Втроем они, как наши три бия, проехали по кругу. Кони под стать седокам! Как прекрасно все это выглядело! Собравшиеся громкими аплодисментами встретили это символическое шествие.

Кстати, земляки в тот раз подарили Шерага автомобиль. Соседи, южноказахстанцы, не поскупились и тоже подарили машину. Эти две машины позже стали причиной многих бед Шерага.

Праздник стал обрастать сплетнями и осуждениями. «Как в такое трудное время можно было организовывать пышное торжество?», «Получил несколько машин в подарок», «Людей им не жалко, и откуда только деньги берутся для таких торжеств?» – перешептывались злопыхатели. Похоже, такие разговоры имели место даже в Парламенте, где он тогда был депутатом.

– Особенно за живое меня задели слова русского депутата, который сидел рядом со мной. Он говорил, будто сперва подумал, что юбиляр – один из писа-

телей, а оказывается, этот человек из наших рядов. И стал настаивать, чтобы этого юбиляра осудили, наказали и всякое такое. Я не выдержал и вскочил: «Если ты желаешь снести ему голову, попробуй, это был я!» – Шерага громко повторил свои слова, сказанные на заседании Парламента. Акбилек, Дарига и другие женщины вздрогнули от неожиданности. Шерага, заметив их испуг, снизил обороты. – В зале наступила тишина. А тот бедняга чуть под стол не упал, глазами заморгал. Глядя ему в лицо, я продолжил: «Что, я не имею право проводить торжество? Или депутаты не должны участвовать в таких мероприятиях? Скажите, в какой статье какого закона так написано? Если хотите знать, я был категорически против празднования моего шестидесятилетия. Но народ настоял. И юбилейные мероприятия организовал и провел мой народ! На это ни копейки государственных денег не потрачено. В народе говорят: «Той – сокровище Создателя». Казахи так сказали много веков назад. Следовательно, я не могу пойти против традиций и обычаев предков. Пусть приумножаются богатства казахов!..»

Шерага, окончив рассказывать, посмотрел на собравшихся.

– Очень правильно сказали! – поддержал его Естемес, который в то время возглавлял район и был одним из виновников того торжества. – Казахи говорят: «Были времена и похуже, но мы все равно ходили на праздники». Конечно, не сравнить то время с сегодняшним днем. Ойпырмай, за десять лет как далеко вперед мы шагнули!

– Мы видели много торжеств, но Ваше шестидесятилетие праздновалось по-особенному. Чего только стоит полет на вертолете?! – сказал я, решив успокоить Шерага.

– Кстати, это тоже стало поводом для пересудов! – вновь завелся Шерага. – Это же был вертолет, на котором прилетел Тохтар. Помнится, Аубакиров тогда работал в Государственном комитете обороны. Увидев собравшихся детей, он посадил их в вертолет и сделал круг над нами. В этом ведь вся сущность казахов! Этот поступок Тохтара тоже стал причиной для пересудов, что он потратил сотни тысяч тенге на аренду вертолета. Пришлось ответить и на эти обвинения.

Когда речь зашла о скудости и недостатке, бедности и изобилии, Елен Алимжанов приоткрыл еще одну тайну:

– Мы устали в день празднования юбилея Шерага и под самое утро легли отдохнуть в юрте. Не знаю, сколько пролежал, но меня разбудил шум на улице. Открыл глаза и увидел, что уже полдень. Переступая через лежащих людей, направился к выходу. Не нашел обувь, которую снял возле дверей. Совершенно новая обувь была, так что пожалел, что ее лишился. Делать нечего, в одних носках направился к группе людей, стоящих поодаль. Смотрю, на зеленой траве лежит человек. В одной руке бутылка только появившегося в то время коньяка «Наполеон». Наполовину пустая бутылка. В другой руке авоська, полная обуви. Бедняга, наверное, споткнулся, упал и там же уснул. От алкоголя, как говорится, и вреда, и пользы немало. Наворовал, напился и сам себя сдал. Каждый стал искать то, что ему принадлежит. Я тоже потянул авоську. А в ней мои новехонькие туфли. Я тотчас обулся. Народ хохочет, а мне не до смеха, чуть босиком не остался.

– И в самом деле время тогда было трудное, нехватка ощущалась во всем, – рассмеялся Шерага. – Да, было время, когда в магазинах хоть шаром покати. Слава богу, пережили ту смутную пору. Положение выправляется. Главное, люди сыты, в обществе мир и согласие. Недалек тот день, когда мы станем зажиточным народом. Важно, чтобы казахи были живы и здоровы!..

Мы все про себя поддержали пожелание Шерага.

ТЫКВЕННЫЕ СЕМЕЧКИ

Едва мы начали игру в бильярдном зале астанинского ресторана «Акку», как к нам несколько раз подбежал смуглый парень, то ли узбек, то ли турок, в белом переднике, предлагая чай.

– Принеси, – согласился Шерага, когда устал от назойливости молодого человека. – Принеси, только зеленый чай.

– Сию минуту! – обрадовался парень и быстро исчез. Не успели мы переглянуться, как он влетел в зал с подносом в руках, а на подносе белый чайник с зеленым чаем и орешки на тарелке.

– Расчет сразу, – сказал он, ставя поднос на столик.

– Сколько? – спросил Шерага, вытаскивая из кармана тысячу тенге.

– Три тысячи!

– Сколько? – громко удивился Шерага.

– Три тысячи тенге, ага, – так же громко ответил тот, видимо, думая, что Шерага не расслышал. – Чай – восемьсот, орешки – полторы тысячи, а также услуга, итого три тысячи тенге.

– Пропади пропадом такая услуга, – сказал Шерага, поочередно глядя то на него, то на меня. Но делать нечего, сунул руку во внутренний карман и вытащил еще две тысячи.

Я сделал вид, что ничего не заметил, и отошел на другую сторону бильярдного стола.

У Шерага игра не пошла: он проиграл подряд три партии. Акселеу говорил, что если нет настроения, то лучше не играть в карты, непременно проиграешь. Похоже, тот молодчик капитально подпортил настроение Шерага.

Будто прочитав мои мысли, он повернулся ко мне:

– Слушай, этот проныра нас не провел?

– Кто? – откликнулся я, сделав вид, что не понял.

– Этот сарт, который продал чай.

– Не знаю, сейчас чай дороже вина.

– Да что там чай, – сказал Шерага, – земляные орехи и семечки по карману бьют. Вот коварный пройдоха, умеют они дурить людей. Нам это не дано. Впрочем, ты знаешь, как Кожанасыр продавал семечки?..

– Что за семечки? – спросил я, чтобы поддержать беседу.

– Тыквенные семечки.

– И как он их продавал?

– Поджарив, он понес их на базар, – Шерага хитро сощурил глаза. – Разложил по три – четыре штуки и поставил цену за каждую кучку по дильда (в старину золотая чеканная монета). «Кожеке, не слишком ли много хочешь?» – спросил один знакомый. «Вовсе нет, даже за дешево отдаю», – ответил Кожанасыр. «Они у тебя особенными свойствами обладают, чтобы так говорить?» – не переставал интересоваться тот. «Разве ты не знаешь? – удивился Кожеке неосведомленности знакомого. – У этих есть отличительная от других семечек особенность. Кто их пощелкает, тот вмиг становится умным». Знакомый решил на месте проверить, насколько прав Кожеке, купил целую жменю семян и стал жевать. А потом задумался: «И зачем я за один дильда купил три – четыре семечки, когда могу за полдильда купить целую тыкву, а там семечек пруд пруди». И тогда Кожеке говорит ему: «Вот видишь, сразу поумнел, едва попробовал моих семечек», – Шерага весело рассмеялся.

Видя, как быстро преобразился Шерага, который только что был чернее тучи, а теперь весело шутит, я облегченно вздохнул.

РАВНОДУШНЫЙ ЧЕЛОВЕК – УЩЕРБНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Стало традицией, что Шерага каждый трудовой отпуск проводил в родном краю. Изредка брал путевку в санаторий или на курорт, но с трудом отдохнув там две недели, потом все равно уезжал в родной Жуалы.

Услышав, что он вернулся из очередного отпуска, решил его навестить и приехал в красный дом в Астане, где жили депутаты.

Дверь открыл сам Шерага. Акбилек-женгей делала уборку в доме. После взаимных приветствий Шерага предложил сходить купить газеты и журналы, и мы незаметно вышли из дома.

– Аул все еще твердо не встал на ноги, – начал рассказывать Шерага. – Не уменьшается число тех, кто бросает село и бежит в город. Сейчас в нашу жизнь ворвалась такая зараза, как глобализация. Неясно, кто от этого выиграет, а кто проиграет. Если бы Всевышний хотел этого, он в самом начале создал бы человечество как одну расу, дав ему один язык. Чего много в мире – птиц много. Каждая поет по-своему. Мир этим и прекрасен. А представь себе, что они все запели на один лад, разве это интересно?

Шерага на мгновение задумался, а потом продолжил:

– Я постарался раскрыть эту тему в продолжении «Писем Камалу», которые опубликованы в «Егемене». Но меня беспокоит еще одна проблема. Это равнодушие людей. Несколько лет назад, побывав в ауле и отдохнув там, я написал о том, что «в людях есть какой-то страх, они с настороженностью смотрят в будущее». Ты, может быть, помнишь, материал был опубликован в нашем «Егемене». Боюсь, что теперь сельские жители безучастно смотрят на изменения и новшества, которые происходят вокруг...

Этот разговор заставил меня задуматься. После каждой встречи, интересных и поучительных бесед с Шерага я всегда вспоминаю родной аул.

Родной аул! Где бы мы ни находились, наше сердце всегда с тобой. Беспокоимся за тебя. Правда, в последние годы не удается часто приезжать в аул. Не от того, что нет желания ехать, а от того, что времени не хватает. А так родной край днем заставляет думать о себе, а ночью снится (это тоже слова Шерага).

В одну из последних поездок у меня тоже упало настроение, вернулся в смятении. Нет, не сказать, что аул совсем поник, просто я заметил, как говорил Шерага, безразличие в глазах и словах соседей. И это больно ударило по сердцу. На улице встретил четверых или пятерых старых знакомых (интересно, что односельчане в последнее время стали ходить такими группами). После скудных слов приветствия они так же немногословно пробормотали: «Е-е, чего говорить-то, работы нет, вот бродим бесцельно, убиваем время». И сделали вид, что торопятся куда-то.

– Вот так и живут, – сказал осуждающе мой младший брат, когда соседи отошли немного. – Собираются кучками, в карты играют, водку пьют. В один день собираются в доме одного, на следующий день у другого. И никому до них дела нет, никто никуда не посылает, не дает поручений, как прежде. А сами они не проявляют инициативы. А так для желающих всегда работа найдется...

Да, это просто отговорки, что сейчас в ауле нет работы. Даже если кто остался без земли, у него ведь есть приусадебный участок! Не верится и тому, что нет скота. Каждый сам должен решить, овец будет держать или коров. Никто ведь не запретит заниматься делом. Напротив, правительство ведь говорит – увеличивайте поголовье скота, приумножайте свои богатства. Но мало тех, кто прислушивается к таким призывам. Почему? Опять мы вынуждены признать лодырничество и пассивность соотечественников.

Стыдно говорить, но нам довелось погостить у одного дальнего родственника. Вижу, стол беден. Черствая булка и сахар-песок. Сливочное масло – магазинное. «Женеше, вы держите корову?» – спросил я как бы между прочим. «Откуда! – в свою очередь удивленно отвечала хозяйка. – Кто же за ней смотреть будет? Твой брат, что ли? Так он ничего не умеет делать. Дети сами по себе. А я день и ночь в школе занята. Так кто же будет ухаживать за ней?..»

Хорошо, ее слова можно принять как серьезную причину. Но в ауле много таких кто живет на готовеньком, а когда дело доходит до работы, стараются не попадать на глаза. Допустим, трудно ухаживать за коровами, доить, взбивать масло, но есть ли в ауле женщины, которые дома пекут хлеб? Наверяд ли. Все ждут, когда в магазин завезут заводской хлеб и проводят время за пустыми разговорами. Хорошо, если хлеб завезут. А если нет, дети останутся голодными? Но больше всего жаль впустую потраченное время.

А ведь можно же это время посвятить полезным делам! Например, почему на пустующих приусадебных участках не посадить фрукты и овощи? Ведь не секрет, что казахские семьи, особенно в селе, мало потребляют витамины. Отшучиваются, что «в мясе все есть». Но и это пустые слова. Мы не можем поверить, что соотечественники вдосталь каждый день потребляют мясо. Зимой согым покупают, да и то не все, многим он не карману. А летом режут редкую скотину только по большим торжествам или когда приезжают уважаемые гости. А в остальное время перебиваются с черного хлеба на черный чай. А из-за нехватки витаминов сколько наших парней признаются непригодными к армейской службе?! Врачи связывают болезни старших с некалорийной пищей.

Похоже, полусонное апатичное житие присуще не только моим односельчанам. Есть полная уверенность, что так живет большинство казахов. Недавно в редакцию приехал один старец из Жезказгана. «Мы живем на отшибе. Воровство процветает. Скоро во дворах скота не останется», – пожаловался он. «И что мы должны сделать по-вашему?» – удивились мы. «Пишите, говорите, пусть милиция защищает нас», – ответил он. «Аксакал-ау, если вы живете на отшибе, воры не приедут к вам издалека. Да и полиция не может день и ночь сторожить ваш скот. Почему сами не защищаетесь? Конечно, не все соседи воры, но ведь и вы должны принять меры к охране скота». «А-а, действительно, можно самим принять меры», – удивился наивный старик из дальнего села.

Давненько и в жамбылской стороне случилась подобная история. В итоге ветераны аула и района сели на коней, вышли на ночные дежурства и навели порядок, приструнив местную молодежь. Было бы замечательно, если бы эту практику переняли и в других аулах. В принципе мы очень восприимчивый народ. Научились пить водку, оставив далеко позади тех, кто принес с собой привычку начинать и заканчивать дела алкоголем. Возьмите любой аул. Сейчас много тоев. Не говоря о свадьбе, шилдехане, дне рождения, частное приглашение гостей в дом сопровождается обильным потреблением водки. Современный казах может продать последнего коня, чтобы дастархан заставить несметным количеством спиртного. Будто этого мало, теперь и на похоронах стали водку наливать. А если умирает долгожитель, то похороны превращаются в большое веселье. К великому сожалению, не найдется ни одного человека, который остановил бы этот шабаш, призвал бы соотечественников к порядку. Никто не крикнет: «Эй, люди, что вы творите, в мусульманских законах нет такого беспредела, остановитесь!» Напротив, поддерживают: «Ладно, пусть поступает, как хочет».

Про все эти пороки пишу не для того, чтобы унижить, показать народ, соотечественников, большая часть которых живет в ауле, какими-то ущербными,

неприспособленными к жизни людьми. Напротив, хочется пробудить их честь и достоинство, чтобы они приучали детей к замечательным обычаям и традициям нации. В сельской местности немало аксакалов, которые, как жамбылские ветераны, воспитывают молодых людей конкретными делами и назидательными словами. Они являются инициаторами таких нравственных начинаний, как проведение безалкогольных торжеств, оказание помощи молодым семьям, создание коллегии биев, формирование советов ветеранов, организаций по охране природы краеведов. Привлекают местное население к работе в подобных общественных организациях. И в таких аулах здоровый образ жизни становится правилом, а молодые люди избавляются от вредных привычек, приучаются к труду. И чтобы мы как независимое государство быстрее вошли в число цивилизованных народов, нужно первоочередное внимание уделять решению именно таких проблем. Для этого наши соотечественники должны избавиться от лодырничества и обогащать национальное состояние достатком в каждом доме, в каждом ауле. А достаток невозможен без ежедневного труда.

Казахи считали увечными неспособных делать добро не только простым согражданам, но и духовным наставникам. Отчего сейчас они превратились в малодушных людей, которые безучастно наблюдают за происходящими событиями, говоря «моя хага с краю». «Безучастного за человека не считай, осла за животное не считай» – так народ приравнивал их к самой поганой скотине. «Даже если лишишься природы, не лишайся традиций» – гласит народная мудрость. Если мы сумеем сохранить традицию «старшему – почет, младшему – уважение», то среди народа будет меньше равнодушия, а больше созидательности, как у наших отцов.

Да, равнодушный человек – ущербный человек. И вот эта проблема не дает покоя и Шерага. Ущербность не физическая, а духовная. А это очень опасно. Вспоминаются слова одного мудреца древности: «Не бойся друзей, самое большое – могут предать, не бойся врагов, самое большое – могут убить, бойся равнодушных, они не убивают, не предают, но все плохое в жизни, то есть убийство и предательство, происходит с молчаливого согласия таких равнодушных, безучастных ко всему людей». Как точно сказано! Что еще можно добавить к этому? По-моему, ничего!

ПРЕКРАСНЫЙ ДОМ В ТАЛАПТЫ

Шерага был вынужден приехать в дом родителей моей снохи Анар, сватов Ермака и Нильзии в Сарыкемере. В районном центре состоялся творческий вечер в честь моего шестидесятилетнего юбилея. Затем гости собрались за небольшим дастарханом. Встав из-за стола, Шерага засобирался к себе в Жуалы. Однако мои сваты настояли, чтобы он стал гостем в их доме.

– Шерага, Вы гордость казахского народа, – сказал обычно немногословный и сдержанный в эмоциях сват Ермак. – Вы не только впитали в себя наставления тюркских каганов, но и неустанно пропагандируете их. Ваши труды никогда не будут забыты. С Вашими книгами мы встречаемся каждый день. Где есть казахи, есть Вы. А где есть Вы, мы всегда будем рядом. Вас трудно завлечь в гости, но в этот раз Вы специально приехали на торжественный вечер моего свата. И разве сможете уехать просто так, не побывав в доме его родного свата?! Да и мы Вас не отпустим, не угостив чаем.

Шерага был вынужден согласиться.

Стояли последние жаркие дни июля. Но на нарах под диким виноградом веяло прохладой от воды протекающего рядом арыка. Все располагало к приятной беседе.

– Ермек, ты сам построил этот дом? – спросил Шерага, разведя руками.

– Нет, Шерага, купили.

– У немцев?

– Да, у переехавших на родину немцев, – ответил Ермек, удивляясь пронизательности Шерага.

– Оно и видно, у нас в Жуалах таких домов много, – сказал Шерага и стал нахваливать немцев. А затем вздохнул: – Эх, если бы эти качества были присущи казахам, мы бы давно стали жить припеваючи.

Все познается в сравнении. Спустя два – три месяца после того как торжественно отметили семидесятилетие Шерага в Астане, Алматы и Таразе, нам выпала дорога в его родной аул. К нашему приезду наконец достроили дом для него. Конечно, мебелью не заставлен, но внешне очень красивый двухэтажный дом. Поставлен на окраине села. Большой участок, на котором посажены яблони и ели.

– В наших краях виноград не растет, – сказал Шерага, заметив, с каким интересом я разглядываю огород. – Вообще-то растет. Но требует особого ухода. Но разве казахи станут копошиться? Чтобы не утруждать себя, придумали байку, будто не растет. Я повторяю их слова. Иначе я бы вырастил виноград, как твой сват... Я помогал посадить все это, – продолжил Шерага, разведя руками. – Особенно много труда вложил вон в те ели. Можно сказать, что в каждой из них есть тепло моих рук. Оказывается, это очень капризное дерево. За исключением некоторых пород, они не терпят ни жару, ни холод. Поэтому я лично подыскивал только те породы, которые способны выдержать капризы жуалынской погоды. Ровно сто штук. Потом будете рассказывать, что это сто деревьев, посаженных и выращенных Шерага!..

Какая дальновидность! Есть люди, которые думают, что при желании Шерага мог построить дом в Алматы или Астане, и в Таразе тоже. Однако он почему-то решил строиться, так сказать, на отшибе, в ауле.

А я вот думаю, что на свете нет человека умнее, чем наш Шерага. Построив прекрасный двухэтажный дом в Талапты, посадив на просторном участке сотни деревьев, он тем самым поставил вечный памятник своим предкам, старшим братьям Турару и Бауыржану!

ПЕСНЯ-ВОСПОМИНАНИЕ

Семидесятилетие Шерага совпало с 2000-летием Тараза: юбилей города праздновали 25–27 сентября 2002 года, а 28 сентября – день рождения Муртазы. В те дни группа депутатов, поэтов и писателей во главе с Шерага находились на священной аулиятинской земле по специальному приглашению на празднование юбилея Тараза.

Казахи никогда не праздновали дни рождения загодя. Вот и мы старались не говорить о юбилее Шерага. Я как-то пытался заговорить с ним на эту тему, но он меня прервал: «Для чего ты затеял этот разговор? Какая радость от семидесятилетия? – развел он руками. – Это ведь не тридцать лет, когда ты полон сил и энергии. Я в свое время попал в переплет, отпраздновав шестидесятилетие. Русские издания до сих пор портят воздух по этому поводу...»

Но как же так?! Что мы за народ, если не можем воздать должное лучшим сынам нации, боясь чужого мнения? Один видный деятель в свое время сказал: «Мусрепов не нуждается в нашей похвале, это мы должны гордиться им». Так и день рождения Шерага не только его личный праздник, а торжество для всего на-

рода. Пока неясно, когда состоятся торжества, сразу же после празднования юбилея города, или немного погодя? Но ясно одно – этот день будет отмечен достойно. Но мы решили, что в день его рождения 28 сентября поздравим с юбилеем, будь он в это время в Астане или в Жуалы.

Но все произошло не так, как мы предполагали. Время вылета специального авиарейса в Астану поменяли на вечер 27 сентября, поэтому мы все были вынуждены улететь, чтобы не опоздать на работу. Шерага с Акбилек задержались на два-три дня.

С Шерага мы встретились в Астане. Услышав, что он прилетел в обед, я решил после работы навестить его дома. Они с Акбилек только садились ужинать.

– Как говорится, гость к столу – это человек, который приносит благополучие. Проходите, садитесь, – обрадовался Шерага.

– Вы первые, кто попробует угощений с праздничного стола, который был накрыт в ауле, – выдала все секреты Акбилек.

– Какое торжество, какой той, – Шерага беззлобно поднял голос на супругу, – так, собрались самые близкие родственники и друзья.

– Да перестаньте, Шерага, приbedняться, – возразила Акбилек, – был настоящий той, в ауле все были довольны. Если Ваши слова дойдут до Ермака, будет неудобно.

Ага почесал висок и протянул руку к пиале с чаем. Не желая признать правоту жены, он прокашлялся и хрипловатым голосом продолжил:

– Да, было что-то подобное. Но это не той, а посиделки в узком кругу.

После трапезы Акбилек и Дарига по женским делам ушли в другую комнату, и мы с Шерага остались вдвоем.

– Наверное, кроме Ермака были и другие руководители, – сказал я, желая продолжить начатый за столом разговор. (Ермек Усенбаев – аким Жуалынского района, один из близких младших братьев Шерага.)

– Твой непосредственный начальник Сауытбек, Еркинбек, да было несколько руководителей. (Сауытбек Абдрахманов – президент акционерного общества «Республиканская газета «Егемен Қазақстан», Еркинбек Солтыбаев – бывший аким Сарыуского района, потом председатель ревизионной комиссии областного маслихата.)

– А из писателей?

– Аширбек и Сайлаубек, – Шерага внимательно посмотрел на меня и неожиданно спросил: – Ты все загодя узнал и специально расспрашиваешь, делая вид, что ничего не знаешь? Значит, Макулбек все рассказал. Если ты хочешь узнать, что с домом, то его достроили, ключи вручили. (Когда к лету мы приезжали в Жуалы, земляки строили для Шерага большой дом в Талапты, говорили, что с божьей помощью возведут к дню рождения Шерага.)

– Вот об этом я никак не решался спросить, – сознался я.

– Ты бы лучше спросил, кто еще был из тех, кого вы не знаете, чем интересоваться руководителями и писателями, – Шерага медленно поднялся с места. – Почтенная, пока бодрая, я про свою учительницу говорю, в годы войны она преподавала нам в школе, ее Галиябану зовут. Она пришла и накинула мне на плечи чапан... – сказал Шерага и взволнованно запел любимую песню «Галиябану».

Акбилек и Дарига выскочили из другой комнаты, недоуменно посмотрели на меня, затем перевели взгляд на стол, на котором стояли непочатые бутылки...

Шерага, не обращая на нас никакого внимания, допел до конца песню, которая на мгновение вернула его в детские годы...

ГЕРОЙ РЯДОМ СО МНОЙ

4 октября 2002 года. В Астанинском дворце «Конгресс-холл» нет свободного места. На всю сцену написано «Народному писателю Казахстана Шерагу Муртазе – 70 лет!».

Да, здесь собрались отметить семидесятилетний юбилей Шерага. Торжества начались в его родном селе, а точка будет поставлена в центре столицы – Астане. Это справедливо и поучительно.

Шерага, которому не по душе шумные мероприятия, пожелал, чтобы его творческий вечер провела поэтесса Фариза Онгарсынова. Наверное, сказались схожесть их характеров. Она всегда отличалась прямоотой суждений, не любила многословия. Вот и в этот раз Фариза не стала долго тянуть с началом вечера, а пригласила на сцену классика казахской литературы Абиша Кекильбаева для доклада о творчестве Шерага.

Каждое слово именитого литератора находило путь к сердцам присутствующих. «Мы – народ, живущий будущим, поэтому от Создателя просим дать сыновей. В детстве целуем их с наслаждением, а когда вырастают, радуемся их успехам. Готовы умереть ради тех мудрецов, которые опережают других, которые ведут за собой массы, зажигая их сердца пламенными словами», – так начал доклад Абиш Кекильбаев. Ярко и доходчиво объяснил, что одним из таких мыслителей является Шерага. Его слова о том, что «Шерага семьдесят лет неустанно боролся за место под солнцем, задыхаясь, преодолевая очередные высоты, сбивая в кровь ноги на склонах покоренных вершин, не боясь опасностей, подстерегающих на жизненном пути, без робости принимая удары судьбы, побеждая все препятствия, он, как сказочный богатырь, сломавший хребет тигру, шел вперед твердой поступью. Сейчас он среди нас, обласкан любовью народа», взорвали зал бурными аплодисментами.

Абеке в этот раз отошел от трафарета, не стал делать обзор произведений юбиляра, а больше внимания уделил высокой гражданственности Шерага, показал его общественным деятелем. «Шерага сам говорит, что шестьдесят – это полдень, середина пути. Но ведь потом наступает послеполуденное время. Так что семьдесят еще не вечер, самое послеполуденное время. Очередная остановка, которую делает путник для того, чтобы дать передохнуть лошади. Пусть Ваш путь будет длинным и счастливым, дорогой ага!» – такими словами он закончил доклад.

Затем на сцену поочередно вышли народный акын Казахстана Конысбай Абилов и поэт Серик Тургынбекулы и посвятили Шерага прекрасные стихи.

Присутствующие внимательно слушали слова известного казахского ученого, писателя Акселеу Сейдимбека. «В таких случаях вспоминается, – сказал он, – как в конце шестидесятых годов несколько молодых и целеустремленных людей сгруппировались вокруг газеты “Лениншіл жас” (нынешний “Жас Алаш”). В то время Шаке был редактором издания. Он давал нам неординарные поручения и заставлял писать статьи. В один из дней он вызвал к себе Фаризу Онгарсынову, Мухтара Шаханова и меня и одним приказом утвердил нас собственными корреспондентами по трем регионам: Фаризу – по Западному Казахстану, Мухтара – по Южному Казахстану, меня – по Центральному Казахстану.

На первый взгляд он казался уравновешенным, замкнутым, даже угрюмым, большей частью задумчивым, озабоченным, скупым на слова и чувства человеком. Для посторонних он был даже несколько нелюдимым. Но стоит немного пообщаться с ним, и замечаешь, что в нем сохранились доверчивость и пытливість юношества, умение радоваться хорошим вестям, детская обидчивость на неправильные поступки. Когда дело касалось работы, он не щадил ни себя, ни других, при этом

обладал талантом организатора. В нерабочее время вел себя по-простецки, знал несметное число смешных рассказов, а когда вместе выезжали в командировки, то мы забывали разницу в возрасте, поскольку он вел себя с нами как равный. Но при этом он никогда не переступал границы этики». А когда Акселеу сказал: сегодня мы от души поздравляем нашего старшего брата с семидесятилетним юбилеем, все встали и стоя аплодировали Шерага. Министр Мухтар Кул-Мухаммед сказал: «Если Ваш старший брат Бауыржан является героем войны, то Вы являетесь ба-тыром страстного слова», – и подарил стальную саблю.

Обычно Шерага не любил, когда ему делали подарки. Но в этот вечер, чтобы не обижать гостей, он с удовольствием принимал все – от ручек до бильярдных киев. А когда бывший в ту пору акимом Жамбылской области Серик Умбетов от имени земляков вручил ключи от автомобиля, а заместитель акима Астаны Толеген Мухамеджанов от имени премьер-министра Имангали Тасмагамбетова вручил документы от двухкомнатной квартиры в столице, сцена была завалена цветами.

Верно говорят, что Бог воздаст по заслугам. Творческий вечер Шерага прошел на высоком уровне. Звучали чарующие песни и прекрасные кюи. А сколько было сказано теплых слов об этом замечательном человеке!

– Мы не видели тех ужасных испытаний, что пережили наши предки. Говорят, что нация стояла на грани исчезновения. Но я думаю, что трагедия 30-х годов не уступает им по жестокости. Я родился в это трудное время. Так каким я должен быть? Какими должны быть мои сверстники? Это вы сами знаете. Но мы приучены говорить правду, чего бы это нам не стоило, и никогда не сворачивали с пути истины. Теперь место тех, кто родился в те годы, опустевает. Многие уже покинули этот бранный мир. Выйдя живыми из пекла тех лет, оказались бессильными перед житейскими трудностями. И тело, и душа человека быстро изнашиваются. Слава богу, я выстоял. Вот и семьдесят лет исполнилось. Это пора моего созревания. Созревание – трудный период, многим хочется плод сорвать. Даже если никто и не тронет, можно сорваться с ветки или начать гнить на стволе. Даже если не начнет гнить, можно замерзнуть от мороза, – громко выговорил Шерага. – Мы не шайтаны, чтобы прожить тысячу лет. Мы будем живы и здоровы вместе с народом. Много чего повидали на своем веку. Имеем право сказать «хватит уже!». Сейчас наступают благодатные времена, когда по поверью на спинах овец начнут вить гнезда жаворонки, когда самые бедные будут иметь тысячу овец. Нужно только единство! Елбасы один, а все остальные должны стать ему опорой!..

Через некоторое время торжество, начавшееся в «Конгресс-холле», продолжилось в ресторане. Там мне предоставили слово. Многое из того, что говорил, уже забылось. Но, похоже, мое выступление получилось не как заученный тост, а слова исходили от души. Депутат Мажилиса Уалихан Калижан, бывший тамадой на том тое, сказал: «Архари, ты сказал прекрасные слова о Шерага». А Уалихан тоже из когорты тех людей, которые говорят правду, как она есть. Он был одним из первых строгих критиков моей первой книги «Аккүмбез» («Белая гробница»).

МЕТОД БРОСИТЬ КУРИТЬ

– Ты раньше курил?

– Еще как курил! – я не заметил, как громко сказал это, стараясь произвести впечатление.

Шерага, разминавший в ладонях насвай, призадумался, будто решая, принять его или нет. Затем, прищурившись, долго вглядывался в меня.

– И что, потом бросил?

– Да, бросил, уже лет двадцать прошло с тех пор.

– Расскажи мне, бедняге, как бросил. – (Шерага иногда курил.) – Может, и мы бросим, следуя твоему примеру.

– Ой, ага, для Вас это баловство, – ответил я. – Вы ни сигаретами, ни насваем по-настоящему не увлекаетесь.

– Зря так говоришь, вот, даже шакша есть, – Шерага вытащил из кармана пододбие кисета для насвая и показал мне. – Если этого мало, могу показать сигареты и зажигалку. Ты лучше расскажи, как бросил курить.

Как я мог уйти от ответа, когда так настойчиво просил Шерага. Пришлось вспомнить случай, имевший место около двадцати лет назад. Тогда мы жили в Алматы. Прошло некоторое время, как переехали в четырехкомнатную квартиру в доме на пересечении нынешних проспекта Достык и улицы Толе би, в которой до нас жил мой бывший начальник Хайдар Баймухамбетов. Младшая Жазира – еще грудная, средняя Елигай ходила в детский сад, а старший Айдар только что переступил порог школы. Чем старше становятся дети, тем больше внимания к себе требуют. Мы делали все посильное, чтобы Айдар не потерялся в классе, скорее влился в ритм школьной жизни.

Казахская средняя школа № 12 рядом с домом. Сам провожаю до нее, сам встречаю после уроков. А вечером вожу в спортзал пединститута, расположенный на другой стороне улицы, чтобы он занимался в различных спортивных секциях. Земляк, ученый-литератор Әлимукул Буркитбаев возглавлял кафедру спорта в этом институте. Он говорил, что заберет Айдара в секцию бокса, когда он окрепнет физически, и будет тренировать его вместе со своими сыновьями-студентами Бериком и Сериком.

Однажды вечером, вернувшись с работы, застал сына плачущим.

– Что случилось? – с этим вопросом я посмотрел на жену.

– Спроси у него самого, – нахмурилась она в ответ.

– Ну-ка, расскажи, жеребенок, что случилось? – обратился я к сыну.

– Папа, мама меня обвиняет, что я будто бы курил.

– Что вы такое говорите? – мой вопрос был адресован обоим.

– Не знаю, я никогда сигарету в рот не брал, – это отчет сына.

– Если ты не брал в рот, то откуда въевшийся в твою рубашку запах табака? – парировала мать.

Стало понятно, что подозрение жены вызвал запах табака от рубашки Айдара. Но это же не прямое доказательство для обвинений ребенка. Что же делать? В таких спорных ситуациях решающим является слово главы семьи.

– Давайте сделаем так, – сказал я, обращаясь к Дариге. – Если ты своими глазами не видела, что он курил, не надо обвинять ребенка.

Но разве женщина послушается с первого раза?

– Значит, ты считаешь, что я голословно наговариваю на него, – возразила она.

– Если не веришь, сам понюхай его рубашку.

Здесь она, ясное дело, не права. Это как выпившему человеку сказать, чтобы он принюхался к другому выпившему человеку, чтобы понять, выпил тот или нет. Как курящему человеку определить, курил другой человек или нет?

И тут меня осенила неожиданная мысль, и я повернулся к сыну.

– Айналайын, Айдар, я много лет курю, это плохая привычка, вредная для здоровья, но, зная о нехороших качествах табака, не мог бросить курить. Сейчас я принял твердое решение. Если ты и вправду куришь, давай с сей минуты оба бросим курить. И вдвоем пообещаем маме, – сказал я и, вытащив из кармана пачку сигарет «Қазақстан», разорвал ее пополам и выбросил.

Сын еще громче разрыдался:

– Папа, вы курите и дальше, но поверьте мне, я даже не пробовал!

– Верю тебе, дорогой, – сказал я, утешая его. – И тем не менее с сегодняшнего дня я тоже перестаю курить.

– Так и бросил курить? – удивился Шерага.

– Да, с тех пор не курю.

– Прекрасный способ, удивительная теория, – похвалил Шерага. – А сын? Он тоже не курит?

– Конечно, у него и тяги не было, – ответил я, вспомнив те дни. – И все же запах табака был. Играя на улице, он вместе с соседскими мальчишками разжигал костер. Ребята что постарше, оказывается, курили. Сын позже все подробно рассказал...

– Ойпырай, как келин учуяла это?

– Ойбай, у женщин ведь тонкий нюх, Шерага, – пошутил я. – Кружку пива выпьешь, и то учует.

– Кстати, как сын относится к алкоголю?

– Не знаю, похоже, не потребляет, я не замечал за ним такого.

– Он тебе так и показал! Боится, наверное, что ты опять применишь метод бросания курить, – удовлетворенно сказал Шерага. – Но ты поступил по-геройски. Личный пример есть лучшая агитация. Это и есть действенное воспитание. Молодец, Архари!..

Каждый раз, когда из уст Шерага слышу лестные слова в свой адрес, радость переполняет душу. Потому что похвала от него сродни большой награде.

НЕИЩЕРПАЕМАЯ ТЕМА

Хотел посмотреть программу телеканала «Хабар» и включил телевизор. Шерага собирался выступить на заседании Парламента.

– Казахи всегда с уважением относились к старшим, почитали ветеранов, – начал говорить Шерага, повернув микрофон к себе. – Эта добрая традиция, из века в век передававшаяся от поколения к поколению, не нарушена и теперь, когда пришла рыночная экономика. Но, как говорится, бедность связывает руки даже самым щедрым людям. К сожалению, эта тенденция не обошла стороной и нас. В народе говорят, что сухая ложка дерет рот. Поэтому я хочу сказать о материальной помощи ветеранам и многодетным матерям...

Я понял, что Шерага будет говорить о социальных проблемах общества, в том числе и о развитии литературы и культуры. Поэтому быстренько сбегал за диктофоном и включил его.

– Нас десятилетиями приучали к мысли о том, что государство будет содержать, не даст помереть с голоду. И люди десятилетиями работали под этим ложным лозунгом. А потом их выпроваживали на пенсию с мизерным содержанием. Старики и обездоленные жили в стесненных условиях, что болью отдавалось в наших сердцах, – продолжал говорить Шерага. – К этому со временем добавилась безработица. Нам известно, что даже некоторые крепкие сограждане растерялись. Видя все это, Елбасы дал правительству пять поручений. Одно из них – обязательство по погашению долгов перед народом по пенсиям и заработной плате – решается достаточно хорошо. Но трудно скрыть, что не на должном уровне идет борьба с безработицей. Не во всех регионах одинаково ведется работа по внедрению мирового опыта – созданию общественных рабочих мест, оказанию поддержки малому и среднему предпринимательству, которые создают дополнительные рабочие места. Из-за этого не видны результаты проводимой работы. Иначе от выделенных не-

сколько лет назад 560 миллионов тенге на проведение общественных работ остался хотя бы один след. А ведь деньги направлялись на обеспечение работой свыше 80 тысяч человек. Сейчас мы не можем сказать, что их число сократилось. Скрывать нечего, подавляющее большинство безработных находится в сельской местности. Однако некоторые чиновники отказывают им в пособиях. Они говорят сельчанам, вот, мол, у тебя две-три головы мелкого рогатого скота есть, во дворе растет пять-шесть плодовых деревьев, ухаживай за ними, собирай урожай, продавай и корми семью. Следовательно, ты не безработный. Слава богу, сейчас нет голодающих. Но ведь не хлебом единым живет человек. У всех есть дети, которых одевать-обувать, кормить нужно, хочется дать им достойное образование. С другой стороны, даже если сельчанин вырастит нормальный урожай на приусадебном участке, кому он его продаст? У всех ведь есть огороды. А чтобы ехать в город продавать, тоже нужны деньги и определенные усилия. Поэтому считаю, что пришло время отдельно решать вопрос борьбы с безработицей в селе...

Также Шерага поделился мыслями о том, что необходимо заново пересмотреть закон о нынешнем адресном пособии, поднять самую низкую пенсию сельских пенсионеров.

– Похоже, появилась еще одна хитроумная политика одурачивания сельских жителей под названием адресная помощь, – сказал Шерага, подняв двойной лист, вырванный из ученической тетради. – Что за политика – вы поймете, когда я прочитаю письмо, написанное мне оралманом Маргуланулы, проживающим в Северо-Казахстанской области. Он пишет: «Мы одними из первых вернулись на историческую родину. Поначалу нас поселили в ауле Шөптікөл, где мы получили помощь, нас обеспечили работой. Через пять – шесть лет хозяйство обанкротилось, и мы остались без работы. Стало трудно выживать. А ведь мне нужно содержать семью, одевать и обувать пятерых детей, которые ходят в школу. От безысходности пошел на биржу зарегистрироваться в качестве безработного. Однако в районном отделе социальной защиты населения сказали, что я имею право на пособие в качестве главы многодетной семьи. Поэтому отказали в регистрации в качестве безработного. Конечно, я взял бы пособие, если бы дали. Но ведь не дают. Аким села сказал мне: “У вас есть мелкий скот, а в постановлении правительства указано, что одна овца дает 22 килограмма мяса. Значит вам пособие не положено”. Чтобы продать одну овцу, мне нужно проехать около 300 км до райцентра. Окупятся ли мои расходы, если сумею реализовать свой товар? Выходит, что я не могу получать пособия ни как безработный, ни как многодетная семья. Скажите, это справедливо?»

– Вот такая ситуация имеет место быть на селе, – Шерага обозначил одну проблему. – А она не решается из-за равнодушия и неумения местного начальства организовать дело. Значит, мы обязаны крепко подумать об этом.

После завершения итоговых новостных программ на «Хабаре» и «Қазақстане», прежде чем началось московское «Время», я позвонил Шерага. Потому что в это время он обычно просматривает газеты и журналы, попивая чай.

– Смотрел? – спросил он, подняв телефонную трубку и опередив мои мысли.
– Да, смотрел, очень верно сказали, и к нам на эту тему много писем приходит.

– Так почему не пишете?

– Писали не раз и еще будем писать...

– Значит, не сумели тщательно высветить проблему, – сказал Шерага, чем напомнил время его редакторства. – Тему нужно поднимать так, чтобы читатель прочувствовал ее сердцем.

Шерага то ли положил трубку на стол, то ли стал листать бумаги, держа ее в руках, но получилась шумная пауза, после которой он сказал:

– Ты запиши, сидя в Мажилисе я придумал для тебя несколько тем. Первая тема – «Народ, оказывающий почести ветеранам, не собьется с истинного пути», вторая – «Умение стареть – искусство», третья – «В молодости обеспечить работой...», «Умный старец – проточная река», «Старость. Слово старца – лекарство», «Знания из древности»...

Молча записав все, что надиктовал Шерага, не успел открыть рот, как он спросил:

– Что случилось?

– Все записал. Этих тем хватит на целый год...

– Какой год, это неисчерпаемые темы! Если возьмешься за одну, остальные сами попросятся на разработку. Главное, чтобы вы не забыли о них.

Шерага как в воду глядел, когда говорил так. В том году в «Егемене» вышла моя статья «Будьте живы-здоровы, ветераны». Следом было опубликовано несколько статей-откликов уважаемых в стране людей. Кстати, рубрика «Зеркало человечности», которую подсказал руководитель газеты Сауытбек Абдрахманов, в том году стала самой читаемой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВТОРИТЕТ

Письма, адресованные Шерага, поступали в «Егемен», где он работал в свое время, а также в Мажилис Парламента – на его последнее место работы. Поскольку в последние годы мне дополнительно поручили работу отдела писем, я лично отслеживал письма, присланные в редакцию. Однажды пришло объемное письмо в большом конверте от поэта Абулакапа Райымбекова из Алматы. Он и раньше неоднократно присылал свои произведения, но, несмотря на то что они не публиковались, он не уставал регулярно присылать их в редакцию. Просмотрев стихи, я отписал их в «Таным» (в нашей редакции недавно расформировали существовавшие прежде отделы и вместо них сформировали творческие группы «Сараптама», «Таным», «Саясат», «Ұшқыр»). Но одно стихотворение все время притягивало внимание. Не сказать, что в художественном плане оно написано без изъянов, но заголовок был кричащим – «Шерхан болу мүмкінбе?» («Трудно ли быть Шерханом?»). Все, что касалось Шерага, не оставляло меня равнодушным. Вот и в этот раз без согласия автора я переписал стихотворение в блокнот. И только тогда мое сердце успокоилось.

Прошло некоторое время. Мы с Шерага в один прекрасный субботний день прогуливались по набережной Есиля, как вдруг я вспомнил про это стихотворение. Благодарение Создателю, я перед выходом на улицу положил блокнот в карман спортивного костюма. Вытащив его из кармана, прочитал стихотворение, оставив аннотацию напоследок.

– Кто бы это мог быть? – спросил Шерага после продолжительной паузы.

– Попробуйте найти. Многие акыны посвящали Вам свои произведения, но среди них, наверное, мало восьмидесятилетних.

– Восьмидесятилетний, говоришь? – Шерага задумчиво потер подбородок. – Кто же у нас в Союзе есть, кому уже восемьдесят лет? Этог... Нет, ему еще нет восьмидесяти. Вон тот... так ему уже больше восьмидесяти. – Вдруг Шерага хлопнул себя по бедру и спросил: – Кстати, ты знаешь, что сказал Алжеке, когда ему исполнилось девяносто?

– Нет.

– Те его слова сейчас многие переделали на свой лад...

Шерага снял очки, вытер лицо и вновь надел их.

– Помнится, после юбилейного торжества несколько человек собрались и продолжили чествовать старшего товарища. Тост предоставили одному его ровеснику, которому вот-вот должно было исполниться девяносто. И он в конце говорит: «Поднимем бокалы за то, чтобы Вы дожили до ста лет!» Только он проговорил эти слова, как наш юбиляр вскочил и закричал: «Эй, шайтан (ровесникам позволено так обращаться друг к другу), ты что, цифры больше ста не знаешь?» Так и этот акын ненамного старше меня, ведь ты сам говоришь, что для ровесников десять лет не большая разница. Вот и у нас нет разницы, что семьдесят, что восемьдесят. Скажи, кто это. Судя по тому, что упоминает Исатая и Махамбета, он может быть из Атырау.

– Есть аннотация, если прочту, может быть, догадаетесь.

– Ну-ка.

Зная, что больше тянуть нельзя, иначе терпение Шерага лопнет, я стал читать аннотацию: «Незабвенный Кайнекей Жармагамбетов в очередном номере казахской «Литгазеты» от 15 марта 1951 года писал: «За три года написал три романа в стихах, объемом в сорок тысяч строк. С тех пор он меня прозвал «сорокатысячный». Шерхан тогда был совсем юный. А сейчас он стал богатырем».

– Это же Абулакап?! – воскликнул Шерага и хлопнул меня по плечу.

– Вы точно угадали, это именно он – наш старший товарищ, поэт Абулакап Райымбеков.

– Вот молодец! Ему уже восемьдесят стукнуло! – Шерага стал говорить, не обращая на меня никакого внимания. – Как быстро летит время! Все это было будто вчера. А уже полвека пролетело! Да, такой материал выходил в «Литгазете», но не помню, в каком ключе он был написан: то ли Кайнекей автора хвалил, то ли критиковал, – Шерага повернулся ко мне, – вот работоспособность у человека! За три года написал три романа в стихах. Сорок тысяч строк! Если он и дальше писал такими темпами, то сколько уже строк отмахал? Около ста миллионов будет? Вот вам факт в книгу рекордов!

– Стихотворные строки значительно короче прозаических, – сказал я, чтобы немного поостудить его удивление. – Наверняка они легче даются, чем проза.

– Что? Ты говоришь, что стихи писать легко?

– Нет, я не говорю, что легко, просто к слову сказал, так как Вы считаете строки.

– Но ведь раньше гонорары платили именно по строкам, – сказал Шерага. – Например, одна строка – один рубль.

– В прозе не так. Иначе писатели в десятки раз больше получали бы, чем поэты. Ведь есть такие, которые писали по одному роману в год.

– Ты Ильяса Есенберлина имеешь в виду? – спросил Шерага, приподняв очки. – Но у него совсем другой случай. Он свои произведения годами писал сердцем, сидя в тюрьме. Слова, продиктованные сердцем, естественно, дошли до сердец читателей. Вот почему люди запоем читают его книги. Такими должны быть настоящие писатели. Кстати, ты знаешь, что и он поначалу писал стихи, как Абулакап.

– Да, знаю, – ответил я, кладя блокнот в карман.

Не знаю, войдут ли произведения Абулакапа в Книгу рекордов Гиннеса, но из этого стихотворения мне запомнилась такая строчка – «адебиетке мақам бет» («авторитет в литературе»). И в самом деле, сегодня Шерага самый большой авторитет в литературе. Новые поколения будут искать его произведения, чтобы утолить духовную жажду. Безусловно, будут возносить его так же, как Махамбета.

О КУРИЦЕ И ЯЙЦЕ

Мы играли в бильярд в Караоткеле. Шерага находился в прекрасном расположении духа, непрестанно шутил, весело смеялся. И вдруг, будто вспомнив что-то, спросил:

– Бахытжан приехал?

– Какой Бахытжан?

– Сколько Бахытжанов есть, что, ты не помнишь их? – Шерага рассерженно посмотрел на меня.

– Ойбай-ау, есть пять-шесть Бахытжанов, которых мы знаем, – шутя, ответил я. – Откуда мне знать, кого из них Вы имеете в виду. Даже брата Акбилек Бахытжаном зовут.

– Я еще не выжил из ума, чтобы спрашивать у тебя про собственного свояка, – повысил голос Шерага. – Про твоего свата спрашиваю, который работает в Жамбыле советником Умбетова. Вчера из аула звонили, жалуются, что деньги, выделенные на школу, до сих пор не поступили. Вот хотел у него узнать, в чем дело.

– Так бы сразу и сказали, – рассмеялся я. – Он ночью звонил из Тараза. Если все сложится нормально, завтра прилетит.

Услышав «завтра прилетит», Шерага оживился.

– Скажи ему, пусть свяжется со мной, – сказал он заметно повеселевшим голозом, хотя внешне оставался спокойным.

В подтверждение моих догадок он стал говорить поучительные слова и вспоминать веселые истории.

– «В чем секрет вашей плодовитости?» – спросил один бедняга у курицы, – начал рассказывать анекдот Шерага. – «Так это зависит от стараний нашего петуха», – ответила она. «А какой ваш самый лучший показатель?» – продолжал допытываться бедняга. «В один день снесла два больших яйца», – ответила несушка. «Ваша мечта?» – «Снести три больших яйца». Позже эти же вопросы были заданы и петуху. На первый вопрос он ответил: «Это уже зависит от состояния курицы», на второй – «Постарался, чтобы она снесла два больших яйца». А когда очередь дошла до третьего вопроса, он возмутился: «Мечта – разбить морду индюку», – и похлопал крыльями.

Раскатистый хохот прокатился по всей бильярдной, потому что и за другими столами игроки слушали историю интервью курицы и петуха.

– Основная профессия Бахытжана – философ, да? – спросил минуту спустя Шерага.

– Да, философ.

– Если мне память не изменяет, он учился в Ленинграде и там же защитил кандидатскую диссертацию.

– Точно так, – ответил я, поняв, что Шерага неспроста интересуется фактами, которые ему известны, и что сейчас начнется интересный рассказ.

– Тогда у него завтра нужно будет спросить, что первично – яйцо или курица. Посмотрим, какое заключение сделает философ, – хитро прищурился Шерага. – Впрочем, нам самим нужно определиться с ответом. Вот ты как думаешь, Архари?

– Трудный вопрос, – увильнул я от прямого ответа.

– Да, люди по-разному объясняют, – сказал Шерага, намеливая кий. – Наука тоже с объяснений начинается. По-русски это будет – толковать, разъяснять. Так что многое зависит от того, как ты проанализируешь тему, как доведешь до людей. И в науке так же. Сейчас каждый ученый по-своему объясняет 18 тысяч миров. Сколько миров, столько же наук. Поскольку познание Вселенной зависит от науки,

значит, ученые по знаниям опередили всех нас. А знания берут начало от учений, а учения – от понятия. Наши мыслители прошлого руководствовались этим. Один из тех мудрецов Абунасыр аль-Фараби в свое время сказал, что у живого существа сперва начинает стучать сердце и только потом формируется разум. Еще один великий мыслитель ибн Сина поддержал этот вывод и подтвердил, что вначале создано сердце. Следовательно, первой на свет появилась курица. Потому что у нее есть сердце. И только после нее появилось яйцо. Потому что его приносит курица. Понял, Архари?

– Понял, Шерага, надо записать Ваши слова. Прекрасно!

– Неужели ты думаешь, что эту истину сказал я? Ошибаешься. Я тоже где-то вычитал. Главное, нужно уметь сделать выводы из прочитанного. А это уже требует осмысления. Хотя мы говорим, что без учебы нет знаний, а без знаний нет науки, все же нужно признать, что в их основе лежит умение осмысливать.

Может быть, я тоже читал о том, что первично – курица или яйцо. Но, видимо, не обратил внимания, не подумал. Сейчас больше читаем, чем думаем. Еще больше видим и чувствуем. А надо бы больше думать, как сказал Шерага!

Окончание следует.

Адил Дуйсенбек (Дуйсенбеков) – член Союза журналистов и Союза писателей Казахстана, лауреат литературных конкурсов. Родился 24 мая 1942 г. в селе Жасоркен Жамбылской области. Окончил филологический факультет Казахского государственного университета. Три года служил в воздушно-десантных войсках. В 1969 г. приглашен на работу в республиканскую газету «Социалистік Қазақстан» (сейчас «Егемен Қазақстан»), где проработал тридцать семь лет.

Адил Дуйсенбек – автор книг «Ақ күмбез», «Көкжиек», «Жүрек жылуы», «Тергеу әлі біткен жоқ», «Менің Шерагам», «Қара шаңырақ», «Шынайы өмір шырайы». На протяжении многих лет принимал активное участие в написании 85-летней истории газеты «Егемен Қазақстан».

Награжден грамотой Верховного Совета Казахской ССР (1987 г.), медалями «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне в 1941–1945 годы» (1965 г.), «Ветеран труда» (1988 г.), «10 лет Независимости Республики Казахстан» (2002 г.), «За трудовую доблесть» (2002 г.). Заслуженный деятель Казахстана (2009 г.), кавалер ордена «Парасат» (2014 г.). Работает в пресс-службе Президента Республики Казахстан.

